

Источник: Как вам это понравится. Перевод П. Вейнберга. С предисловием Е. В. Аничкова // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 3. С. 2-58.

Вилльямъ Шекспиръ (переводъ П. Вейнберга)

КАКЪ ВАМЪ ЭТО ПОНРАВИТСЯ

КОМЕДІЯ ВЪ V ДѢЙСТВІЯХЪ

ПЕРЕВОДЪ П. И. ВЕЙНБЕРГА

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ Е. ВЪ. АНИЧКОВА

2

Какъ Вамъ это понравится.

(As you like it).

О, что за свѣтъ, въ которомъ красота
Душевная тому отравой служить,
Кто ею надѣленъ!

Такъ сѣтуетъ въ «Какъ вамъ это понравится», вѣрный слуга Адамъ. Это восклицаніе выражаетъ основную мысль и старинной поэмы, найденной въ бумагахъ Чосера: «Гамелинь». Подобно Орландо въ комедіи Шекспира, и герой комедіи «Гамелинь», по смерти отца своего Джона-де-Бонди, такого же всѣми

уважаемаго, отважнаго и богатаго рыцаря, какъ Роландъ-де-Буа, остается на попеченіи брата еще совсѣмъ ребенкомъ. Сыновей у Джона-де-Бонди было также трое. Онъ раздѣлилъ свое состояніе между ними поровну, но старшій сынъ, такой же коварный, какъ и Оливеръ, разорилъ имѣнія Гамелина, а его самого сталъ держать при себѣ, какъ прислужника. Благородство и смѣлость Джона-де-Бонди однако, были живы въ мальчикѣ. Ему казалась нестерпимой его жизнь. Столкновеніе съ старшимъ братомъ стало неизбежно. И въ этой ссорѣ сразу обнаружилось, что корыстолюбивому старшему брату со всѣми его людьми не совладать съ Гамелиномъ. Пришлось идти на примиреніе, пообѣщать возвратить захваченное имущество. Это первая побѣда молодого удалца. Скоро ему предстоитъ прославиться и публично. Онъ побѣждаетъ въ единоборствѣ знаменитаго силача, только что сразившаго двухъ молодцовъ. Свидѣтели его подвига съ восторгомъ привѣтствуютъ наслѣдника доблестей Джона-де-Бонди. Съ цѣлымъ полчищемъ цѣнителей его силы и отваги возвращается Гамелинъ съ ристалища въ замокъ брата. Но ворота заперты; братъ не хочетъ его

3

болѣе принять. Гамелинъ принужденъ ворваться силой и, напугавши людей брата своей суровой расправой съ привратникомъ, своевольно, захватомъ, какъ у побѣжденнаго врага, расточить погребъ на угощеніе своихъ гостей. Это третій его подвигъ. Но онъ обойдется, уже недешево. Хитростью старшему брату удастся связать Гамелина и приковать въ залъ замка къ столбу. Если бы не забота о немъ стараго Адама, ключника, преданнаго Гамелину совершенно такъ же, какъ онъ былъ преданъ и его отцу, молодому витязю пришлось бы умереть съ голоду. Адамъ даже тайно расковыриваетъ цѣпи Гамелина и только проситъ его сдѣлать видъ, что онъ еще прикованъ, пока не придутъ въ замокъ на пиръ аббатъ и прочіе монахи монастыря; они разсудятъ его съ братомъ и, разумѣется, заступятся за невинно-гонимаго. Предположеніямъ ключника не было, однако, суждено, осуществиться: аббатъ, келарь и другіе монахи слушаютъ навѣты старшаго брата и только подсмѣиваются надъ Гамелиномъ. Тогда наступаетъ ему время уже въ четвертый разъ показать свою удалъ и отомстить лукавымъ монахамъ. Но тутъ онъ вступаетъ уже въ борьбу со всѣмъ испорченнымъ и своекорыстнымъ обществомъ. На сторонѣ брата теперь оказывается уже и шерифъ, съ цѣлымъ войскомъ пришедшій схватить Гамелина въ наказаніе за избіеніе монаховъ. Гамелину остается тогда лишь одно: уйти въ лѣсъ и жить, какъ живутъ подобные ему смѣльчаки, пострадавшіе отъ несправедливости законныхъ властей.

Разсказъ о Гамелинѣ заканчивается не раскаяніемъ старшаго брата, какъ въ комедіи Шекспира, и вовсе не великодушіемъ по отношенію къ нему младшаго. Напротивъ, Гамелинъ своимъ удалствомъ одерживаетъ въ концѣ концовъ полную побѣду надъ всѣми притеснителями и мститъ имъ безъ пощады и снисхожденія. Пока онъ жилъ въ лѣсу среди изгнанниковъ и былъ избранъ ихъ королемъ, его братъ сталъ шерифомъ и воспользовался своей властью, чтобы объявить Гамелина внѣ закона; узнавъ объ этой новой и вѣщней

несправедливости, Гамелинь рѣшилъ опять оказать сопротивленіе, но тутъ сила и отвага не могли болѣе помочь; теперь онъ посаженъ въ тюрьму властями. Спасеніе на этотъ разъ приходитъ отъ другого брата; онъ взялъ Гамелина на поруки до верховнаго суда, когда рѣшится его участь. Гамелинь пользуется этимъ, чтобы вновь уйти въ лѣсъ. Онъ приходитъ на судбище однако во-время, потому что поручившійся за него братъ долженъ погибнуть въ случаѣ его неявки, но онъ приводитъ съ собою своихъ лѣсныхъ удалцевъ и производитъ жестокой самосудъ надъ братомъ, шерифомъ и самимъ верховнымъ судьей. Это преступленіе уже осталось безнаказаннымъ. Зло было вырвано съ корнемъ. Король, къ которому послѣ своей своевольной расправы явился Гамелинь, любилъ его второго брата. Онъ оцѣнилъ и прямоу самага Гамелина и даже назначилъ его верховнымъ судьей.

Отъ разсказа о Гамелинѣ вѣетъ задорнымъ духомъ времянь Уатта Тайлора. Гамелинь напоминаетъ Робинъ Гуда своимъ стремленіемъ установить подъ зеленой кровлей свободнаго лѣса свою собственную справедливость, недопускающую угнетенія слабыхъ и судейскаго лицепріятства.

Въ основу «Какъ вамъ это понравится» легла Лоджевская передѣлка «Гамелина»: «Розалинда или золотое наслѣдіе Юфуэса», гдѣ вся вторая половина разсказа съ момента бѣгства Гамелина совершенно измѣнена и иначе задумана. Шекспиръ придалъ драматическую форму повѣсти Лоджа, очень мало измѣнивъ ее и слѣдуя почти шагъ за шагомъ за ея текстомъ. Даже самое названіе комедіи Шекспира заимствовано изъ одной фразы посвященія «Розалинды» лорду Гундсону и господамъ читателямъ.

«Розалинда» Лоджа написана, какъ это показываетъ и самое заглавіе, въ духѣ такъ называемаго юфуизма. Лоджъ ученикъ Лилли. Онъ не заботится о правдоподобіи, объ исторической правдѣ, о географіи; онъ уснащаетъ свой стиль антитезами, сравненіями, цитатами изъ классиковъ и французскихъ поэтовъ; и это даже тогда, когда онъ изображаетъ разговоры пастуховъ. Но дѣло не только въ манерѣ изложенія; Лоджъ заботился не объ однихъ витіеватыхъ отступленіяхъ, поэтическихъ прикрасахъ и отборности выраженій. Какъ отзывается Жюссеранъ о Лилли, Лоджъ также «водитъ насъ по всевозможнымъ цвѣтушимъ дорожкамъ, но какъ бы ни была причудлива внѣшняя форма его повѣсти, онъ неизбѣжно и безъ всякой оговорки ведѣтъ насъ къ проповѣди». Сообразно этимъ особымъ пріемамъ творчества, мятежный духъ удалства и отпора съ оружіемъ въ рукахъ общественной неурядицѣ исчезъ изъ разсказа о Гамелинѣ. Средневѣковую точку зрѣнія замѣнили изнѣженная артистичность и ученый педантизмъ Возрожденія. Лѣсъ, куда бѣжитъ молодой

скиталецъ, уже не притонъ лихихъ изгнанниковъ. Это условный романтическій Арденскій лѣсъ, гдѣ рядомъ съ ужасными львами пасутъ свои мірныя стада слащавыя пастушки. Они устраиваютъ между собою поэтическія состязанія, какъ въ эклогахъ Виргилія, изливаютъ въ сонетахъ свою пламенную любовь къ

пастушкамъ, вырѣзываютъ на деревьяхъ любовные стихи. Повѣсть Лоджа должна была тѣшить чисто женскій вкусъ. Героемъ оказался уже не суровый борецъ за свои права. Героиня – Розалинда, дочь также изгнаннаго узурпаторомъ изъ своихъ владѣній герцога. Лоджъ называетъ его Торисмондомъ. Розадеръ, какъ зовется здѣсь Гамелинь-Орландо, лишь достойный ея возлюбленный. Его подвиги ведутъ прежде всего къ тому, чтобы воспламенить сердце Розалинды. Въ кокетливой игрѣ съ этой дѣвушкой, столь же остроумной и живой, какъ и у Шекспира, и также одѣтой пажемъ, проходитъ все время его изгнанничества. Нравственно-наставительное направленіе сказывается здѣсь въ томъ, что вражду и ненависть старшаго брата побѣждаетъ великодушіе младшаго. Да и до этой странной сцены со львомъ Саладинъ, Оливеръ повѣсти Лоджа, въ вычурномъ монологѣ склоняется уже къ раскаянію за свою жестокость и своекорыстіе. Къ тому же власти вовсе не на его сторонѣ. Узурпаторъ, Торисмондъ, соответствующій Фридриху у Шекспира, пользуется столкновеніемъ двухъ братьевъ, чтобы объявить внѣ закона Саладина. Общественная струя поэмы «Гамелинь» такимъ образомъ исчезла. Ее замѣнило примѣряющее съ жизнью и проникнутое вѣрой въ добро настроеніе. Лоджу принадлежитъ введеніе въ рассказъ сценъ дружбы и любви рядомъ со сценами борьбы и насилія, такъ причудливо переплетающихся въ «Какъ вамъ это понравится».

Столь важный для хронологіи шекспировскихъ пьесъ трактатъ Миреса «Palladis Tamia» (1598) не упоминаетъ этой комедіи. Въ каталогахъ книгопродавцевъ она названа подъ 4-мъ августа 1600 г. Въ этомъ году всего вѣроятнѣе она и возникла.

Шекспиръ сохранилъ морализующій тонъ Лоджа. Онъ также смотритъ на несправедливость и насиліе, какъ на нѣчто случайное и вполне поправимое. Зло не присуще человѣческой природѣ. Впечатлѣніе отъ дружбы Целіи и Розалинды, отъ преданности Адама, отъ благородства Орландо и раскаянія Оливера усиливается еще прекраснѣе изгнаннаго герцога, доходящаго до заявленія, что «сладостны послѣдствія несчастій». И если въ повѣсти Лоджа собравшіяся въ Арденскомъ лѣсу жертвы насилія Торисмонда-Фридриха идутъ на него съ мечами въ рукахъ, и читатель, закрываетъ книгу увѣренный въ неизбежности его гибели, у Шекспира Фридрихъ родной братъ герцога и онъ самъ отказывается отъ власти подъ вліяніемъ бесѣды съ какимъ-то старцемъ.

Однако и усиливая еще болѣе свѣтлый взглядъ на жизнь, Шекспиръ отбѣнилъ и понялъ несравненно глубже Лоджа самыя несправедливости и насилія. Вниманіе не скользитъ по нимъ въ «Какъ вамъ это понравится» такъ легко, какъ въ «Розалиндѣ». Настроеніе самаго герцога, восхваляющаго жизнь, далекую отъ придворнаго блеска и почестей, хорошо понялъ Амьень, когда онъ говоритъ ему:

Жестокіе удары
Своей судьбы вы на такой спокойный
И сладостный языкъ способны быстро
Переводить.

Удары судьбы такимъ образомъ все-таки чувствуются. Прекраснѣе герцога сплетено съ грустной ироніей надъ своимъ положеніемъ. Введенный въ

разсказъ Шекспиромъ добрый шутъ Точстонъ (Оселокъ) на своемъ шутовскомъ языкѣ говорить въ сущности то же, что и герцогъ, когда онъ отвѣчаетъ на вопросъ пастуха Корина, какъ ему нравится сельская жизнь: «Какъ жизнь воздержанная, она, видите ли, вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ, но какъ жизнь лишенная изобилія, она совершенно противорѣчитъ моему желудку». Къ словамъ шута не надо относиться съ пренебреженіемъ. Въ нихъ то и выражается горькая правда. Философъ Жакъ, также введенный въ дѣйствіе уже самимъ Шекспиромъ, не даромъ послѣ знакомства съ этимъ Точстономъ приходитъ къ заключенію, что только въ пестрой курткѣ шута можно высказать людямъ всю истину. Жака, о которомъ сложилось мнѣніе «сѣвшее глубоко», что онъ уменъ, оттого такъ тянетъ дурачиться. И эта затѣя его осуществится. Пройдя черезъ притворное безуміе Гамлета, она поведетъ къ созданію всеобщаго любимца – преданнаго злосчастному Лиру шута-моралиста.

Самъ Арденскій лѣсъ вовсе не изображенъ въ «Какъ вамъ это понравится» тѣмъ благодатнымъ затишьемъ пастушеской жизни, въ которомъ развивается нравственно-наставительный

5

замыселъ повѣсти Лоджа. Шекспиръ не видитъ въ немъ обители для размышленій; непосредственная мудрость не изгоняетъ здѣсь всецѣло изъ сердца человѣка все злое и порочное, что вкрадывается въ него среди соблазновъ и заблужденій свѣта. Когда Жакъ задумывается надъ невинными слезами раненаго оленя, онъ ясно видитъ, что охота, это единственное утѣшеніе лѣсныхъ скитальцевъ, есть тоже несправедливость, тоже вопіющее насиліе. Нужды нѣтъ, что любимымъ героямъ Шекспира, Орlando и Розалиндѣ, убаюканнымъ на живописномъ лонѣ лѣса своимъ счастьемъ, такъ чужда и почти ненавистна меланхолія Жака. Она, конечно, не можетъ сжиться съ звуками нѣжности и примиренія, раздавшимися въ ихъ душѣ. Болѣе внимательно слушающій безнадежную философію Жака зритель невольно остановится мыслью надъ возможностью и менѣе благопріятнаго исхода горестей и невзгодъ. Ведя все дѣйствіе къ благопріятному исходу, Шекспиръ не хотѣлъ замолчать зло жизни. Не далѣе какъ черезъ годъ, когда изъ подъ его пера начнетъ выходить цѣлый сонмъ трагическихъ фигуръ, тяготящее надъ миромъ зло заполонитъ его воображеніе.

Въ отношеніи къ вереницѣ тѣхъ несправедливостей, которыя загнали дѣйствующихъ лицъ «Какъ вамъ это понравится» въ лѣсныя дебри, эта комедія стоитъ такимъ образомъ гораздо ближе къ старинной поэмѣ о Гамелинѣ, чѣмъ къ юфуистической повѣсти Лоджа. Но зналъ ли Шекспиръ эту поему? Одна небольшая подробность его комедіи совпадаетъ съ соотвѣтственной сценой «Гамелина». Отецъ сраженныхъ въ единоборствѣ силачемъ Карломъ молодцевъ у Лоджа предается стоическимъ размышленіямъ и не высказываетъ ни малѣйшаго огорченія по поводу гибели своихъ сыновей. У Шекспира, напротивъ, какъ и въ поэмѣ «Гамелинъ», онъ горько жалуется на постигшее его горе. Тутъ, конечно, можетъ быть и совпаденіе. Шекспиръ быть можетъ отступилъ здѣсь отъ текста

Лоджа ради простого правдоподобия. Однако, если известный шекспиролог Хельзъ показалъ такъ убѣдительно, что великій драматургъ читалъ Чосера, то трудно предположить, чтобы ему осталась незнакома поэма о «Гамелинѣ»: она входила въ Кентерберійскіе рассказы и считалась созданіемъ ихъ творца.

Воспользоваться такими эпизодами поэмы о Гамелинѣ, которыхъ нѣтъ у Лоджа, Шекспиру во всякомъ случаѣ не представлялось никакой возможности. Комедія не могла вмѣстить даже всѣхъ тѣхъ эпизодовъ, которые вошли въ «Розалинду» Лоджа. Къ періоду полной зрѣлости его таланта, какъ драматурга, Шекспиру все болѣе удастся достигнуть единства дѣйствія. И это даже несмотря на то, что онъ подчасъ становится еще разнообразнѣе, еще осложненнѣе. Дѣйствіе все болѣе сосредоточивается на катастрофѣ. Въ перипетіяхъ Гамелина-Розадера-Орlando катастрофу составляетъ гибель старшаго брата въ поэмѣ и раскаяніе его у Лоджа и Шекспира. Сообразно этому въ «Какъ вамъ это понравится» самая борьба Орlando и Оливера изображена лишь на скоро въ первомъ дѣйствіи. Шекспиръ могъ отмѣтить только самые главные ея моменты. Такъ онъ совершенно выпустилъ находящіяся и у Лоджа сцены угощенія младшимъ братомъ цѣнителя его удалства, а старшимъ братомъ аббата монастыря. Надо было какъ можно скорѣе перенести дѣйствіе въ Арденскій лѣсъ. Но и тутъ событій было слишкомъ много и ихъ нельзя было всѣ сохранить цѣликомъ. У Лоджа на примѣръ Оливеръ вмѣстѣ съ братомъ спасаетъ Алинду-Целію отъ разбойниковъ, хотѣвшихъ схватить ее и отвести къ отцу въ надеждѣ на вознагражденіе. Въ «Какъ вамъ это понравится» эпизодъ этотъ пропущенъ.

Путемъ подобныхъ сокращеній, сложное и запутанное содержаніе комедіи Шекспиръ расположилъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Определить его мало-мальски точно, разумѣется, нѣтъ возможности. Совершенно очевидно однако, что первое дѣйствіе обнимаетъ событія трехъ, четырехъ дней. Силачъ Карлъ приходитъ къ Оливеру въ то самое время, когда у него происходитъ ссора съ братомъ. Единоборство произойдетъ, по его словамъ, на слѣдующій день. Между первымъ явленіемъ перваго акта и вторымъ явленіемъ, когда изображается побѣда Орlando, проходитъ такимъ образомъ ночь. Объявленіе Фридрихомъ Розалиндѣ приговора объ ея изгнаніи и рѣшеніе двоюродныхъ сестеръ бѣжать вмѣстѣ могло имѣть мѣсто либо тотчасъ послѣ единоборства, либо нѣсколькими днями позже. Труднѣе определить время дѣйствія второго акта. Наступаетъ онъ несомнѣнно не сразу послѣ перваго. Розалинда и Целія успѣли уже пробраться

до Арденскаго лѣса, а путь ихъ, судя по ихъ усталости, былъ дологъ. Между третьимъ явленіемъ того же акта и шестымъ и седьмымъ явленіями столько же времени приблизительно нужно и Орlando, чтобы прибыть вмѣстѣ съ Адамомъ въ тотъ же лѣсъ. Но съ этого момента, т. е. съ перваго явленія третьяго акта, развитіе дѣйствія начинаетъ уже ускоряться. Счастливая развязка близится уже

безъ малѣйшей проволочки. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями вѣроятно опять прошло нѣсколько дней, пока Орlando успѣлъ столько разъ вырѣзать на деревьяхъ имя Розалинды и излить свою любовную тоску въ столькихъ стихахъ; нѣсколько дней понадобилось и Точстону, чтобы составить себѣ ясное представленіе о жизни въ лѣсу; но событія самаго третьяго акта занимаютъ лишь одинъ день. Уже утромъ слѣдующаго дня начинается четвертый актъ. Въ первой же встрѣчѣ съ Орlando въ четвертомъ явленіи третьяго дѣйствія, Розалинда назначаетъ ему придти на слѣдующій день. До разговора ихъ въ четвертомъ актѣ прошла стало быть одна только ночь. На этотъ разъ свиданіе назначается уже черезъ часъ. Тутъ Орlando спасаетъ брата отъ львицы, и Оливеръ приноситъ, можетъ быть, только съ нѣкоторыми часами опозданія его окровавленный платокъ Розалиндѣ, чтобы объяснить, почему Орlando не явился въ условленное время. Пятый актъ изображаетъ событія слѣдующихъ двухъ дней.

При такой стремительности дѣйствія о его большемъ правдоподобіи нечего было и думать. Шекспиръ о немъ и не задумывался. Только пастухи у него немного менѣе литературны, чѣмъ у Лоджа; они не поютъ эклогъ и не морализуютъ на тему о прелестяхъ жизни далекой отъ свѣтской суеты. Возлюбленный Фебъ не сочиняетъ также стиховъ по французски, лишь сама Фебъ оказывается не только грамотной, но и одаренной поэтическимъ талантомъ. Все остальное такъ же невѣроятно и неожиданно, какъ и у Лоджа. Но вниманіе и не успѣваетъ анализировать событія. Сами дѣйствующія лица, очерченные такъ метко и живо, заслоняютъ собою сюжетъ. Заслоняетъ его и широко задуманная философская сторона пьесы. Дѣло не въ сюжетѣ. Молодцоватый, прямой и честный Орlando, прекраснoдушный герцогъ, меланхоликъ Жакъ, преданный и вдумчивый Точстонъ и наконецъ сами Целія и Розалинда, они всѣ глубоко правдивы и вовсе не условны.

Менѣе очерченными остались Оливеръ и узурпаторъ Фридрихъ. Ихъ раскаяніе слишкомъ поспѣшно и мало обосновано. Если справедливо предположеніе Ольдисъ Райта, что комедія «Какъ вамъ это понравится» написана на скорую руку, то иначе и быть не могло. Позднѣе Шекспиръ однако еще разъ задумается надъ психологіей раскаянія. Когда герцогъ, скрывающійся отъ преслѣдованій брата-узурпатора, станетъ кудесникомъ Просперо въ «Бурѣ», исправленіе заблужденій человѣческой природы путемъ великодушія будетъ изображено Шекспиромъ уже не въ двухъ-трехъ словахъ. Оно окажется въ самомъ центрѣ драматическаго замысла. Тогда и честный приближенный Фридриха ле-Бо, предупреждающій Орlando о грозящей ему при дворѣ опасности, станетъ ученикомъ Монтэня-Гонзало.

Розалинда и Целія заставляютъ вспомнить о Беатриче и Геро въ «Много шуму изъ ничего». Но развитіе ихъ характеровъ слегка сгладилось. Геро, превратившись въ Целію, раньше чѣмъ стать Офеліей, Дездемоной и Имогеной, позаимствовала не мало задора у своей подруги. Въ ней оказалось гораздо больше жизненной энергіи и остроумія, чѣмъ раньше. Съ другой стороны и Розалинда въ этой комедіи далеко не та странная и сильная душою дѣвушка, какую мы видѣли въ Беатриче. Превратившись вновь въ Розалинду, какъ она называлась и въ

«Безплодныхъ усиляхъ любви», она стала податливѣе и мягче. Конечно и прежде она могла бы воскликнуть словами Марло изъ «Геро и Леандра», которыя приводитъ Фебэ:

Къ кому любовь не приходила сразу!

но она раньше не поддавалась охватившему ее чувству: она боролась съ нимъ и обманывала самое себя. Розалинда теперь стала непосредственнѣе. Узнавъ, что Орlando здѣсь, въ лѣсу, что онъ любитъ ее и вырѣзываетъ на деревьяхъ ея имя, она въ отчаяніи, что ей вздумалось разыграть роль мужчины. Если она не открывается сразу Орlando, дразнить его, играетъ его любовью къ ней, то наединѣ съ Целіей она признается съ полной искренностью въ своемъ чувствѣ.

Евг. Аничковъ.

7

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Герцогъ, живущій въ изгнаніи.

Фридрихъ, его братъ, завладѣвшій его государствомъ.

Аміенъ \

Жакъ } вельможи, послѣдовавшіе за изгнаннымъ герцогомъ.
 |

Ле-Бо, приближенный Фридриха.

Карлъ, борецъ Фридриха.

Оливеръ \

Жакъ } сыновья Роланда де-Буа.

Орlando |

Адамъ, служитель Оливера.

Деннисъ, служитель Оливера.

Оселокъ, (Точстонъ) шутъ.

Оливеръ Мартекстъ, (Путаница), священникъ.

Коринъ \

 } пастухи.

Сильвій |

Вилльямъ, поселянинъ, влюбленный въ Одри.

Гименей.

Розалинда, дочь изгнанного герцога.

Целія, дочь Фридриха.

Фебэ, пастушка.

Одри, поселянка.

Свита обоихъ герцоговъ; пажи, охотники и др.

Дѣйствіе происходитъ сначала вблизи дома Оливера, потомъ – частью при дворѣ Фридриха, частью въ Арденскомъ лѣсу.

8

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I

Небольшой садъ подлѣ дома Оливера.

Входятъ Орlando и Адамъ.

Орlando. Сколько мнѣ помнится, Адамъ, дѣло это произошло такъ: по завѣщанію онъ отказалъ мнѣ всего какую-нибудь несчастную тысячу кронъ и, какъ ты говоришь, передъ смертію заклиналъ моего брата, своимъ благословіемъ, дать мнѣ хорошее воспитаніе. Тутъ-то и начались мои страданья. Брата моего Жака онъ посылаетъ въ школу, и молва разноситъ о его успѣхахъ золотые слухи. Меня же онъ воспитываетъ по мужицки дома, или, говоря точнѣе, держитъ дома и не даетъ никакого воспитанія. Дѣйствительно, можно ли назвать воспитаніемъ для человѣка моего рода обстановку, которая ничѣмъ не разнится отъ обстановки бычачьяго стойла? Да онъ лучше воспитываетъ своихъ лошадей: не говоря уже о томъ, что имъ дается отличная пища, ихъ еще обучаютъ ѣздѣ, и для этого нанимаются конюхи, получающіе большое жалованье. А если я, его братъ, и приобретаю что-нибудь подъ его опекой, такъ развѣ ростъ; въ этомъ отношеніи скотина, гуляющая на его навозныхъ кучахъ, обязана ему столько же, сколько и я. Сверхъ этого ничтожества, которымъ онъ такъ щедро награждаетъ меня, ему, повидимому, хочется своимъ обращеніемъ со мною лишить меня тѣхъ немногихъ даровъ, которыми надѣлила меня природа: онъ заставляетъ меня ѣсть вмѣстѣ съ лакеями, не позволяетъ занять мѣсто брата и, на сколько это ему возможно, мало-по-малу разрушаетъ мое дворянское достоинство даваемымъ мнѣ воспитаніемъ. Это-то и огорчаетъ меня, Адамъ, и духъ моего отца, который, какъ мнѣ кажется, живетъ во мнѣ, начинаетъ возмущаться противъ этого рабства. Я не хочу больше сносить его, хотя покамѣстъ не знаю что придумать, чтобы выйти изъ этого положенія.

Входитъ Оливеръ.

Адамъ. Вотъ мой господинъ и вашъ братъ.

Орlando. Отойди въ сторону, Адамъ, и ты услышишь, какъ онъ напустится на меня.

Оливеръ. Ты здѣсь что дѣлаешь?

Орландо. Ничего. Я ничего не умѣю дѣлать; не научили.

9

Оливеръ. Такъ ты что-нибудь портишь здѣсь?

Орландо. Да, я помогаю вамъ портить праздностью то, что сотворилъ Богъ – вашего бѣднаго и недостойнаго брата.

Оливеръ. Работайте-ка получше - и чортъ ъсъ вами!

Орландо. Неужели я долженъ пасти вашихъ свиней и есть съ ними жолуди? Вѣдь я не расточилъ никакого наслѣдства блуднаго сына, чтобы быть обязаннымъ жить въ такой нищетѣ.

Оливеръ. Вы не знаете, вѣрно, гдѣ вы?

Орландо. О, очень хорошо знаю! здѣсь, въ вашемъ саду.

Оливеръ. Знаешь ли ты, передъ кѣмъ стоишь?

Орландо. Да, знаю лучше, чѣмъ тотъ, передъ которымъ я стою, знаетъ меня. Я знаю, что вы мой старшій братъ, и вамъ бы слѣдовало точно также знать меня, если бы вы не забыли благороднаго закона родства. Услужливый обычай народовъ даетъ вамъ предпочтеніе передо мною, потому что вы перворожденный; но этотъ же самый обычай не отымаетъ у меня моей крови, хотя бы даже двадцать братьевъ стояли между мною и вами. Во мнѣ столько же отцовскаго, сколько и въ васъ, хотя - сознаюсь въ этомъ - вы, какъ явившійся на свѣтъ раньше, можете скорѣе пріобрести уваженіе, на которое нашъ отецъ имѣлъ право.

Оливеръ. И ты смѣешь, мальчишка...

Орландо. (*бросаясь на него*) Потихе, потихе, старшій братецъ! Вы еще слишкомъ молоды для этого!

Оливеръ. Такъ ты хочешь поднять на меня руку, негодяй!

Орландо. Я не негодяй. Я младшій сынъ Роландо-де Буа. Онъ былъ мой отецъ, и трижды негодяй тотъ, кто говоритъ, что такой отецъ произвелъ на свѣтъ негодяя. Не будь ты мой братъ, я не отвелъ бы этой руки отъ твоего горла прежде, чѣмъ другая рука не вырвала бы твой языкъ за такія слова. Ты надругался надъ самимъ собою.

Адамъ. Любезные господа, успокойтесь. Памятью вашего отца умоляю, не ссорьтесь.

Оливеръ. Пусти меня, говорятъ тебѣ.

Орландо. Нѣтъ, не пущу, пока самъ не захочу этого. Вы выслушайте меня. Мой отецъ, въ своемъ завѣщаніи, поручилъ вамъ дать мнѣ хорошее воспитаніе - а вы воспитали меня какъ мужика, вы скрывали, отдаляли отъ меня всѣ качества дворянина. Но духъ моего отца все болѣе и болѣе крѣпнетъ во мнѣ, и я не хочу долѣе сносить это положеніе. Поэтому откройте мнѣ доступъ ко всѣмъ занятіямъ, приличнымъ дворянину, или отдайте мнѣ скудную часть, завѣщанную мнѣ отцомъ; съ нею я пойду искать счастья.

Оливеръ. Что же ты станешь дѣлать? Нищенствовать, когда истратишь эти деньги? Однако довольно; ступайте отсюда - я не желаю, чтобъ вы долѣе надоѣдали мнѣ. Вы получите часть того, что желаете. Прошу васъ оставить меня.

Орландо. Я не стану требовать отъ васъ больше того, что нужно для моей пользы.

Оливеръ. *(Адаму)* Ступай съ нимъ, старый песь!

Адамъ. Старый песь! Такъ вотъ моя награда! Впрочемъ, вы правы: я потерялъ всѣ зубы на службѣ вамъ. Упокой Господи душу моего стараго господина! Онъ не сказалъ бы такого слова!

(Адамъ и Орландо (Уходятъ).)

Оливеръ. А, такъ вотъ оно что! Ты хочешь перерастить меня. Я вылечу тебя отъ этой болезни, а тысячу кронъ все-таки не дамъ. Эй, Деннисъ!

Входитъ Деннисъ.

Деннисъ. Вы изволили звать?

Оливеръ. Кажется, что Карль, борецъ герцога пріѣхалъ сюда, чтобъ поговорить со мною?

Деннисъ. Точно такъ, съ вашего позволенія; онъ здѣсь, у дверей, и проситъ разрѣшенія войти.

Оливеръ. Зови его. *(Деннисъ (Уходитъ).)* Это будетъ хорошее средство; а состязаніе въ борьбѣ назначено на завтра.

Входитъ Карль.

Карль. Добраго утра вашей милости!

Оливеръ. Добрый monsieur Карль, какія новѣйшія новости при новомъ дворѣ?

Карль. Никакихъ новостей при дворѣ, кромѣ старыхъ новостей: т. е. старый герцогъ изгнанъ своимъ младшимъ братомъ, новымъ герцогомъ; трое или четверо преданныхъ вельможъ отправились съ нимъ въ добровольное изгнаніе. Ихъ земли и доходы обогащаютъ новаго герцога, вслѣдствіе чего онъ и не препятствуетъ имъ странствовать.

Оливеръ. Не можете ли сказать мнѣ, изгнана ли Розалинда, дочь герцога, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ?

10

Карль. О нѣтъ! Дочь новаго герцога, ее кузина, такъ любитъ ее – потому что онѣ воспитывались вмѣстѣ съ колыбели, - что послѣдовала бы за нею въ изгнаніе, или умерла, если бы ихъ разлучили. Розалинда живетъ при дворѣ, и дядя любитъ ее не меньше, чѣмъ свою родную дочь; а онѣ обѣ любятъ одна другую такъ, какъ никогда не любили другъ друга двѣ женщины.

Оливеръ. Гдѣ поселится старый герцогъ?

Карль. Говорятъ, что онъ уже въ Арденскомъ лѣсу, вмѣстѣ съ нѣсколькими веселыми товарищами, и что сами они живутъ, какъ Робинъ Гудъ англійскій. Говорятъ, что съ каждымъ днемъ къ нему прибываетъ много молодыхъ дворянъ и

что они проводят время безмятежно, живя такъ, какъ жили когда то въ золотомъ вѣкѣ.

Оливеръ. Скажите, вы завтра будете бороться въ присутствіи новаго герцога?

Карлъ. Непремѣнно, я и пришелъ сообщить вамъ нѣчто. Мнѣ тайно дали знать, что вашъ младшій братъ, Орlando, намѣренъ завтра, переодѣтый, попытаться выйти противъ меня. Между тѣмъ завтра я буду бороться для того, чтобы поддержать свою репутацію, и поэтому тотъ, кто уйдѣтъ изъ моихъ рукъ безъ нѣсколькихъ переломанныхъ членовъ, отдѣляется счастливо. Вашъ братъ очень молодъ и слабъ, и ради васъ мнѣ было бы крайне непріятно уложить его, а для спасенія своей чести я долженъ буду это сдѣлать, когда онъ придетъ. Вотъ оттого-то, изъ любви къ вамъ, я и пришелъ увѣдомить васъ о предстоящемъ, чтобы вы могли или отклонить его отъ этого намѣренія, или приготовиться какъ слѣдуетъ перенести несчастье, которому онъ подвергаетъ себя; онъ самъ ищетъ его и это сдѣлается совершенно вопреки моему желанію.

Оливеръ. Карлъ, благодарю тебя за любовь ко мнѣ - и ты увидишь, что я отблагодарю тебя самымъ дружескимъ образомъ. Я самъ узналъ о намѣреніи моего брата и старался разными путями отклонить его отъ этого; но онъ непоколебимъ. Знаешь ли, Карлъ, - это упрямѣйшій мальчикъ во Франціи, полный честолубія и завистливый соперникъ всякаго человѣка съ достоинствами; онъ тайно и гнусно злоумышляетъ противъ меня, своего родного брата. Поэтому дѣйствуй по своему усмотрѣнію. Если ты свернешь ему шею, не больше буду огорченъ, чѣмъ если бы ты сломалъ ему палецъ. И я совѣтую тебѣ, для твоей пользы, смотрѣть въ оба, потому что, если ты нанесешь ему только легкій вредъ или если онъ не одержитъ полной побѣды надъ тобою - онъ начнетъ дѣйствовать противъ тебя ядомъ, поймаетъ тебя въ какую-нибудь мошенническую ловушку и не выпуститъ до тѣхъ поръ, пока не лишитъ жизни какимъ нибудь косвеннымъ или другимъ способомъ. Да, увѣряю тебя - говорю это почти со слезами - нѣтъ въ настоящее время на свѣтѣ человѣка, который былъ бы такъ гнусенъ душою, не смотря на свои юные годы. А вѣдь я еще говорю о немъ, какъ братъ; но начни я разбирать его передъ тобой во всей подробности, мнѣ пришлось бы краснѣть и плакать, а тебѣ - блѣднѣть и изумляться.

Карлъ. Я очень радъ, что пришелъ сюда къ вамъ. Если онъ появится завтра, я съ нимъ раздѣлаюсь какъ слѣдуетъ. Если послѣ этого онъ будетъ въ состояніи сдѣлать хоть одинъ шагъ безъ поддержки - я никогда больше не стану бороться на призъ. Затѣмъ, Богъ да сохранить вашу милость!

Оливеръ. Прощай, добрый Карлъ! *(Карлъ уходитъ)*. Теперь я подстрекну этого молодчика и надѣюсь, что увижу его конецъ, потому что моя душа, самъ не знаю почему, ненавидитъ его больше всего на свѣтѣ. А между тѣмъ, онъ кротокъ, ученъ, хотя ничему не учился, полонъ благородства, любимъ всѣми сословіями до безумія и дѣйствительно такъ пришелся по сердцу всѣмъ, и особенно моимъ людямъ, которые знаютъ его лучше, чѣмъ кто бы то ни было, - что черезъ это они меня ставятъ почти ни во что. Но это продлится не долго. Этотъ атлетъ уладитъ

все дѣло. Теперь мнѣ остается только пождечъ мальчишку, и я сейчас же примусь за это. ((Уходитъ).)

СЦЕНА II.

Лужайка передъ домомъ герцога.

Входятъ Розалинда и Целія.

Целія. Розалинда, милая кузина, прошу тебя - будь весела.

Розалинда. Милая Целія, я и то кажусь веселою сверхъ силы, а ты хочешь, чтобъ я была еще веселѣе? Если ты не можешь научить меня, какъ забыть изгнаннаго отца, то нельзя требовать, чтобы я могла предаваться особому веселью.

11

Целія. Из этого я вижу, что ты не такою полною любовью любишь меня какъ я люблю тебя. Еслибъ мой дядя, твой изгнанный отецъ, изгналъ твоего дядю, моего отца, но при этомъ ты осталась бы неразлучно со мною, я приучила бы мою любовь смотрѣть на твоего отца, какъ на моего. Точно такъ же поступила бы и ты, если бы твоя привязанность ко мнѣ была такъ же искренна и испытана, какъ моя къ тебѣ.

Розалинда. Хорошо, я забуду свое положеніе и стану радоваться твоему.

Целія. Ты знаешь, что у моего отца нѣтъ дѣтей, кромѣ меня, да, по всей вѣроятности и не будетъ; нѣтъ сомнѣнія, что послѣ его смерти ты будешь его наслѣдницей, потому что все то, что онъ взялъ у твоего отца силою, я отдамъ тебѣ по любви. Клянусь честью, отдамъ - и пусть я обращусь въ чудовище, если нарушу эту клятву. Развеселись же, моя милая Роза, моя дорогая Роза!

Розалинда. Да, съ этой минуты, кузина, я буду весела, и стану выдумывать забавы. Какъ ты думаешь, напримѣръ, о томъ, чтобы влюбиться ради забавы?

Целія. Отлично! пожалуйста сдѣлай изъ любви забаву, но не влюбляйся ни въ кого серьезно, да и шутку доводи только до той степени, чтобы имѣть возможность выйти изъ нея съ честью, сохранивъ ненарушимымъ румянецъ невинности.

Розалинда. Чѣмъ же мы станемъ забавляться?

Целія. Сядемъ и насмѣшками стонимъ почтенную матушку-фортуна съ ея колеса, для того, чтобы впередъ она раздавала свои дары поровну.

Розалинда. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мы могли сдѣлать это, потому что ея благодѣянія распредѣлены крайне неправильно; особенно ошибается добрая слѣпая женщина при раздачѣ своихъ даровъ женщинамъ.

Целія. Это правда: тѣ, которыхъ она дѣлаетъ красивыми, рѣдко получаютъ отъ нея добродѣтель, а тѣ, которыхъ она дѣлаетъ добродѣтельными, выходятъ изъ ея рукъ очень некрасивыми.

Розалинда. Нѣтъ, говоря это, ты уже переходишь изъ области фортуны въ область природы: фортуна-владычица свѣтскихъ даровъ, но не очертаній, производимыхъ природою.

Входитъ Оселокъ.

Целія. Будто? Развѣ, когда природа производитъ красивое созданье, фортуна не можетъ бросить его въ огонь? - Если природа дала намъ остроуміе для того, чтобы насмѣхаться надъ фортуной, то развѣ фортуна не прислала сюда этого шута, чтобы прекратить нашъ разговоръ?

Розалинда. Дѣйствительно, фортуна слишкомъ жестоко обращается съ природой, подрѣзывая натуральной глупостью подлинный разумъ природы.

Целія. Можетъ быть, это сдѣлала не фортуна, а природа, которая замѣтивъ, что наши натуральные умы слишкомъ тупы для того, чтобы разсуждать о такихъ богиняхъ, послала сюда этого дурачка въ видѣ оселка для насъ, потому что всегда тупость дурака служить оселкомъ для умнаго. Ну, умный человѣкъ, куда направляешься ты?

Оселокъ. Сударыня, васъ требуетъ къ себѣ вашъ отецъ.

Целія. А тебя сдѣлали посланникомъ?

Оселокъ. Нѣтъ, клянусь честью, но мнѣ приказали сходить за вами.

Розалинда. Гдѣ ты выучился этой клятвѣ, шутъ?

Оселокъ. У одного рыцаря, который клялся своей честью, что пирожки были хороши, и клялся своей честью, что горчица никуда не годилась. Я же утверждаю, что пирожки никуда не годились, а горчица была хороша. Темъ не менѣе рыцарь не давалъ ложной клятвы.

Целія. Какъ докажешь ты это съ твоимъ большимъ запасомъ учености?

Розалинда. Да-да, сними-ка намордникъ со своей мудрости.

Оселокъ. Ну, выступите обѣ впередъ, погладьте свои подбородки и поклянитесь вашими бородами, что я плутъ.

Целія. Клянемся нашими бородами, если-бы онѣ у насъ были, что ты плутъ.

Оселокъ. Клянусь моимъ плутовствомъ, если-бы оно у меня было, я былъ-бы плутъ. Но когда вы клянетесь тѣмъ, чего нѣтъ, то не даете ложной клятвы; точно также не клялся ложно рыцарь, когда клялся своею честью, ибо ея у него не было, или, если онъ и имѣлъ ее, то уничтожилъ клятвами задолго до того, какъ увидѣлъ эти пирожки и эту горчицу.

Целія. На кого ты это намекаешь, скажи пожалуйста?

Оселокъ. На человѣка, котораго любилъ старый Фридрихъ, вашъ отецъ.

Целія. Любовь моего отца достаточна для того, чтобы этого человѣка уважали. Довольно, не говори больше о немъ. На этихъ дняхъ тебя высѣкутъ за злословіе.

Оселокъ. Тѣмъ хуже, что дураки не имѣютъ права говорить умно о глупостяхъ, которыя дѣлаютъ умные люди.

Целія. Честное слово, ты говоришь правду: съ тѣхъ поръ какъ ту капельку ума, которую имѣютъ дураки, заставили молчать, та капелька глупости, которую имѣютъ умные люди, торжественно выставляетъ себя на показъ. Сюда идетъ Ле-Бо.

Входитъ Ле-Бо.

Розалинда. Съ полнымъ ртомъ новостей?

Целія. Которыми онъ обсыпетъ насъ, какъ голуби, когда они кормятъ своихъ птенцовъ.

Розалинда. Значитъ, мы будемъ напичканы новостями.

Целія. Тѣмъ лучше - мы отъ этого только выиграемъ. Bonjour, monsieur Ле-Бо! Что новаго?

Ле-Бо. Прекрасная принцесса, вы упустили одно отличное увеселеніе.

Целія. Увеселеніе? Какого цвѣта?

Ле-Бо. Какого цвѣта? Какъ прикажете мнѣ отвѣчать на это?

Розалинда. Какъ подскажутъ вамъ умъ и случай.

Оселокъ. Или какъ велитъ рокъ.

Целія. Хорошо сказано: фраза точно изъ камня высѣчена.

Оселокъ. О, если мое остроуміе когда-нибудь истощится...

Розалинда. Тогда ты потеряешь свой прежній запахъ.

Ле-Бо. Вы смущаете меня, сударыни. Мнѣ хотѣлось рассказать вамъ о хорошей борьбѣ, которую вамъ не удалось видѣть.

Розалинда. Ну что-жъ - расскажите, какъ происходила эта борьба?

Ле-Бо. Я расскажу вамъ начало, и, если вашимъ свѣтлостямъ будетъ угодно, вы можете увидѣть конецъ, потому что самое-то лучшее еще осталось сдѣлать, и дѣлать его придутъ сюда, на это самое мѣсто, гдѣ вы находитесь.

Целія. Хорошо, послушаемъ это начало, которое уже умерло и похоронено.

Ле-Бо. Вотъ идетъ старикъ съ тремя своими сыновьями...

Целія. Я могла бы придѣлать это начало къ какой-нибудь старой сказкѣ.

Ле-Бо. Тремя прекрасными молодыми людьми, отличнаго роста и красоты...

Розалинда. Съ такими записочками на шеѣ: "Да будетъ изъ сихъ записокъ вѣдомо всѣмъ и каждому..."

Ле-Бо. Старшій изъ троихъ боролся съ Карломъ, борцомъ герцога, и этотъ Карлъ опрокинулъ его въ одно мгновеніе и сломалъ ему три ребра, такъ что нѣтъ почти надежды спасти его; точно такъ же онъ поступилъ со вторымъ, и точно такъ же съ третьимъ. Тамъ лежатъ они; бѣдный старикъ, ихъ отецъ, такъ горестно стонетъ надъ ними, что всѣ зрители сочувствуютъ ему слезами.

Розалинда. Ахъ, Боже мой!

Оселокъ. Какое же это, сударь, увеселеніе, упущенное принцессами?

Ле-Бо. Какъ какое? Да то, о которомъ я рассказываю.

Оселокъ. Видно, люди съ каждымъ днемъ становятся умнѣе! Въ первый разъ въ жизни я слышу, что переламываніе реберъ составляетъ увеселеніе для женщинъ.

Целія Я тоже - увѣряю тебя.

Розалинда. Но развѣ остался еще кто-нибудь, желающій слышать въ своихъ ребрахъ эту музыку переламыванія? Есть еще охотники до разбитыхъ реберъ? Такъ намъ прійдется присутствовать при этой борьбе, кузень?

Ле-Бо. Прійдется, если вы останетесь здѣсь, потому что именно это мѣсто назначено для борьбы, и она сейчасъ начнется!

Целія. Да, дѣйствительно, они идутъ. Что-жъ, останемся и посмотримъ.

Трубы. Входятъ герцогъ Фридрихъ, вельможи, Орlando, Карлъ и свита.

Фридрихъ. Начинайте. Такъ какъ этотъ юноша не слушаетъ никакихъ увѣщаній, пусть рискуетъ на свой собственный страхъ.

Розалинда. Это онъ?

Ле-Бо Точно такъ.

Целія. Увы, онъ слишкомъ молодъ; но въ лицѣ его побѣдоносное выраженіе.

Фридрихъ. И вы здѣсь, дочь и племянница? Вы прокрались сюда, чтобъ посмотрѣть на борьбу?

Розалинда. Точно такъ, государь, если вы намъ позволите.

Фридрихъ. Могу вамъ сказать, что это зрѣлище доставитъ вамъ мало удовольствія: силы этихъ людей неравны. Изъ состраданія къ молодости человѣка, вызвавшего на бой, я хотѣлъ отговорить его, но онъ ничего не слушаетъ. Поговорите-ка вы съ нимъ; попытайтесь, не уговорите ли вы его?

Целія. Добрый Ле-Бо, позовите его сюда.

Фридрихъ. Да, позовите, я отойду въ сторону.

Ле-Бо. Господинъ состязатель, принцессы зовутъ васъ.

14

Орlando. Почтительнѣйше исполняю ихъ приказаніе.

Розалинда. Молодой человѣкъ, вы вызвали на бой Карла, борца?

Орlando. Нѣтъ, прекрасная принцесса, онъ вызвалъ всѣхъ желающихъ. Я только пришелъ, какъ другіе, помѣяться съ нимъ силою моей молодости.

Целія. Молодой человѣкъ, вашъ духъ слишкомъ смѣлъ для вашихъ лѣтъ. Вы видѣли страшныя доказательства силы этого человѣка. Еслибъ вы взглянули на себя своими собственными глазами или изслѣдовали себя собственнымъ разсудкомъ, сознаніе вашей опасности посовѣтовало бы вамъ рѣшиться на болѣе подходящее вашимъ силамъ дѣло. Мы просимъ васъ, ради васъ самихъ, подумать о вашей безопасности и отступить отъ этой попытки.

Розалинда. Да, послушайте насъ, молодой человѣкъ, ваша репутація не пострадаетъ отъ этого; мы попросимъ герцога, чтобы борьба не продолжалась болѣе.

Орlando. Умоляю васъ - не наказывать меня неблагопріятнымъ мнѣніемъ; при этомъ признаю самъ себя очень виноватымъ, что отказываю хотя въ чемъ-нибудь такимъ прекраснымъ дамамъ. Пусть только ваши прекрасные глаза и добрыя желанія сопровождаютъ меня на этомъ поединкѣ. Если я буду побить -

срамомъ покр оется здѣсь только тотъ, кто никогда не пользовался почетомъ; если убьютъ меня - умретъ только тотъ, кто желалъ смерти. Я не причиню никакого огорченія моимъ друзьямъ, потому что у меня нѣтъ друзей, которые стали бы оплакивать меня; я не сдѣлаю никакого вреда свѣту, потому что въ немъ я ничего не имѣю. Въ свѣтѣ я занимаю только одно мѣсто, которое будетъ гораздо лучше заполнено, когда я очищу его.

Розалинда. Мнѣ хотѣлось бы придать вамъ ту маленькую силу, которой я владѣю.

Целія. А я хотѣла бы дополнить ея силу своею.

Розалинда. Ступайте же! Молю небо, чтобъ я ошиблась относительно васъ.

Целія. Да будутъ съ вами желанья вашего сердца!

Карлъ. Ну, ну гдѣ же этотъ юный молодецъ, такъ сильно желающій улечься рядомъ съ своей матерью-землею?

Орландо. Онъ готовъ, но желаніе его имѣетъ болѣе скромный характеръ.

Фридрихъ. Вы остановитесь послѣ перваго паденія.

Карлъ. Ручаюсь вашей свѣтлости, что вамъ, такъ усердно отклонявшимъ его отъ перваго паденія, не прійдется побуждать его ко второму.

Орландо. Вѣдь вы разсчитываете посмѣяться надо мною послѣ борьбы - такъ вамъ не слѣдовало бы смѣяться до нея. Однако, приступайте къ дѣлу.

Розалинда. Геркулесъ да поможетъ тебѣ, молодой человѣкъ!

Целія. Мнѣ хотѣлось бы быть теперь невидимкой, чтобъ схватить этого силача за ногу.

(Карлъ и Орландо борются.)

Розалинда. О, превосходный юноша!

Целія. Будь у меня въ глазахъ громовыя стрѣлы, я знаю, кто лежалъ бы на землѣ.

(Карлъ падаетъ. Радостные клики.)

Фридрихъ. Довольно, довольно!

Орландо. Умоляю вашу свѣтлость позволить продолжать; я еще не разошелся.

Фридрихъ. Каково тебѣ, Карлъ?

Ле-Бо. Онъ не въ состояніи говорить, государь.

Фридрихъ. Унесите его отсюда. *(Карла уносятъ.)* Какъ твое имя, молодой человѣкъ?

Орландо. Орландо, государь; я - младшій сынъ Роландо де-Буа.

Фридрихъ.

Желалъ бы я, чтобъ ты былъ сынъ другого

Кого-нибудь; свѣтъ твоего отца

Всегда считалъ почтеннымъ человѣкомъ,

Но я всегда врага въ немъ видѣлъ. Мнѣ

Поступокъ твой понравился бъ сильнѣе,

Происходи ты изъ другой семьи.

Но все-таки ты юноша храбрѣйшій;

Жаль одного - что не другой отецъ

Былъ названъ мнѣ тобою. До свиданья!
(*Герцогъ, Ле-Бо и свита Уходятъ*).

Целія.

Кузиночка, будь я моимъ отцомъ,
Неужли бы я такъ же поступила,
Какъ онъ теперь?

Орландо.

Я болѣе горжусь
Тѣмъ, что я сынъ Роланда - самый младшій
Изъ сыновей его - и этотъ титулъ
Не отдалъ бы, хотя бѣ въ замѣнъ его
Наслѣдникомъ усыновленнымъ Фридрихъ
Назвалъ меня.

Розалинда.

Роланда мой отецъ
Любилъ, какъ жизнь свою, и всѣ на свѣтѣ

15

Такую же любовь къ нему питали.
Знай прежде я, что это сынъ его,
Слезами бы я просьбы замѣнила,
Чтобъ страшно такъ собою рисковать
Не дать ему.

Целія.

Любезная кузина,
Пойдемъ съ тобой его благодарить
И ободрять; завистливый и грубый
Тонъ моего отца на сердце мнѣ
Легъ тяжело. Мессэръ, вы отличились
Блистательно. Коли въ любви держать
Умѣете вы обѣщанья такъ же,
Какъ превзошли всѣ обѣщанья здѣсь,
То счастлива подруга ваша будетъ.

Розалинда.

(*отдавая ему цѣпь со своей шеи*).

Вотъ эту вещь на память обо мнѣ
Прошу носить - о женщинѣ, фортуной
Отверженной, которая дала бѣ
И больше вамъ, будь средства побогаче
У ней въ рукахъ! - Что жъ, Целія, идемъ?

Целія.

Идемъ сейчасъ. Прощайте, славный витязь!

(Целія и Розалинда хотятъ идти).

Орландо.

Ужели я не въ силахъ имъ сказать:
"Благодарю"? Прекраснѣйшія свойства
Моей души повержены во прахъ,
А то, что здѣсь нетронутымъ осталось -
Безжизненный обрубокъ.

Розалинда (останавливаясь).

Онъ зоветъ,
Кузина, насъ; я съ счастьемъ лишилась
И гордости; хочу спросить, чего
Желаетъ онъ? - Мессэръ, мнѣ показалось
Вы звали насъ. Мессэръ, дрались вы славно
И побѣдить съумѣли не однихъ
Своихъ враговъ...

Целія.

Я жду тебя, кузина.

Розалинда.

Иду, иду. Прощайте-же...

(Розалинда и Целія уходятъ).

Орландо.

Какимъ

Волненіемъ мой языкъ такъ сильно скованъ?
Съ ней говорить не могъ я, а она
Настойчиво на это вызывала.

Входитъ Ле-Бо.

Несчастнѣйшій Орландо, ты сраженъ!
Коли не Карлъ, такъ нѣчто послабѣе
Побѣду одержало надъ тобой!

Ле-Бо.

Добрѣйшій мой, совѣтую по дружбѣ
Изъ этихъ мѣстъ отправиться. Хотя
Вы здѣсь себѣ снискали одобренье
Высокое, и общую любовь,
И похвалы правдивыя, однако
Нашъ герцогъ такъ настроенъ, что на вашъ
Поступокъ онъ совсѣмъ иначе смотреть.
Онъ прихотливъ, капризенъ; вамъ, мессэръ,
Приличнѣе понять его характеръ
Дѣйствительный, чѣмъ мнѣ о томъ сказать.

Орландо.

Благодарю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу васъ
Скажите мнѣ: изъ этихъ двухъ дѣвицъ,
Что на борьбу смотрѣли здѣсь - какая
Дочь герцога?

Ле-Бо.

Да ни одна изъ нихъ,
Коли судить по качествамъ душевнымъ;
На дѣлѣ же, дѣйствительно, вотъ та,

16

Что меньше ростомъ - дочь его; другая -
Дочь герцога-изгнанника; ее
Здѣсь дядя задержалъ какъ компаньонку
Для дочери своей, и ихъ любовь
Взаимная нѣжнѣй природной связи
Родныхъ сестеръ. Но я вамъ сообщу,
Что съ нѣкоторыхъ поръ сердить нашъ герцогъ
На милую племянницу свою,
И этому одна причина только -
Что весь народъ питаетъ къ ней любовь
За качества душевныя, и жалость
Къ ней чувствуетъ изъ-за ея отца
Добрѣйшаго. Я жизнью поручиться
Готовъ, что гнѣвъ его противъ нея
Внезапно разразится. До свиданья!
Впослѣдствіи, въ другомъ и лучшемъ свѣтѣ,
Чѣмъ этотъ свѣтъ, я попрошу у васъ
Поболѣе и дружбы, и знакомства.

Орландо.

Я крайне вамъ обязанъ навсегда.

Прощайте. *(Ле-Бо уходитъ).*

Ну, теперь, какъ видно, долженъ
Я изъ огня да въ пылыя идти:
Отъ герцога-тирана прямо къ брату-
Тирану. Розалинда, ангелъ мой! *(Уходитъ).*

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ.

Входятъ Целія и Розалинда.

Целія. Ну, кузина, ну, Розалинда!.. Купидонъ да сжалится надъ нами! -
Неужели ни одного слова?

Розалинда. Ни одного, чтобъ бросить собакъ.

Целія. Нѣтъ, твои слова слишкомъ драгоцѣнны для того, чтобъ ихъ бросать
собакамъ; брось часть ихъ мнѣ. Ну, затрави меня доводами разсудка.

Розалинда. Если бы я это сдѣлала, обѣ кузины пропали бы: одну изувѣчилъ
бы разсудокъ, а другая сошла бы съ ума отъ неимѣнья разсудка. (*Вздыхаетъ.*)

Целія. И это все изъ-за твоего отца?

Розалинда. Нѣтъ, кое-что изъ-за дитяти моего отца. О, какъ наполненъ
терніями этотъ будничный свѣтъ!

Целія. Это только волчецы, кузина, брошенные на тебя въ разгаръ
праздничнаго веселья. Когда мы ходимъ не по проложеннымъ тропинкамъ, они
цѣпляются за наше платье.

Розалинда. Съ платья я всегда могу ихъ сбросить; но тутъ: шипы засѣли въ
моемъ сердцѣ.

Целія. Вырви ихъ.

Розалинда. Я попыталась бы, если бъ знала, что это легко сдѣлать.

Целія. Ну, полно, полно; борись съ своими чувствами.

Розалинда. Ахъ, они приняли сторону лучшаго борца, чѣмъ я.

Целія. Желаю тебѣ успѣха. Въ свое время ты попытаешься потягаться съ
этимъ борцомъ, рискуя даже поражениемъ. Однако, шутки въ сторону и
поговоримъ серьезно. Неужели правда, что такъ внезапно ты ощутила такую
сильную привязанность къ младшему сыну старика Роланда?

Розалинда. Герцогъ, отецъ мой, горячо любилъ его отца.

Целія. Такъ развѣ изъ этого слѣдуетъ, что ты должна горячо любить его
сына? По такой логикѣ, мнѣ бы слѣдовало ненавидѣть его, потому что мой отецъ
сильно ненавидѣлъ его отца - а между тѣмъ я не ненавижу Орландо.

Розалинда. Да, не ненавидь его ради меня.

Целія. Изъ за чего мнѣ ненавидѣть его? Развѣ онъ не выказалъ себя съ
отличной стороны?

Розалинда. Вотъ потому-то не мешай мнѣ любить его, а ты люби его оттого,
что я люблю его. Смотри, сюда идетъ герцогъ.

Целія. Глаза его пылаютъ гнѣвомъ.

Входитъ герцогъ Фридрихъ со свитой.

Фридрихъ (Розалиндѣ).

Сударыня, подумайте сейчасъ-же

О вашей безопасности и дворъ

Оставьте нашъ немедленно.

Розалинда.

Я, дядя?

Фридрихъ.

Да, ты, племянница. Чрезъ десять дней,

Коль ближе чѣмъ на двадцать миль ты будешь

Отъ нашего владѣнья - смерть тебѣ!

Розалинда.

Униженно прошу я вашу свѣтлость
Позволить мнѣ съ собою унести
Познаніе вины моей. Колю знаю
Отчетливо я самое себя,
И сознаю свои желанья ясно,
И бодрствую, и не сошла съ ума,
Въ чемъ я вполнѣ убѣждена - то, дядя

17

Мой дорогой, ручаюсь смѣло вамъ,
Что никогда, ничѣмъ, ни даже мыслью,
Не вышедшей на свѣтъ изъ мозга - я
Еще не оскорбила вашу свѣтлость.

Фридрихъ.

Такъ говорятъ измѣнники всегда.
Когда бъ слова ихъ душу очищали,
Невинностью равнялись бы они
Съ святынею. Довольствуйся одною
Причиною: не верю я тебѣ.

Розалинда.

Однако же такое недовѣрье
Измѣнницей не дѣлаетъ меня.
Скажите мнѣ, на чемъ улики ваши
Основаны?

Фридрихъ.

Ты - твоего отца
Родная дочь, и этого довольно.

Розалинда.

Но ею же была я и тогда,
Когда его землей вы завладѣли;
Но ею же была я и тогда,
Когда его изгнали вы. Измѣна
Вѣдь не идетъ въ наслѣдство, государь,
А если бы насъ ею надѣлили
Пріятели - такъ мнѣ что до того?
Измѣнникомъ вѣдь не былъ мой родитель.
Поэтому, мой добрый государь,
Не будьте такъ ко мнѣ несправедливы,

Чтобъ въ бѣдности моей измѣну видѣть.

Целія.

Позвольте мнѣ сказать вамъ, сударь
Мой дорогой...

Фридрихъ.

Да, Целія, оставилъ
Ее я здѣсь изъ-за тебя одной.
Иначе бы съ отцомъ своимъ бродила
Она теперь.

Целія.

Ее оставить здѣсь
Въ то время я не умоляла. Сами
Вы этого хотѣли, сами вы
Ее тогда жалѣли. Я въ то время
Еще была на столько молода,
Что не могла цѣнить ее. Теперь же
Узнала я ее вполнѣ. Когда
Измѣнница она - я тоже, значитъ,
Измѣнница: вѣдь вмѣстѣ спали мы,
Вставали мы въ одно и то же время,
Учились мы, играли, ѣли вмѣстѣ,
И всюду, гдѣ мы появлялись съ ней,
Какъ лебѣди Юноны - появлялись
Четою неразлучною всегда.

Фридрихъ.

Нѣтъ, для тебя она хитра чрезъ мѣру;
Терпѣніе ея, молчанье даже
И кроткій нравъ народу говорятъ,
И жалость къ ней онъ чувствуетъ. Ты дура!
Вѣдь у тебя она воруетъ имя,
И будешь ты и болѣе блистать,
И болѣе плѣнительной казаться,
Когда она уйдетъ отъ насъ. Итакъ,
Не раскрывай ты губъ. Твердъ, непреложень
Тотъ приговоръ, который произнесъ
Надъ нею я: она идетъ въ изгнанье.

Целія.

Такъ приговоръ такой же, государь,
И надо мной произнесите: розно

Съ ней жить во мнѣ нѣтъ силы.

Фридрихъ.

Ты глупа!

Племянница, готовьтесь же къ отъѣзду.

Коль долѣе назначеннаго срока

18

Промедлите - порукой честь моя

И словъ моихъ величье - вы умрете.

(Уходитъ со свитой.)

Целія.

О, бѣдная сестра моя! Куда

Ты двинешься? Желаетъ поменяться

Отцами? - Я готова своего

Тебѣ отдать. Прошу тебя, кузина,

Не будь грустнѣй меня.

Розалинда.

Причинъ грустить

Я болѣе имѣю.

Целія.

Нѣтъ, неправда,

Утѣшься же. Не знаешь развѣ ты,

Что герцогомъ отправлена въ изгнанье

Я, дочь его?

Розалинда.

Тебя онъ не изгналъ.

Целія.

Нѣтъ? Не изгналъ? У Розалинды, значитъ,

Нѣтъ той любви, которая должна

Ей разъяснить, что ты и я - одно.

Насъ разлучить? Намъ, милая, разстаться?

Нѣтъ! Пусть себѣ отыщетъ мой отецъ

Наслѣдницу другую. Ну, давай же,

Придумаемъ, какъ убѣжать, куда

Отправиться, что унести съ собою...

Кинь мысль о томъ, чтобъ на себя одну

Взвалить свою невзгону, чтобъ страданья

Свои нести безъ помощи моей:
Да, что бы ты не говорила - небомъ,
Отъ нашихъ слезъ ужъ поблѣднѣвшимъ, я
Клянусь пойти повсюду за тобою.

Розалинда.

Ну, хорошо, куда же мы пойдѣмъ?

Целія.

На поиски, за дядей.

Розалинда.

Ахъ, опасно

Намъ, дѣвушкамъ, въ такой далекій путь
Отправиться! Вѣдь красота сильнѣе
Чѣмъ золото влечетъ къ себѣ воровъ.

Целія.

Я наряжусь въ костюмъ простой и бѣдный
И сажею запачкаю лицо;
Ты сдѣлаешь, какъ я - и мы спокойно
Пройдемъ свой путь, ни разу никого
Не подстрекнувъ напасть на насъ.

Розалинда.

Не лучше ль

Мнѣ, такъ какъ я довольно высока,
Одѣться съ ногъ до головы мужчиной,
Красивый мечъ привѣсивши къ бедру
И въ руки взявъ охотничью пику?
Тогда – хотя бъ въ душѣ моей лежалъ
Весь страхъ, какой таится въ женскомъ сердцѣ –
У насъ, повѣрь, такой же будетъ видъ
Воинственный и гордый, какъ у многихъ
Трусливѣйшихъ мужчинъ, въ которыхъ страхъ
Скрывается подъ внѣшностью притворной.

Целія.

Какъ звать тебя прикажешь мнѣ, когда
Мужчиною ты будешь?

Розалинда.

Не желаю

Я имени скромнѣй, чѣмъ у пажа

Юпитера; такъ будешь Ганимедомъ
Ты звать меня – смотри, не позабудь.
Какое же себѣ возьмешь ты имя?

Целія.

Согласное со жребіемъ моимъ:
Не Целія я больше – Алиена.

Розалинда.

Какъ думаешь, не попытаться ль намъ
Украсть шута придворнаго отсюда?
Онъ былъ бы намъ поддержкою въ пути,
Не правда ли?

Целія.

О, онъ пойдетъ за мною
На край земли; завербовать его
Мнѣ предоставь. Идемъ же собирать
Брильянты всѣ и всѣ богатства наши;
Удобную минуту изберемъ
И лучший путь, чтобъ скрыться отъ погони,
Которую пошлютъ во слѣдъ за мной.
Идемъ, и пусть сердца намъ радость наполняютъ:
Насъ не изгнаніе – свобода ожидаетъ.

19

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Арденскій лѣсъ.

Входятъ старый герцогъ, Аміень и другіе вельможи, въ платьѣ охотниковъ.

Герцогъ.

Ну что, мои товарищи и братья
Въ изгнаніи - не стала ль эта жизнь
Благодаря привычкѣ старой, слаще
Раскрашеннаго блеска? Этотъ лѣсъ
Не менѣе ль опасностями полонъ,
Чѣмъ лживый дворъ? Здѣсь кару лишь одну
Адамову мы чувствуемъ - различье
Межъ временами года. Но когда

Зубъ ледяной и завыванье вѣтра
Сердитаго зимою тѣло мнѣ
Грызутъ и бьютъ, и наконецъ заставляютъ
Отъ холода дрожать меня - тогда
Съ улыбкою я говорю: "вотъ это
Совсѣмъ не лезть; вотъ это вкругъ меня -
Совѣтники, которые отлично
Даютъ понять мнѣ, что такое я".
Да, сладостны послѣдствія несчастья;
Какъ мерзостный и ядовитый змѣй,
Оно хранить неоцѣнимый камень
Подъ черепомъ. И эта наша жизнь,
Свободная отъ суеты и шума,
Находитъ голоса въ лѣсныхъ деревьяхъ
И книги въ ручейкахъ, и поученья
Въ громадныхъ камняхъ, и добро во всемъ.
Аміенъ.

Да, я смѣнить жизнь эту на другую
Не захотѣлъ бы. Ваша свѣтлость тѣмъ
Счастливы, что жестокіе удары
Своей судьбы вы на такой спокойный
И сладостный языкъ способны быстро
Переводить.

Герцогъ.

А не пойти ль теперь
За дичью намъ? Хоть тяжело мнѣ, право,

20

Что этихъ глупыхъ, пестрыхъ бѣдняковъ,
Туземныхъ горожанъ пустыни этой,
Въ ихъ собственныхъ владѣньяхъ здѣшнихъ мы
Колючими стрѣлами настигаемъ
И ранимъ въ кровь ихъ круглые бока.

1-й вельможа.

Вотъ этимъ то и огорченъ ужасно
Нашъ меланхоликъ Жакъ; клянется онъ,
Что въ этомъ отношеніи, ваша свѣтлость,
Вы болѣе не правы, чѣмъ вашъ братъ,
Изгнавшій васъ. Сегодня съ Аміеномъ
Мы спрятались нарочно близъ него,
Когда лежалъ враспяжку онъ подъ дубомъ,
Котораго разросшіеся корни

Вошли въ ручей, журчащій въ этомъ лѣсѣ.
Туда пришелъ страдать бѣднякъ-олень,
Пораненый охотничьей стрѣлою;
И, вѣрьте мнѣ, свѣтлѣйшій герцогъ, такъ
Несчастное животное стонало,
Что кожаный покровъ его костей
Растягивался страшно, точно лопнуть
Готовъ былъ онъ; и жалобно текли
Вдоль мордочки его невинной слезы
Большущія и круглыя, одна
Во слѣдъ другой: такъ волосатый дурень
У самаго ручья на берегу
Стоялъ, его слезами наполняя,
А между тѣмъ глазъ не спускалъ съ него
Меланхолическій Жакъ.

Герцогъ.

Но что жъ такое
Жакъ говорилъ? Картину эту онъ
Не сдѣлалъ ли нравоученій темой?

1-й вельможа.

О да, и тѣ нравоученія онъ
Высказывалъ во множествѣ сравненій.
Такъ, на примѣръ, при видѣ столькихъ слезъ,
Терявшихся въ ручьи безъ всякой пользы,
Онъ говорилъ: "бѣднякъ, подобно прочимъ,
Ты дѣлаешь духовную теперь,
Тому свое богатство отдавая,
Кто безъ того достаточно богат".
И вслѣдъ за тѣмъ, при мысли, что олени
Оставили лохматые друзья,
Что онъ одинъ, безпомощный, скитался -
Жакъ говорилъ: "да, это такъ всегда:
Товарищеское несчастье прогоняетъ".
Вдругъ нѣсколько оленей передъ нимъ
Промчались и веселы, и сыты,
И ни одинъ привѣта не послалъ
Несчастному. "Ну да, бѣгите мимо -
Воскликнулъ Жакъ. - Бѣгите поскорѣй,
Вы, сытые, зажиточные люди!
Таковъ ужъ свѣтъ! Ну, стоитъ ли смотрѣть
На жалкаго, несчастнаго банкрота!"
Такъ онъ пронзалъ упреками насквозь
Быть городской, и сельскій, и придворный,

И даже жизнь, которую ведемъ
Мы съ вами здѣсь; онъ клялся, что мы просто
Разбойники, тираны, хуже ихъ,
И это оттого, что мы пугаемъ
И даже бьемъ животныхъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ ихъ сама природа поселила.

Герцогъ.

И въ этомъ настроеніи вы его
Оставили?

2-й вельможа.

Такъ точно, ваша свѣтлость -
Оставили въ раздумьѣ и въ слезахъ
Надъ раненымъ оленемъ.

Герцогъ.

Поведите
Меня туда. Люблю я подходить
Къ нему, когда онъ мрачно такъ настроенъ:
Тутъ множество глубокихъ мыслей въ немъ.

2-й вельможа.

Пожалуйте, я васъ сведу сейчасъ-же.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Комната во дворцѣ.

Входятъ герцогъ Фридрихъ, вельможи и слуги.

Фридрихъ.

Возможно ли, чтобы никто изъ васъ
Не видѣлъ ихъ? Нѣ, это невозможно,
Сообщниковъ онъ себѣ нашелъ
Въ какихъ-нибудь бездѣльникахъ придворныхъ.

1-й вельможа.

Насколько мнѣ извѣстно, такъ никто
Не видѣлъ ихъ. Въ присутствіи прислужницъ
Она легла въ постель, но рано утромъ
Прислужницы нашли уже постель
Лишенною сокровища.

2-й вельможа.

И съ ними

Исчезъ и шутъ, который часто такъ
Васъ заставлялъ смѣяться, ваша свѣтлость.

22

Гесперія, прислужница принцессы,
Созналась мнѣ, что слышала она
Украдкою, какъ ваша дочь съ кузиной
Восторженно хвалили красоту
И доблести того борца, который
На дняхъ побилъ здѣсь Карла-силача.
И думаетъ Гесперія, что гдѣ бы
Ни скрылися онѣ, тотъ молодецъ
Навѣрно ихъ сопровождаетъ.

Фридрихъ.

Къ брату

Его послать сейчасъ же и привести
Мнѣ этого молодчика, а если
Его тамъ нѣтъ, такъ пусть самъ братъ прійдетъ:
Ужъ онъ его отыщетъ мнѣ. Скорѣе
Исполните приказъ мой, а межъ тѣмъ
Безъ устали ищите, узнавайте,
Гдѣ намъ поймать безумныхъ бѣглецовъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Передъ домомъ Оливера.

Орlando и Адамъ встрѣчаются.

Орlando.

Кто здѣсь?

Адамъ.

Какъ! молодой мой господинъ! О, добрый,
О, дорогой мой господинъ! портретъ
Роланда престарѣлаго! Скажите,
Зачѣмъ вы здѣсь? Зачѣмъ у васъ душа
Прекрасная? Зачѣмъ васъ люди любятъ?

Зачѣмъ вы сильны, храбры, хороши?
И, наконецъ, зачѣмъ неосторожность
Имѣли вы нанести такой ударъ
Могучему борцу при этомъ принцѣ
Причудливомъ? Опередила здѣсь
Васъ черезъ-чуръ поспѣшно ваша слава.
Есть родъ людей - извѣстно это вамъ,-
Которые въ своихъ душевныхъ свойствахъ
Себѣ враговъ находятъ; изъ такихъ
Людей и вы. Достоинства всѣ ваши,
Мой господинъ, по отношенію къ вамъ -
Измѣнники чистѣйшіе, святыя.
О, что за свѣтъ, въ которомъ красота
Душевная тому отравой служить,
Кто ея надѣлень!

Орландо.

Да что же тутъ
Случилось?

Адамъ.

О, юноша несчастный!
Не проходите въ этотъ домъ; живетъ
Под крышею его всѣхъ качествъ вашихъ
Заклятый врагъ, вашъ братъ - нѣтъ, нѣтъ, не братъ!
Сынъ... нѣтъ, не сынъ! я не хочу сознаться,
Что это сынъ того, кого назвать
Его отцомъ хотѣлъ я. Онъ провѣдалъ
О вашемъ торжествѣ и нынче въ ночь
Рѣшился сжечь ту комнату, что служить
Вамъ спальнею, и съ нею васъ самихъ.
Коль этотъ планъ разрушится - онъ хочетъ
Употребить другія средства, лишь бы
Васъ погубить; намѣренія его
Подслушалъ я. Домъ этотъ не жилище,
А бойня. О, бѣгите въ страхъ прочь!

Орландо.

Куда жъ идти, Адамъ?

Адамъ.

Куда хотите,
Но только здѣсь не оставайтесь.

Орландо.

Что жъ?

Желаешь ты, чтобъ сталъ я подаяннемъ
Свой хлѣбъ собирать, иль воровской доходъ
Пріобрѣтать безумной, гнусной шпагой
На столбовой дорогѣ? Только такъ
Мнѣ поступить осталось бы - другого
Исхода я не знаю; но рѣшиться
Я не хочу на это, будь что будетъ.
Скорѣе я готовъ себя обречь
Жестокости и лютой злобѣ брата.

Адамъ.

Нѣтъ, этого не дѣлайте. Пятисотъ
Червонцевъ я имѣю; эту сумму
Ничтожную собралъ на службѣ я
У вашего отца. Ее съ той цѣлью
Я приберегъ, чтобъ мнѣ она была
Заботливой сидѣлкою въ то время,
Когда придутъ въ недѣйствіе мои
Одряхнувшіе члены, и съ презрѣннемъ
Жизнь старика забросятъ люди въ уголъ.
Возьмите ихъ; моею же опорой
Пусть будетъ тотъ, кто вранамъ кормъ даетъ.
И воробьямъ питанье посылаетъ!
Вотъ золото; я все вамъ отдаю.
Позвольте мнѣ слугой остаться вашимъ;
Я старъ на видъ, но крѣпокъ я и бодръ,
Затѣмъ что кровь я въ юности ни разу
Напитками горячими не портилъ
И никогда безстыдно не искалъ
Средствъ ослаблять и разрушать всѣ силы.
Вотъ почему и старчество мое -
Здоровая зима; она морозна,

23

Но дѣйствуетъ живительно. Итакъ,
Позвольте мнѣ послѣдовать за вами;
Какъ молодой, я буду вамъ служить
Во всѣхъ дѣлахъ и затрудненьяхъ вашихъ.

Орландо.

О, добрый мой старикъ! Какъ хорошо

Является въ тебѣ все постоянство
Тѣхъ прежнихъ лѣтъ, когда не изъ корысти
Слуга служилъ, а по одной любви!
Не созданъ ты по нашей новой модѣ,
Когда никто не хочетъ даромъ трудъ
Свой отдавать, и только что награда
Получится, усердіе тотчасъ
Кончается въ принявшемъ воздаянье.
Ты не таковъ. Но, бѣдный мой старикъ,
Ты дереву гнилому посвящаешь
Свои труды, заботливость свою;
За это все оно принести не можетъ
Тебѣ цвѣтка простого. Но пусть будетъ
По твоему; мы вмѣстѣ въ путь пойдёмъ
И, прежде чѣмъ все то, что собрано тобою,
Успѣемъ мы прожить, пошлется намъ судьбою
Пріятный для души и скромный жребій.

Адамъ.

Да,

Идемъ, мой господинъ; и буду я всегда,
До часа смертнаго, ненарушимо честно
Сопровождать тебя. Я, какъ тебѣ извѣстно,
Отъ юношескихъ лѣтъ живу здѣсь, а теперь
Подъ восемьдесятъ мнѣ; но больше въ эту дверь
Я не хочу входить; въ семнадцать лѣтъ безопасно
Всякъ ищетъ счастья, въ мои жъ года, конечно,
Поздненько ужъ за нимъ бѣжать. Но все равно,
Я буду награжденъ вполнѣ, коль суждено
Мнѣ встрѣтить съ чистою душой свою кончину
И знать, что заплатилъ мой долгъ я господину.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Арденскій лѣсъ.

Входятъ Розалинда, въ мужскомъ платьѣ, Целія, одѣтая пастушкою, и Оселокъ.

Розалинда. О Юпитеръ! какъ утомился духъ.

Оселокъ. Я бы о своихъ душевныхъ силахъ не заботился, не устану мои ноги.

Розалинда. А я бы готова опозорить мое мужское платье и расплакаться, какъ женщина, но должна поддерживать болѣе слабый сосудъ, потому что

камзолъ и штаны обязаны подавать примѣръ бодрости юбкѣ. Итакъ, мужайся, добрая Алиена!

Целія. Пожалуйста, перенеси мое изнеможеніе; я не могу итти дальше.

Оселокъ. Что касается меня, то я готовъ скорѣе перенести ваше изнеможеніе, чѣмъ понести васъ самихъ. Впрочемъ, еслибъ и пришлось понести васъ, тяжесть была бы не велика; вѣдь, я полагаю, у васъ въ кошелькѣ ни гроша.

Розалинда. Итакъ, вотъ Арденскій лѣсъ.

Оселокъ. Да, вотъ и я въ Арденскомъ лѣсу - и все-таки такой же дуракъ, какъ прежде, если не больше. Дома мнѣ было лучше; но путешественники должны быть всѣмъ довольны.

Розалинда. Да, будь всѣмъ доволенъ, добрый Оселокъ. Но смотри, кто идетъ сюда: молодой человѣкъ и старикъ, занятые серьезнымъ разговоромъ.

Входятъ Коринъ и Сильвій.

Коринъ.

Да, это путь къ тому, чтобъ вѣчно ты
Въ ея душѣ встрѣчалъ презрѣнье.

Сильвій.

Если бъ
Ты зналъ, Коринъ, какъ я люблю ее!

Коринъ.

Понять могу отчасти, потому что
И самъ любилъ когда-то.

Сильвій.

Нѣтъ, Коринъ,
Ты, какъ старикъ, понять меня не можешь.
Хотя бъ и былъ ты въ юности страстнѣйшимъ
Любовникомъ, какой когда нибудь
Въ полночный часъ вздыхалъ въ своей постели.
Но если бы и правда, что твоя
Любовь была съ моей любовью схожа -
Хоть убѣжденъ я твердо, что никто
Такъ не любилъ, какъ я, - то сколько сдѣлалъ
Въ жару ея ты глупостей смѣшныхъ?

Коринъ.

Да тысячу, которыя забыты
Теперь ужъ мной.

Сильвій.

О, значитъ, никогда
Ты не любилъ такъ сильно. Если помнить
Не можешь ты малѣйшихъ сумасбродствъ,
Въ которыя любовь тебя ввергала -
Ты не любилъ.
И если ты ни разу не сидѣлъ,
Какъ я теперь, слухъ чуждый утомляя
Хваленьями возлюбленной своей -
Ты не любилъ.
И если ты не оставлялъ внезапно
Товарищей, какъ оставляю я
Тебя теперь, влекомый силой страсти -
Ты не любилъ. О Фебэ, Фебэ, Фебэ!

(Уходитъ).

Розалинда.

Увы! Пастухъ несчастный! Между тѣмъ
Какъ я твои разсматривала раны,
По горестной случайности свои
Увидѣла я тоже предъ собою.

Оселокъ. А я свои. Я помню, что когда я былъ влюбленъ, то раздробилъ свою шпагу о камень, объявивъ ей, что сдѣлалъ это для того, чтобъ отучить ее ходить по ночамъ¹ къ Жанетъ. И я помню, какъ я цѣловалъ ея скалку и вымя коровы, которое выдоили² ея хорошенькія растрескавшіяся руки. И я помню, какъ я однажды ласкалъ и миловалъ гороховый стручекъ вмѣсто нея и, вынувъ оттуда двѣ горошины, отдалъ ихъ ей и сказалъ съ горячими слезами: "Носите ихъ ради меня". Нашъ братъ, истинный влюбленный, подверженъ страшнымъ прихотямъ; но какъ все въ натурѣ смертно, такъ всякая влюбленная натура заражена смертельнымъ безуміемъ.

Розалинда. Ты говоришь умно, самъ не замѣчая этого.

Оселокъ. Да я и не обращаю вниманія на мой умъ до тѣхъ поръ, пока не зацѣплюсь за него и не переломаю себѣ ноги.

Розалинда.

О, Зевсъ! Огонь, которымъ полонъ этотъ пастушокъ,
Такъ схожъ съ моимъ: онъ такъ же постояненъ и глубокъ.

Оселокъ.

Да и съ моимъ; но только мой, какъ будто,

¹ В подлиннике описка: «по новамъ» вместо «по ночамъ».

² В подлиннике описка: «чыдоили» вместо «выдоили».

Сталъ потухать.

Целія.

Прошу изъ васъ двоихъ
Кого-нибудь, подите и спросите,
Не можетъ ли вотъ этотъ человѣкъ
Намъ дать поѣсть за деньги; я не въ силахъ
Ужъ на ногахъ держаться.

Оселокъ.

Эй, паяцъ!

Розалинда.

Молчи, дуракъ! Тебѣ родня онъ, что ли?

Коринъ.

Кто тамъ зоветъ?

Оселокъ.

Тѣ, кто почище васъ.

Коринъ.

Не будь они такими, было-бъ жалко
На нихъ смотрѣть.

Розалинда (*Оселку.*)

Ну, замолчи же, неучъ.

(*Корину.*) Здорово, другъ.

Коринъ.

И вы здоровы будьте,
Мой господинъ хорошенькій, и ваши
Товарищи.

Розалинда.

Прошу тебя, пастухъ,
Коль золотомъ иль лаской подкрѣпленье
Купить себѣ въ пустынь этой можно,
Сведи ты насъ куда-нибудь, гдѣ мы
Могли бъ найти себѣ пріютъ и пищу.
Вотъ дѣвушка, измученная страшно
Дорогою и жаждущая здѣсь
Поотдохнуть.

Коринъ.

Мой господинъ прекрасный,
Мнѣ жаль ее, и больше для нея,
Чѣмъ для себя, хотѣлъ бы я богаче
Быть, чтобы ей хоть чѣмъ нибудь помочь.
Но я пастухъ другого человѣка
И не стригу пасомыхъ мной овецъ.
Мой господинъ суровъ и грубъ; онъ мало
Заботится о томъ, чтобы въ небо путь
Открыть себѣ гостепріимствомъ теплымъ.
Да сверхъ того, его стада, и домъ,
И пастбища теперь пошли въ продажу,
А такъ какъ онъ въ отсутствіи - у насъ
Нѣтъ ничего такого, чѣмъ я могъ бы
Васъ накормить. Но все-таки прошу
Пожаловать и посмотрѣть; душою
Я радъ гостямъ.

Розалинда.

А кто же покупатель
Его луговъ и стадъ?

25

Коринъ.

Тотъ молодой
Пастухъ, что здѣсь недавно былъ со мною;
Да онъ теперь едва-едва глядитъ
На всякую покупку.

Розалинда.

Если только
Ты не сочтешь бесчестнымъ, то купи,
Пожалуйста, стада, луга и мызу,
А мы за все заплатимъ.

Целія.

Сверхъ того,
Дадимъ тебѣ мы жалованья больше.
Понравилось мнѣ это мѣсто; здѣсь
Я съ радостью готова поселиться.

Коринъ.

Сомнѣнья нѣтъ, что можно это все
Купить. Пойдемъ со мною; если только
Жизнь здѣшняя, и почва, и доходъ

Прійдутся вамъ по вкусу, я охотно
Со всею вѣрностью начну служить у васъ,
И вашимъ золотомъ все закрѣплю сейчасъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Тамъ же.

Входятъ Амiенъ, Жакъ и другіе.

Амiенъ (поетъ).

Кто подъ зеленою листвою
Желаеъ отдыхать со мною
И хору птичьихъ голосовъ
Кто вторить весело готовъ -
Пусть прійдетъ, пусть прійдетъ, пусть прійдетъ!

Здѣсь, на лонѣ природы,
Онъ враговъ не найдѣтъ,
Кромѣ зимнѣй, суровой погоды!
Жакъ. Еще, еще, прошу тебя, еще.

Амiенъ. Эти пѣсни нагоняютъ на васъ меланхолію, monsieur Жакъ.

Жакъ. Спасибо имъ за это. Еще, прошу тебя, еще. Я могу высасывать меланхолію изъ пѣсни, какъ ласточка высасываетъ яйца. Еще, прошу тебя, еще!

Амiенъ. Я охрипъ; при томъ же я знаю, что не могу понравиться вамъ.

Жакъ. Я и не требую, чтобъ вы мнѣ нравились: я желаю, чтобъ вы пѣли. Ну, дальше, слѣдующій стансъ. Вѣдь вы ихъ называете стансами?

Амiенъ. Какъ вамъ будеъ угодно, monsieur Жакъ.

Жакъ. Называйся они какъ хотятъ, мнѣ все равно; вѣдь они ничего не должны мнѣ. Что жъ, будете пѣть?

Амiенъ. Пожалуй - скорѣе, чтобы исполнить ваше желаніе, чѣмъ для собственнаго удовольствія.

Жакъ. Ну, если я когда-нибудь поблагодарю кого-нибудь, такъ этотъ кто-нибудь будете вы. Но то, что люди называютъ комплиментомъ, похоже на гримасы, которыя строятъ другъ другу двѣ обезьяны, а когда человѣкъ благодаритъ меня отъ души, мнѣ кажется, что я подаль ему грошъ и что онъ благодаритъ меня какъ нищій. Ну, пойте; а вы, не желающіе пѣть, придержите языки.

Амiенъ. Хорошо, я окончу начатую пѣсню. А вы, господа, покамѣстъ накрывайте на столъ; герцога намѣренъ пить подъ этимъ деревомъ. (Жаку.) Онъ сегодня цѣлый день искалъ васъ.

Жакъ. А я цѣлый день избѣгалъ его. Онъ слишкомъ большой спорщикъ. У меня въ головѣ столько же мыслей, сколько и у него, но я за это благодарю небо и не кичусь этимъ. Ну, начинай щебетать.

Аміенъ (поетъ, всѣ ему вторятъ).

Кто честолюбья избѣгаетъ,
Подъ солнцемъ жить предпочитаетъ,
И кто, умѣренность любя,
Самъ ищетъ пищу для себя,
Пусть прійдетъ, пусть прійдетъ, пусть прійдетъ!
Здѣсь, на лонѣ природы,
Онъ враговъ не найдѣтъ,
Кромѣ зимнѣй, суровой погоды.

Жакъ. Я вамъ скажу на этотъ мотивъ стихи, которые я сочинилъ вчера на зло моей стихотворной изобрѣтательности.

Аміенъ. А я спою ихъ.

Жакъ. Вотъ эти стихи:

Коль человѣку вдругъ случится
Въ осла внезапно превратиться,
Богатство бросить и покой
Для дикой прихоти пустой,
Ducdame, ducdame, ducdame!
Здѣсь тотчасъ же онъ встрѣтитъ
Дурней, равныхъ себѣ,
Если только на зовъ мой отвѣтитъ!

Аміенъ. Что значитъ ducdame?

Жакъ. Это греческое заклинаніе, которымъ глупцовъ зазывали въ

26

заколдованный кругъ. Я пойду уснуть, если буду въ состояніи; а если не смогу уснуть, то буду сыпать ругательства на всѣхъ перворожденныхъ Египта.

Аміенъ. А я пойду искать герцога; его обѣдъ готовъ.

(Уходятъ въ разныя стороны).

СЦЕНА VI.

Тамъ же.

Входятъ Орlando и Адамъ.

Адамъ. Дорогой мой господинъ, я не могу идти дальше. О, я умираю отъ голода! Здѣсь я лягу и сниму мѣрку для моей могилы. Прощайте, добрый мой господинъ.

Орlando. Какъ - уже, Адамъ? Только у тебя и хватило мужества? Поживи немного, поддержи себя немного, развеселись немного. Если въ этомъ суровомъ

лѣсу живетъ какой-нибудь дикій зверь, то или онъ съѣстъ меня, или я принесу его тебѣ въ пищу. Ты ближе къ смерти по воображенію, чѣмъ по силамъ. Ободрись изъ любви ко мнѣ; не подпускай еще нѣсколько времени смерть къ своему тѣлу. Я сейчасъ же вернусь къ тебѣ, и если не принесу тебѣ чего-нибудь поѣсть, то дамъ тебѣ позволеніе умереть. Но если ты умрешь прежде, чѣмъ я возвращусь, - значитъ, ты издѣваешься над моими стараніями. Ну, вотъ и хорошо: ты повеселѣлъ, и я скоро буду опять здѣсь. Но ты лежишь на холодномъ воздухѣ; дай-ка я снесу тебя въ какой-нибудь пріютъ, и если въ этой пустынѣ есть живое существо, ты не умрешь отъ недостатка пищи. Бодрѣе, добрый Адамъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА VII.

Лѣсъ.

Накрытый столъ. Входятъ старый герцогъ, Аміень, вельможи и прислуга.

Герцогъ.

Онъ въ звѣря превратился, вѣроятно:
Подъ образомъ людскимъ нигдѣ нельзя
Его найти.

1-й вельможа.

Онъ только что отсюда
Ушелъ домой; онъ пѣсню слушалъ здѣсь
И весель былъ.

Герцогъ.

Ну, если музыкантомъ
Да станетъ онъ - онъ диссонансовъ всѣхъ
Смѣшеніе - то дисгармонію скоро.
Увидимъ мы во всѣхъ небесныхъ сферахъ.
Я васъ прошу пойти за нимъ, сказать,
Что мнѣ бы съ нимъ поговорить хотѣлось.

Входитъ Жакъ.

1-й вельможа.

Онъ отъ труда меня избавилъ тѣмъ,
Что самъ пришелъ.

Герцогъ.

Что жъ это значитъ, сударь?
Возможно ли такую жизнь вести,
Чтобъ бѣдные друзья васъ умоляли
Не бѣгать ихъ? Но что я вижу? радость
У васъ въ лицѣ!

Жакъ.

Шутъ, шутъ! Я встрѣтилъ здѣсь

Въ лѣсу шута - шута въ ливреѣ пестрой.
О, жалкій миръ! Да, это вѣрно такъ,
Какъ то, что я живу посредствомъ пищи -
Шуть встрѣченъ мной. Лежалъ онъ на землѣ
И, грѣлъ себя на солнышкѣ, и тутъ же
Сударыню-фортуны онъ честилъ
Хорошими, разумными словами,
А между тѣмъ онъ просто пестрый шутъ.
«Здорово, шутъ!» сказалъ я. «Нѣтъ ужъ, сударь»,
Онъ отвѣчалъ, «не называйте вы
Меня шутомъ, пока богатства небо
Мнѣ не пошлетъ». Затѣмъ полѣзъ въ карманъ
И, вытащивъ часы, бесцвѣтнымъ взглядомъ
На нихъ взглянулъ и мудро произнесъ:
«Девятый часъ!» и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:
«Здѣсь видимъ мы, какъ двигается миръ:
Всего лишь часъ назадъ былъ часъ девятый,
А часъ пройдетъ - одиннадцать пробьетъ;
И тако-то вотъ мы съ каждымъ часомъ зрѣемъ,
И такъ-то вотъ гнѣемъ мы каждый часъ.
И тутъ конецъ всей сказочкѣ». Чуть только
Услышалъ я, что этотъ пестрый шутъ
О времени такъ разсуждаетъ - печень
Моя сейчасъ запѣла пѣтухомъ
Отъ радости, что водятся такіе
Мыслители среди шутовъ, и я
Часъ цѣлый по его часамъ смѣялся.
О, славный шутъ! о, превосходный шутъ!
Нѣтъ ничего прекраснѣй пестрой куртки.

27

Герцогъ.

Кто этотъ шутъ?

Жакъ.

О, превосходный шутъ!

Онъ при дворѣ служилъ и утверждаетъ,
Что женщина, коль молода она
И хороша, имѣетъ даръ объ этомъ
Сейчасъ узнать. И у него въ мозгу,
Который сухъ, какъ сухаря остатокъ,
Не съѣденный въ дорогѣ, - клѣти есть
Престранныя; ихъ множествомъ замѣтокъ
Онъ начинилъ и тѣ замѣтки въ ходъ

Отрывками пускаетъ. О, когда бы
Мнѣ стать шутомъ! Я въ курткѣ пестрой
Свое все честолюбие заключаю.

Герцогъ.

И ты ее получишь.

Жакъ.

Мнѣ къ лицу

Она одна - но только съ уговоромъ,
Чтобъ вырвали изъ здоровой головы
Вы мнѣніе, въ ней сѣвшее глубоко,
Что я уменъ. Свободу вы должны
Мнѣ дать во всемъ, чтобъ я, какъ вольный вѣтеръ,
Могъ дуть на все, на что я захочу,
Какъ всѣ шуты; и тѣ, кого я буду
Сильнѣй колоть, должны и хохотать
Сильнѣй другихъ. Какая же причина,
Мессэръ, тому? Причина такъ пряма,
Какъ въ сельскій храмъ ведущая дорожка:
Тотъ человѣкъ, котораго сразить
Шутъ острою - нелѣпо поступаетъ,
Когда ударъ, какъ онъ жестокъ ни будь,
Не съ полнымъ равнодушіемъ переносить;
Иначе все, что глупо въ мудрецѣ,
Отъ шутовскихъ ударовъ обнажится.
Попробуйте натянуть на меня
Костюмъ шута, позвольте мнѣ свободно
Все говорить, и я ручаюсь вамъ,
Что вычищу совсѣмъ желудокъ грязный
Испорченнаго міра, лишь бы онъ
Съ терпѣніемъ глоталъ мое лѣкарство.

Герцогъ.

Фу, знаю я, что сталъ бы дѣлать ты.

Жакъ.

Да ничего дурного, безъ сомнѣнья.

Герцогъ.

Карая грѣхъ, ты этимъ бы свершалъ
Страшнѣйшій грехъ: вѣдь самъ ты былъ распутнымъ,
И чувственность была въ тебѣ сильна,
Какъ похоть зверская; итакъ всѣ язвы,
Недуги всѣ, которые схватилъ
Ты, шляся вездѣ, распространилъ бы
Ты по свѣту.

Жакъ.

Какъ, развѣ человѣкъ,

Тщеславіе бранящій, этимъ самымъ
И личности отдѣльныя бранить?
Тщеславіе обширно вѣдь, какъ море,
И волны такъ вздымаетъ высоко,
Что наконецъ не можетъ удержаться -
И падаетъ. Когда я говорю,
Что многія изъ нашихъ горожанокъ
Несмѣтныя сокровища несутъ
На недостойномъ тѣлѣ - развѣ этимъ
На личность я указываю? Гдѣ
Та женщина, которая мнѣ скажетъ,
Что именно о ней я говорилъ,
Когда ея соседка съ нею схожа?
Скажите жъ мнѣ, понять мнѣ дайте, чѣмъ
Языкъ мой могъ обидѣть человѣка?
Коли я въ цѣль попалъ, такъ оскорбилъ

28

Онъ самъ себя; коли онъ чистъ душою,
То мой укоръ по воздуху летитъ,
Какъ дикій гусь, въ которомъ не имѣетъ
Никто нужды. Но кто идетъ сюда?

Входитъ Орландо съ обнаженнымъ мечомъ.

Орландо.

Остановитесь! Больше ѣсть не смѣйте!

Жакъ.

Да я еще совсѣмъ не начиналъ.

Орландо.

И не начнешь, пока нужда не будетъ
Насыщена.

Жакъ.

Что это за пѣтухъ?

Герцогъ.

Что придало тебѣ такую дерзость?
Отчаянье? иль просто оттого,
Что вѣжливость ты грубо презираешь,
Являешься ты неучемъ такимъ?

Орландо.

Вы съ самаго начала въ цѣль попали:
Колочій шипъ отчаянной нужды
Сорвалъ съ меня пріятную личину
Приличія; но уроженецъ я
Не дикихъ странъ, и вѣжливость знакома

Мнѣ хорошо. И все-таки теперь
Я говорю: остановитесь! Первый,
Кто тронетъ лишь одинъ изъ сихъ плодовъ,
Не давши мнѣ сперва себя насытитъ
И тѣхъ, о комъ забочусь, - будетъ мертвъ.

Жакъ

Коли нельзя васъ убѣдить разсудкомъ,
Такъ я умру.

Герцогъ.

Чего хотите вы?

Склонить могли бѣ вы насъ къ гостепріимству
Не силою, а кротостью.

Орландо.

Совсѣмъ

Я изнемогъ отъ голода; скорѣе
Мнѣ дайте ѣсть.

Герцогъ.

Садитесь подлѣ насъ,
И кушайте, и будьте нашимъ гостемъ.

Орландо.

Какъ вашъ языкъ привѣтливъ! О, прошу
Простить меня; я думалъ, въ этомъ мѣстѣ
Все дикое, и только потому
Я рѣзкій тонъ приказа взялъ. Но кто бы
Вы ни были, вы, въ глубинѣ лѣсовъ,
Подъ сѣнію деревъ меланхоличныхъ,
Живущіе безопасно - если вы
Когда-нибудь дни лучше знавали,
И жили тамъ, гдѣ колокольный звонъ
Сзываетъ въ храмъ, и за столомъ сидѣли
Честныхъ людей, и плакали порой,
И вѣдали, что значитъ милосердіе
Оказывать и получать самимъ -
Любезностью сердечной накажите
Меня теперь. Надежды этой полный,
Краснѣю я и мечъ кладу въ ножны.

Герцогъ.

Да, правда, мы дни лучше знавали,
И жили тамъ, гдѣ колокольный звонъ
Сзываетъ въ храмъ, и за столомъ сидѣли
Честныхъ людей, и слезы лили мы,
Рожденные священнымъ состраданьемъ -
И потому гостепріимно васъ
Здѣсь просимъ сѣсть и всѣмъ распоряжаться,

Чѣмъ можемъ мы въ нуждѣ вамъ пособить.
Орландо.

Помедлите трапезою немного:
Какъ лань, пойду я за птенцомъ своимъ,
Чтобъ накормить его. То бѣдный старецъ,
Усталые шаги свои за мной
Направившій изъ преданности чистой.
Пока онъ силъ не подкрѣпитъ своихъ,
Ослабленныхъ вліяньемъ двухъ недуговъ -
И старости, и голода - куска
Малѣйшаго не трону я.

Герцогъ.

Идите

Сейчасъ за нимъ; мы кушать не начнемъ,
Покамѣсть вы сюда не возвратитесь.

Орландо.

Благодарю, и да спасетъ васъ Богъ
За вашъ пріемъ вполнѣ великодушный!
(Уходитъ).

Герцогъ.

Вотъ видишь, мы несчастны не одни:
На міровой, необозримой сценѣ
Являются картины во сто разъ
Ужаснѣе, чѣмъ на подмосткахъ этихъ,
Гдѣ мы съ тобой играемъ.

Жакъ.

Миръ - театръ;
Въ немъ женщины, мужчины, всѣ - актеры;

У каждого есть входъ и выходъ свой,
И человѣкъ одинъ и тотъ же роли
Различныя играетъ въ пьесѣ, гдѣ
Семь дѣйствій есть. Сначала онъ ребенокъ,
Пищащій и ревущій на рукахъ
У нянюшки; затѣмъ - плаксивый школьникъ,
Съ блистающимъ, какъ утро дня, лицомъ
И съ сумочкой ползущій неохотно
Улиткою въ училище; затѣмъ
Любовникъ онъ, вздыхающій какъ печка
Балладой жалостною въ честь бровей
Возлюбленной своей; затѣмъ онъ воинъ,

Обросшій бородой, какъ леопардъ,
Наполненный ругательствами, честию
Ревниво дорожащій и задорный.
За мыльнымъ славы пузыремъ готовый
Влѣзть въ самое орудіа жерло.
Загѣмъ уже онъ судія, съ почтеннымъ
Животикомъ, въ которомъ каплуна
Отличнаго запряталъ, съ строгимъ взоромъ,
Съ остриженной красиво бородой,
Исполненный мудрѣйшихъ изрѣченій
И аксіомъ новѣйшихъ - роль свою
Играетъ онъ. Въ шестомъ изъ этихъ дѣйствій
Является онъ тощимъ паяцомъ,
Съ очками на носу и съ сумкой съ боку;
Штаны его, что юношей еще
Себѣ онъ сшилъ, отлично сохранились,
Но широки безмерно для его
Изсохшихъ ногъ; а мужественный голосъ,
Смѣнившійся ребяческимъ дискантомъ,
Свистъ издаетъ пронзительно-фальшивый.
Послѣдній актъ, кончающій собой
Столь полную и сложную исторію,
Есть новое младенчество - пора
Беззубая, безглазая, безъ вкуса,
Безъ памяти малѣйшей, безъ всего.

Входитъ Орlando, несущій Адама.

Герцогъ.

Привѣтъ мой вамъ. Кладите жъ вашу ношу
Почтенную и дайте ей поѣсть.

Орlando.

Благодарю васъ за него душевно.

Адамъ.

И хорошо вы дѣлаете. Я

Благодарить самъ за себя не въ силахъ.

Герцогъ.

Привѣтъ мой вамъ! За столъ же поскорѣй!

Не стану я мѣшать трапезѣ вашей

Разспросами о вашихъ приключеньяхъ.

Пусть музыка сыграетъ что-нибудь,

А вы, кузень мой добрый, спойте пѣсню.

Аміень (поетъ).

Разносись, зимній вѣтеръ, и вой!
Ты безвреднѣе злобы людской,
И еще никого и ни разу
Не поранилъ такъ сильно твой зубъ,
Потому что хотъ дикъ ты и грубъ,
Но невидимъ тѣлесному глазу.
Гей, го-го! Станемъ пѣть подъ зеленой листвою!
Дружба часто фальшива, любовь - сонъ пустой!
Гей, го-го! подъ зеленой листвою -
Наша жизнь краше другой!

Ледените нас, зимніе дни!
Не такъ сильно кусаютъ они
Какъ забытое доброе дѣло;
И хотъ страшны они для морей,
Но терзаетъ гораздо больнѣй
Другъ забывчивый душу и тѣло.
Гей, го-го! Станемъ пѣть подъ зеленой листвою!
Дружба часто фальшива, любовь - сонъ пустой!
Гей, го-го! Пподъ зеленой листвою -
Наша жизнь краше всякой другой!

Герцогъ

(который въ это время тихо разговаривалъ съ Орландо).

Да, если вы на самомъ дѣлѣ сынъ
Почтеннаго Роланда, какъ шепнули
Вы мнѣ теперь и какъ удостовѣрилъ
Меня мой глазъ, который на лицѣ
У васъ нашелъ живой и очень вѣрный
Его портретъ - привѣтствую васъ здѣсь
Отъ всей души! Я герцогъ, другъ Роланда.
Теперь пойдѣмъ ко мнѣ въ пещеру; тамъ
Вы дальше мнѣ о вашихъ приключеньяхъ
Разскажете. *(Адаму)*. Старикъ почтенный, ты
Пріятенъ мнѣ, какъ господинъ твой. Люди,
Сведите подъ руки его. *(Къ Орландо)*. А вы
Подайте руку мнѣ, и дома обо всемъ,
Что вы перенесли, разскажете. Идемъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ.

Входятъ герцогъ Фридрихъ, вельможи и Оливеръ.

Фридрихъ.

Такъ вы его не видѣли съ тѣхъ поръ?
Мессэръ, мессэръ, я не могу повѣрить:
Не заключаю моя душа въ себѣ
Такъ много доброты - предмета мщенья
Не сталъ бы я отыскивать далеко,
Когда ты здѣсь. Но берегись! твой братъ,
Гдѣ бъ ни былъ онъ, а долженъ быть отысканъ.
Ищи его со свѣчкой; черезъ годъ
Доставь его сюда живымъ или мертвымъ,
Или болѣе не возвращайся жить
Въ моей странѣ. Твои помѣстья, вещи,
Которыя своими ты зовешь,
Достойные секвестра, будутъ въ нашемъ
Владѣніи, пока твой братъ съ тебя
Не сниметъ самъ всего, въ чемъ обвиненье
Мы взводимъ на тебя.

Оливеръ.

О, еслибъ вы,
Свѣтлѣйшій принцъ, мои всѣ чувства знали!
Я никогда вѣдь брата не любилъ.

Фридрихъ.

Тѣмъ болѣе ты негодяй! (*Вельможамъ.*) Сейчасъ же
Прогнать его отсюда; наложить
Чиновникамъ особымъ на помѣстья
И домъ его секвестръ - и это все
Съ возможною поспѣшностью исполнить.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Лѣсъ.

Входитъ Орландо и привѣтливаетъ к дереву бумагу.

Орландо.

Виси ты здѣсь, мой стихъ, какъ знакъ любви моей,
А ты, въ тройномъ вѣнцѣ, царица тихой ночи,
Вперяя изъ горнихъ сфер свои святыя очи
Въ то имя, что царитъ во мнѣ надъ жизнью всей.
О Розалинда, другъ! деревья эти всѣ
Бумагой служатъ мнѣ; на ихъ корѣ впишу я

Все то, что думаю, что чувствую: хочу я,
Чтобъ каждый видѣлъ здѣсь хвалу твоей красѣ.
Иди же, Орландо, спѣши!
На деревѣ каждомъ пиши
Ее, дорогую, любимую,
Словами едва выразимую.

(Уходитъ).

Входятъ Коринъ и Оселокъ.

Коринъ. Ну, какъ вамъ нравится, почтеннѣйшій Оселокъ, эта пастушеская жизнь?

Оселокъ. Сказать тебѣ правду, пастухъ, разсматриваемая сама по себѣ, она хорошая жизнь; но разсматриваемая какъ жизнь пастушеская, она ровно ничего не стоитъ. По своей уединенности она мнѣ очень нравится, но по своей отчужденности она мнѣ кажется самою паскудною жизнью. Какъ жизнь сельская, она мнѣ очень по сердцу; но, принимая во вниманіе, что она проходитъ вдали отъ двора, я нахожу ее очень скучною. Какъ жизнь воздержная, она, видите ли, вполнѣ соответствуетъ моимъ наклонностямъ, но какъ жизнь, лишенная изобилія, она совершенно противорѣчитъ моему желудку. Пастухъ, ты знаешь какой-нибудь толкъ въ философіи?

Коринъ. Знаю лишь на столько, чтобъ понимать, что чѣмъ сильнѣе человѣкъ нездоровъ, тѣмъ онъ больнѣе; что тотъ, у кого нѣтъ денегъ, средствъ и достатка, не имѣетъ трехъ хорошихъ друзей; что дождь мочить, а огонь сожигаетъ; что отъ жирныхъ пастбищъ овцы жирѣютъ; что важнѣйшая причина ночи есть отсутствіе солнца; что тотъ, кто не получилъ ума ни отъ природы, ни искусственными средствами - или можетъ жаловаться на дурное воспитаніе, или родился отъ очень глупыхъ родителей.

Оселокъ. Это совершенно натуральная философія. Пастухъ, ты былъ когда-нибудь при дворѣ?

Коринъ. Нѣтъ, не былъ.

Оселокъ. Ну, такъ ты будешь вверженъ въ геенну огненную.

32

Коринъ. Надѣюсь, что не буду.

Оселокъ. Непременно будешь и сторишь, какъ дурно испеченное яйцо - только съ одной стороны.

Коринъ. За то, что я не былъ при дворѣ? Почему же это?

Оселокъ. Потому, что если ты никогда не былъ при дворѣ, то никогда не видѣлъ хорошихъ манеръ; а если ты никогда не видѣлъ хорошихъ манеръ, то твои манеры должны быть дурны; а что дурно, то грѣхъ; а за грѣхъ идутъ въ адъ. Ты въ опасномъ положеніи, пастухъ.

Коринъ. Нисколько, Оселокъ. Тѣ манеры, которыя считаются хорошими при дворѣ, смѣшны въ деревнѣ, точно такъ же какъ манеры деревенскія очень

смѣшны при дворѣ. Вы сказали мнѣ, что при дворѣ люди при встрѣчѣ не кланяются другъ другу, а посылаютъ другъ другу воздушные поцѣлуи, цѣлуя кончики своихъ пальцевъ; это обыкновеніе было бы весьма нечистоплотно, еслибъ придворные были пастухами.

Оселокъ. Доказательство, скорѣе доказательство!

Коринъ. Доказательство вотъ: мы постоянно трогаемъ нашихъ овецъ, а вы знаете, что ихъ шерсть жирная.

Оселокъ. А развѣ руки нашихъ придворныхъ не потѣютъ? И развѣ жиръ овцы не такъ здоровъ, какъ потъ человѣка? Слабо, слабо! Давай лучшее доказательство. Ну?

Коринъ. Сверхъ того, наши руки жестки.

Оселокъ. Тѣмъ скорѣе ихъ осязали бы ваши губы. Опять слабо. Давай лучшее доказательство. Ну?

Коринъ. И часто, когда мы лѣчимъ нашихъ овецъ, то намазываемъ ихъ дегтемъ. Такъ вы хотите, чтобъ мы цѣловали деготь? А руки придворныхъ надушены цибетомъ.

Оселокъ. О, глупѣйшій человѣкъ! Ты - изъѣденный червями кусокъ въ сравненіи съ хорошимъ кускомъ мяса! Ей-ей, такъ! Поучайся у мудраго и разсуди: цибетъ болѣе низкаго происхожденія, чѣмъ деготь; онъ - нечистое испражненіе тибетской кошки. Жду лучшего доказательства, пастухъ.

Коринъ. Вы слишкомъ придворно-умны для меня; уступаю вамъ.

Оселокъ. Такъ ты хочешь итти въ адъ? Да поможетъ тебѣ Богъ, глупый ты человѣкъ! Да просвѣтитъ тебя Богъ - ты очень простъ.

Коринъ. Сударь, я простой поденщикъ; я зарабатываю то, что съѣдаю, приобретаю то, что ношу, ни къ кому не имею ненависти, не завидую ни чьему счастью, радуюсь благополучію другихъ людей, мирюсь со своимъ бѣдственнымъ положеніемъ и заключаю все мое самолюбіе въ томъ, чтобъ видѣть, какъ мои овцы пасутся, а ягнята сосутъ.

Оселокъ. Тутъ ты опять грѣшишь глупостью: собирать въ одно мѣсто овецъ и барановъ и стараться зарабатывать хлѣбъ оплодотвореніемъ животныхъ, служить сводникомъ барану и, вопреки всѣмъ брачнымъ правиламъ, отдавать двѣнадцатимѣсячную овцу хромоногому, старому, рогатому барану. Если ты не пойдешь за это въ адъ - значитъ, самъ чортъ не желаетъ имѣть у себя пастуховъ; иначе - не знаю, какъ ты можешь увернуться.

Коринъ. Вотъ идетъ Ганимедъ, молодой братъ моей новой хозяйки.

Входитъ Розалинда читая бумагу.

Розалинда (читаетъ).

"Нѣтъ среди обѣихъ Индій
Камня краше Розалинды;
Вѣтеръ по свѣту разноситъ
Быстро славу Розалинды;
Блескъ прекраснѣйшихъ портретовъ
Меркнетъ передъ Розалиндой.
Позабудьте всѣхъ красавицъ,

Кромѣ милой Розалинды!"

Оселокъ. Я вамъ буду риѣмовать такимъ образомъ восемь лѣтъ сряду, исключая часы обѣдовъ, ужиновъ и сна. Эти стихи – точь въ точь рысь торговли масломъ, когда она спѣшитъ на рынокъ.

Розалинда. Убирайся, шутъ!

Оселокъ. Вотъ образчикъ:

"Коль олень груститъ по лани,
Пусть идетъ онъ къ Розалиндѣ;
Какъ самца желаетъ кошка,
Такъ мужчину Розалинда;
Платью зимнему подкладка
Такъ нужна, какъ Розалиндѣ;
Кто идетъ на жатву, долженъ
Тамъ работать съ Розалиндой;
Плодъ сладчайшій съ кислой коркой -
Плодъ такой же Розалинда;
Розу ищущій, находитъ
И шипы, и Розалинду".

Вотъ собственно фальшивый галопъ стиховъ. Что вамъ за охота заражать себя этими риѣмами?

Розалинда. Молчи, глупый шутъ. Я нашла ихъ на деревѣ.

Оселокъ. Скверные плоды приносить это дерево.

Розалинда. Я привью къ нему сначала

33

тебя, а потомъ кизиль: тогда это дерево принесетъ самый ранній плодъ во всей странѣ, потому что ты сгніешь прежде, чѣмъ созрѣешь до половины, а въ этомъ и состоитъ главное достоинство кизиля.

Оселокъ. Вы проговорили, но умно или нѣтъ - это пусть рѣшить лѣсъ.

Входитъ Целія читая бумагу.

Розалинда.

Тише! Вотъ идетъ моя сестра; она что-то читаетъ. Отойдите въ сторону.

Целія (читаетъ).

"Ужели этотъ лѣсъ пустыннымъ
Остаться долженъ оттого,
Что въ немъ никто не обитаетъ?
Нѣтъ, я къ деревьямъ всѣмъ его
Привѣшу языки, и будутъ
Они рядъ истинъ возвѣщать:
Что жизнь людская очень скоро
Кончается по свѣту блуждать;
Что эта жизнь, обыкновенно,
Простого локтя не длинѣй;

Что очень часто нарушались
Слова и клятвы двухъ друзей.
Но въ заключенье каждой фразы
И на прекраснѣйшихъ ветвяхъ
Я буду имя Розалинды
Писать, чтобъ каждый въ сихъ мѣстахъ
Узналъ, что небо захотѣло
Ее всѣмъ лучшимъ надѣлать
И отдало приказъ природѣ
Въ одномъ лицѣ соединить
Земныя прелести. Природа
Приказъ исполнила и ей
Тотчасъ дала лицо Елены -
Безъ сердца, полного затѣй
Всю величавость Клеопатры,
Весь Аталанты блескъ ума.
Духъ строго-дѣвственный, которымъ
Была Лукреція полна.
Такъ клиръ небесный Розалинду
Создалъ изъ разныхъ свойствъ людей;
Сердца, глаза и лица многихъ
Соединились чудно въ ней.
Рѣшило небо ей все это получить,
А мнѣ ея рабомъ до самой смерти жить".

Розалинда. О милосердный Юпитеръ! Какою скучною проповѣдью любви
вы утомили вашихъ прихожанъ, ни разу не сказавъ: "Потерпите, добрые люди!"

Целія. Какъ, вы здѣсь, друзья? Пастухъ, отойди немного. (*Оселку.*) Ты ступай
съ нимъ.

Оселокъ. Идемъ, пастухъ; отступимъ съ почетомъ - если безъ обоза и
поклажи, то по крайней мѣрѣ съ сумкой и кулькомъ. (*Уходитъ съ Кориномъ.*)

Целія. Ты слышала эти стихи?

Розалинда. О да, я слышала ихъ, и еще прибавку къ нимъ, потому что
нѣкоторые изъ этихъ стиховъ имѣли больше стопъ, чѣмъ можетъ быть у стиховъ.

Целія. Это все равно; стопы могли поддержать стихи.

Розалинда. Да, но самые стопы хромали, не имѣли силы поддержать себя,
и потому заставили хромать стихи.

Целія. Но могла ли ты безъ удивленія услышать, что твое имя виситъ и
вырѣзано на здѣшнихъ деревьяхъ?

Розалинда. Когда ты пришла сюда, то уже семь дней изъ девяти было
проведено мною въ изумленіи, потому что - посмотри, что я нашла на одномъ
пальмовомъ деревѣ. Меня не воспѣвали такъ сильно со времени Пифагора, когда я
была ирландскою мышью; а вѣдь это было такъ давно, что я едва помню.

Целія. Догадываешься ты, кто сдѣлалъ это?

Розалинда. Человѣкъ?

Целія. Да, и на шеѣ у него цѣпь, которую ты когда-то носила. Ты измѣняешься въ лицѣ?

34

Розалинда. Но кто же это, скажи пожалуйста?

Целія. О, Господи, Господи! Трудно друзьямъ встрѣтиться послѣ разлуки - но и горы могутъ сдвигаться со своихъ мѣстъ вслѣдствіе землетрясенія и встрѣчаются одна съ другой.

Розалинда. Да скажешь ли ты, кто онъ.

Целія. Возможно ли?

Розалинда. Умоляю тебя съ самою неотступною настоятельностью сказать мнѣ, кто онъ.

Целія. О, удивительно, удивительно, удивительнѣйшимъ образомъ удивительно! И опять-таки удивительно, и выше всякаго описанія удивительно!

Розалинда. Это изъ рукъ вонъ! Неужели ты думаешь, что если я одѣта въ мужское платье, то и мой характеръ влѣзъ въ камзолъ и панталоны? Каждая новая минута отсрочки для меня то же, что путешествіе къ Южному океану. Прошу тебя, скажи мнѣ скорѣе, кто онъ; торопись. Я желала бы, чтобъ ты была заикой; тогда это скрытое имя вырвалось бы, можетъ быть, изъ твоихъ губъ, какъ вино вырывается изъ бутылки съ узкимъ горломъ: или разомъ, или ни капли. Прошу тебя, откупори свой ротъ, чтобъ я могла выпить твой секретъ.

Целія. Значитъ, ты можешь вмѣстить мужчину въ своей утробѣ.

Розалинда. Созданъ ли онъ по образу и подобію Божію? Какого онъ рода человѣкъ? достойна ли его голова шляпы, достоинъ ли его подбородокъ бороды?

Целія. Ну, борода у него небольшая.

Розалинда. Богъ пошлетъ ему большую, если онъ не будетъ неблагодарнымъ. Я согласна ожидать, пока у него вырастетъ борода, если только ты перестанешь задерживать описаніе его подбородка.

Целія. Это - молодой Орландо, который въ одно и то же мгновеніе сразилъ борца и твое сердце.

Розалинда. Къ чорту эти шутки! Говори серьезно и какъ честная дѣвушка.

Целія. Уверяю тебя, кузина, это онъ.

Розалинда. Орландо?

Целія. Орландо.

Розалинда. Вотъ горе-то! Что же я теперь стану дѣлать съ моимъ камзоломъ и панталонами? Что онъ дѣлалъ, когда ты увидѣла его? Что онъ сказалъ? Какъ онъ выглядѣлъ? Какъ былъ одѣтъ? Зачѣмъ онъ здѣсь? Спрашивалъ ли онъ обо мнѣ? Гдѣ онъ живетъ? Какъ онъ разстался съ тобой? Когда ты опять увидишься съ нимъ? Отвѣчай мнѣ на все это однимъ словомъ.

Целія. Добудь мнѣ прежде ротъ Гаргантюа - потому что слово, котораго ты требуешь, слишкомъ велико для какого бы то ни было рта нашего времени. Отвѣтить *да* и *нѣтъ* на всѣ твои вопросы заняло бы больше времени, чѣмъ отвѣтъ на всѣ вопросы катехизиса.

Розалинда. Но знаетъ ли онъ, что я въ этомъ лѣсу и въ мужскомъ платьѣ? Такъ ли онъ свѣжъ лицомъ, какъ въ день поединка?

Целія. Разрѣшать задачи влюбленнаго такъ же легко, какъ считать атомы. Но вкуси мое открытіе и пережуй его повнимательнѣй. Я нашла Орlando подѣ деревомъ, гдѣ онъ лежалъ, какъ упавшій жолудь.

Розалинда. Это дерево можно назвать деревомъ Юпитера, если съ него падаютъ такіе плоды.

Целія. Потрудитесь выслушать меня, добрая барыня.

Розалинда. Продолжай.

Целія. Онъ лежалъ подѣ этимъ деревомъ, растянувшись, какъ раненый рыцарь.

Розалинда. Какъ ни печально такое зрѣлище, оно должно было быть очень красиво.

Целія. Пожалуйста, крикни своему языку "стой!" - онъ дѣлаетъ очень несвоевременные прыжки. Одѣтъ онъ былъ охотникомъ.

Розалинда. О, скверное предзнаменованіе! Онъ пришелъ сюда для того, чтобы убить мое сердце.

Целія. Я хотѣла бы спѣть мою пѣсню безъ посторонняго аккомпанимента. Ты сбиваешь меня съ тона.

Розалинда. Развѣ ты не знаешь, что я женщина? Когда у меня есть мысль, я должна ее высказать. Продолжай, милая.

Целія. Ты сбиваешь меня. Тихе! Не онъ ли идетъ сюда?

Входитъ Орlando и Жакъ.

Розалинда. Это онъ. Спрячемся и станемъ наблюдать за нимъ.

Жакъ. Благодарю васъ за компанію, но, сказать правду, мнѣ точно такъ же было бы пріятно остаться одному.

Орlando. И мнѣ тоже. Но ради приличія я также благодарю васъ за компанію.

Жакъ. Да хранить васъ Богъ! Будемъ встрѣчаться какъ можно рѣже.

Орlando. Я желаю, чтобы мы были какъ можно меньше знакомы.

35

Жакъ. Пожалуйста, не портите деревьевъ вырѣзываньемъ на ихъ корѣ любовныхъ пѣсень.

Орlando. Пожалуйста, не портите моихъ стиховъ, читая ихъ такъ дурно.

Жакъ. Вашу возлюбленную зовутъ Розалиндою?

Орlando. Да.

Жакъ. Мнѣ не нравится это имя.

Орlando. Вамъ и не думали угодить, когда ее крестили.

Жакъ. Какого она роста?

Орlando. Такого высокаго, какъ мое сердце.

Жакъ. Вы полны прекрасныхъ отвѣтовъ. Не были ли вы знакомы съ женами золотыхъ дѣлъ мастеровъ и не вычитали ли вы всѣхъ этихъ вещей на кольцахъ?

Орландо. Нѣтъ, но я отвѣчаю вамъ, какъ тѣ фигуры на обояхъ, у которыхъ вы позаимствовали ваши вопросы.

Жакъ. У васъ быстрый умъ; я полагаю, что онъ сдѣланъ изъ пятокъ Аталанты. Не хотите ли сѣсть подлѣ меня, и мы станемъ вдвоемъ ругать нашу госпожу - вселенную и всѣ наши бѣдствія.

Орландо. Я не буду бранить никого въ мірѣ, кромѣ себя, за которымъ знаю много недостатковъ.

Жакъ. Самый худшій недостатокъ вашъ въ томъ, что вы влюблены.

Орландо. Это недостатокъ, котораго я не промѣняю на вашу лучшую добродѣтель. Вы надоѣли мнѣ.

Жакъ. Увѣряю васъ, что я искалъ шута, когда встрѣтилъ васъ.

Орландо. Шутъ утонулъ въ ручьѣ: посмотрите въ воду - и вы увидите шута.

Жакъ. Я увижу тамъ свою собственную особу.

Орландо. Которую я считаю шутомъ или нулемъ.

Жакъ. Я не хочу дольше оставаться съ вами. Прощайте, добрый синьоръ Любовь.

Орландо. Очень радъ, что вы уходите. Прощайте, добрейшій monsieur Меланхоликъ. (*Жакъ уходитъ*).

Розалинда. (*Целіи*) Я поговорю съ нимъ какъ нахальный лакей и въ этомъ видѣ подурачу его. Эй, охотникъ, послушай!

Орландо. Слышу очень хорошо; что вамъ надо?

Розалинда. Скажите пожалуйста, который часъ?

Орландо. Вамъ бы слѣдовало спросить, какое время дня, потому что въ лѣсу нѣтъ часовъ.

Розалинда. Значитъ въ лѣсу нѣтъ ни одного настоящаго влюбленнаго; иначе ежеминутные вздохи и ежечасные стоны указывали бы медленный ходъ времени такъ же хорошо, какъ часы.

Орландо. Отчего же не быстрый ходъ времени? Это выраженіе было бы, кажется, не менѣе вѣрно?

Розалинда. Совсѣмъ нѣтъ. Время идетъ различнымъ шагомъ съ различными лицами. Я вамъ могу сказать, съ кѣмъ оно подвигается тихимъ шагомъ, съ кѣмъ бѣжитъ рысью, съ кѣмъ галопируетъ и съ кѣмъ стоитъ на мѣстѣ.

Орландо. Ну, скажите, пожалуйста, съ кѣмъ оно бѣжитъ рысью?

Розалинда. Да бѣжитъ оно беспокойной рысью съ молодою дѣвушкою въ промежутокъ между подписаніемъ брачнаго контракта и днемъ свадьбы. Будь этотъ промежутокъ хоть семидневный, рысь времени такъ беспокойна, что для будущаго онъ кажется семилѣтнимъ.

Орландо. А съ кѣмъ время идетъ шагомъ?

Розалинда. Съ попомъ, который не знаетъ по-латыни, и съ богачомъ, у котораго нѣтъ подагры: первый спитъ безмятежно, потому что не можетъ заниматься, а второй живетъ весело, потому что не испытываетъ никакихъ страданій; первому не знакома ноша сухой и изнуряющей науки, второй не знаетъ времени печальной и тяжелой нищеты. Вотъ съ кѣмъ время идетъ шагомъ.

Орландо. Съ кѣмъ же оно галопируетъ?

Розалинда. Съ воромъ, котораго ведутъ на висѣлицу, потому что какъ бы тихо ни подвигался онъ, ему все кажется, что онъ прїѣдетъ слишкомъ скоро.

Орландо Съ кѣмъ же оно стоитъ на мѣстѣ?

Розалинда. Съ законовѣдами во время судейскихъ каникулъ - потому что отъ закрытія судовъ до открытія они спятъ и, слѣдовательно, не замѣчаютъ движенія времени.

Орландо. Гдѣ ты живешь, красивый юноша?

Розалинда. Живу съ этою пастушкой, моей сестрой, здѣсь, на опушке лѣса, какъ бахрома на краю юбки.

Орландо. Ты здѣшній уроженецъ?

Розалинда. Да, какъ кроликъ, который живетъ тамъ, гдѣ онъ родился.

Орландо. Въ твоей рѣчи есть нѣчто

36

утонченное, чего ты не могъ прїобрѣсти въ такой уединенной мѣстности.

Розалинда. Это мнѣ говорили многіе, но, право, я выучился говорить у моего старика-дяди, набожнаго человѣка, который въ молодости жилъ въ городѣ и очень хорошо зналъ свѣтское обхожденіе, потому что былъ влюбленъ. Я слышался отъ него всяческихъ проповѣдей противъ любви и благодарю Бога, что я не женщина; иначе во мнѣ были бы всѣ тѣ безумія, въ которыхъ дядя обвинялъ весь женскій полъ.

Орландо. Не можешь ли припомнить какой-нибудь изъ тѣхъ главныхъ пороковъ, которые онъ взваливалъ на женщинъ?

Розалинда. Главнаго не было ни одного; они всѣ были похожи другъ на друга какъ гроши; каждый порокъ казался чудовищнымъ до тѣхъ поръ, пока другой такой же не присоединялся къ нему.

Орландо. Пожалуйста, укажи на какіе-нибудь изъ нихъ.

Розалинда. Нѣтъ, я буду давать мое лѣкарство только тѣмъ, которые больны. Здѣсь въ лѣсу есть человѣкъ, который портитъ наши молодыя деревья, вырѣзывая на ихъ корѣ слово "Розалинда", развѣшиваетъ оды на кустахъ сирени и элегіи на терновыхъ кустахъ, и всѣ эти произведенія обоготворяютъ имя Розалинды. Еслибъ я встрѣтилъ этого разнощика нѣжныхъ чувствъ, я далъ бы ему нѣсколько хорошихъ совѣтовъ, потому что, какъ кажется, онъ боленъ ежедневною лихорадкой любви.

Орландо Я тотъ, котораго трясетъ эта лихорадка. Прошу же тебя сказать мнѣ твое лѣкарство.

Розалинда. Въ васъ нѣтъ ни одного изъ признаковъ, о которыхъ говорилъ мой дядя; онъ училъ меня, какъ узнавать влюбленнаго человѣка, и я увѣренъ, что вы не сидите пленникомъ въ этой клѣткѣ.

Орландо. Какіе же это признаки?

Розалинда. Исхудалыя щеки, которыхъ у васъ нѣтъ; синева подъ глазами, которой у васъ нѣтъ; молчаливость, которой у васъ нѣтъ; нерасчесанная борода, которой у васъ нѣтъ; но это послѣднее я вамъ прощаю, потому что, правду

сказать, бороною вы не богаче, чѣмъ какой-нибудь младшій братъ доходами. Потомъ ваши чулки должны были бы быть безъ подвязокъ, ваша шапка безъ завязокъ, ваши рукава безъ пуговицъ, ваши башмаки безъ застежекъ, и вообще все въ васъ должно было бы обличать неряшливое отчаяніе. Но въ васъ ничего этого нѣтъ; вы скорѣе одѣты щегольски и похожи на человѣка, который влюбленъ въ самого себя, а не въ кого-нибудь другого.

Орландо. Прекрасный юноша, мнѣ хотѣлось бы убѣдить тебя, что я влюбленъ.

Розалинда. Убѣдить меня! Вы могли бы скорѣе убѣдить ту, которую вы любите, а она, ручаюсь вамъ, болѣе способна повѣрить вамъ, чѣмъ сознаться, что повѣрила; это одинъ изъ пунктовъ, въ которыхъ женщины постоянно обвиняютъ во лжи свою совѣсть. Но, кромѣ шутокъ, вы въ самомъ дѣле тотъ самый, который развѣшиваетъ на деревьяхъ стихи, до такой степени прославляющіе Розалинду?

Орландо. Клянусь тебѣ, юноша, бѣлою рукою Розалинды, я тотъ самый, тотъ самый несчастный.

Розалинда. Но такъ ли сильно вы влюблены, какъ свидѣлствуютъ ваши стихи?

Орландо. Ни стихи, ни умъ человеческій не могутъ выразить силу моей любви.

Розалинда. Любовь - чистое безуміе и, верьте мнѣ, не меньше настоящаго сумасшествія, достойна темной кельи и плети. Если же ея не подвергаютъ такому наказанію, такъ это потому, что болѣзнь эта слишкомъ обыкновенна и сами бичевальщики больны ею. Но я могу вылѣчить васъ совѣтомъ.

Орландо. Развѣ вы уже вылѣчили кого-нибудь такимъ образомъ?

Розалинда. Да, вылѣчилъ одного человѣка, и вотъ какъ. Онъ долженъ былъ вообразить себѣ, что я его возлюбленная, и я заставлялъ его каждый день ухаживать за мною. Я же, разыгрывая роль прихотливой дѣвушки, былъ задумчивъ, женствененъ, измѣнчивъ, капризенъ, гордъ, причудливъ, сердитъ, вѣтренъ, непостояненъ, то плакалъ, то улыбался, выказывалъ нѣкоторые признаки всѣхъ страстей и не ощущалъ ни одной страсти, и вообще велъ себя какъ большинство мальчиковъ и женщинъ въ этихъ обстоятельствахъ. То я любилъ его, то ненавидѣлъ; то ласкалъ его, то прогонялъ; то плакалъ о немъ, то плевалъ на него. Такимъ образомъ и заставилъ моего вздыхателя перейти отъ безумія любви къ состоянію совершеннаго безумія, и, кинувъ навсегда шумный потокъ жизни, онъ удался въ совершенно монашеское уединеніе. Такъ я и вылѣчилъ его, и берусь этимъ же способомъ омыть ваше сердце такъ, что оно сравнится чистотою со здоровою печенюю овцы, и что въ

немъ не останется ни одного пятнышка любви.

Орландо. Я не хочу вылѣчиться, юноша.

Розалинда. Я бы вылѣчилъ васъ, если-бы вы захотѣли называть меня Розалиндой и, приходя каждый день въ мою хижину, ухаживать за мной.

Орландо. Хорошо, я буду дѣлать это, клянусь искренностью моей любви; скажи мнѣ, где твоя хижина?

Розалинда. Пойдемте со мною, я покажу вамъ ее, а по дорогѣ вы расскажете мнѣ, въ какой части лѣса вы живете. Что же, идете?

Орландо. Съ большимъ удовольствіемъ, добрый юноша.

Розалинда. Нѣтъ, вы должны называть меня Розалиндой. - Сестрица, ты идешь съ нами? ((Уходятъ)).

СЦЕНА III.

Лѣсъ.

Входятъ Оселокъ и Одри. Жакъ слѣдитъ за ними издали.

Оселокъ. Иди скорѣе, добрая Одри. Я соберу твоихъ козъ, Одри. Ну, что жъ, Одри? По-прежнему ли я тебѣ по сердцу? По-прежнему ли тебѣ нравятся мои простыя черты?

Одри. Ваши черты? Господи, помилуй насъ! Что это за черты такія?

Оселокъ. Я съ тобою и съ твоими козами въ этихъ мѣстахъ похожъ на самого прихотливаго поэта, честнаго Овидія, въ то время, когда онъ былъ у готѳовъ.

Жакъ (*въ сторону*). О, ученость, - она здѣсь болѣе не на своемъ мѣстѣ, чѣмъ если бы Юпитеръ очутился подъ соломенной крышей!

Оселокъ. Когда стихи человѣка остаются не понятыми, когда его умъ не встрѣчаетъ поддержки въ рано-развитомъ ребенкѣ - понятливости, то это поражаетъ человѣка сильнѣе, чѣмъ большой счетъ, поданный въ маленькой комнатѣ. Право, я былъ бы радъ, если бы боги сдѣлали тебя поэтичною.

Одри. Я не знаю, что значитъ поэтичная; значитъ ли это - честная на дѣлѣ и на словахъ? Правдивая ли это вещь?

Оселокъ. Нѣтъ, потому-что самая правдивая поэзія - вымыселъ, а влюбленные всѣ преданы поэзіи и можно сказать, что то, въ чемъ они клянутся какъ поэты, они вымышляютъ какъ любовники.

Одри. И послѣ этого вы хотѣли бы, чтобъ боги создали меня поэтичною?

Оселокъ. Конечно, хотѣлъ бы, потому что ты клялась мнѣ, что ты честна - значитъ, если бъ ты была поэтомъ, я бы имѣлъ нѣкоторую надежду, что ты вымышляешь.

Одри. Такъ вы не хотѣли бы, чтобъ я была честна?

Оселокъ. Нѣтъ, хотѣлъ бы только въ томъ случаѣ, еслибы ты была гадка лицомъ, потому что честность, соединенная съ красотою, то же, что медовая подливка къ сахару.

Жакъ (*въ сторону*). Глубокомысленный шутъ!

Одри. Ну, а такъ какъ я не хороша, то прошу боговъ сдѣлать меня честною.

Оселокъ. Положимъ; но давать честность грязному уроду - все равно, что подносить хорошее кушанье на грязномъ блюдѣ.

Одри. Я не грязная, несмотря на то, что, благодаря богамъ, безобразна.

Оселокъ. Хорошо, да благословенны будутъ боги за твое безобразіе! Грязнота еще успѣетъ прійти. Какъ бы то ни было,

38

я хочу жениться на тебѣ, и съ этою цѣлью былъ уже у Оливера Путаницы, священника ближайшаго селенія, который обѣщалъ мнѣ прійти въ это мѣсто лѣса и соединить насъ.

Жакъ (*въ сторону*). Я бы съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на эту сходку.

Одри. Ну, да сохранять васъ боги въ радости!

Оселокъ. Аминь. Человѣкъ боязливый остановился бы въ этомъ предпріятіи, потому что здѣсь нѣтъ иного храма, кромѣ лѣса, нѣтъ иныхъ свидѣтелей, какъ рогатые звѣри. Но что жъ такое? Смелѣе! Рога - вещь ненавистная, но неизбѣжная. Говорятъ, что многіе люди не знаютъ, гдѣ конецъ ихъ богатствамъ, - это правда; у многихъ людей хорошіе рога, и они не знаютъ, гдѣ конецъ этихъ роговъ. Притомъ это приданое, приносимое ихъ женами, а не вещь, пріобрѣтаемая ими самими. Рога? Да, рога... Что жъ, развѣ ими надѣлены только бѣдные люди? Нѣтъ-нѣтъ, у благороднѣйшаго оленя они такъ же высоки, какъ у самого жалкаго. Значитъ, холостой человѣкъ благословенъ богами? Нѣтъ. Точно такъ же, какъ окруженный высокими стѣнами городъ величественнѣе простого селенія - чело женатаго человѣка почтеннѣе, чѣмъ обнаженная голова холостяка, и насколько способность защищаться лучше безсилія, настолько имѣть рога полезнѣе, чѣмъ не имѣть ихъ. Вотъ идетъ патерь Оливеръ.

Входитъ Оливеръ Мартекстъ.

Оселокъ. Господинъ Оливеръ Путаница, милости просимъ. Какъ вамъ будетъ угодно повѣнчать насъ: подъ этимъ деревомъ или прикажете отправиться съ вами въ вашу часовню?

Мартекстъ. Здѣсь нѣтъ никого, кто бы вручилъ вамъ вашу жену?

Оселокъ. Я не желаю принять ее ни изъ чьихъ постороннихъ рукъ.

Мартекстъ. Но это необходимо, или бракъ не будетъ законный.

Жакъ (*подходя*). Совершайте, совершайте обрядъ; я принимаю на себя эту обязанность.

Оселокъ. Добрый вечеръ, любезнѣйшій господинъ! *Какъ васъ зовутъ?* Какъ ваше здоровье? Мнѣ очень пріятно васъ видѣть. Да наградитъ васъ Богъ за эту послѣднюю бесѣду. Я очень радъ васъ встрѣтить. Зачѣмъ вы держите эту вещь (*указывая на шляпу Жака*) въ рукахъ? Пожалуйста, накройте.

Жакъ. Такъ ты хочешь жениться, пестрый шутъ?

Оселокъ. Какъ быкъ имѣетъ свое ярмо, лошадь - свой мундштукъ и соколъ - свои бубенчики, такъ человѣкъ имѣетъ свои желанія; и какъ голуби целуются, такъ супруги милуются.

Жакъ. И неужели вы, человѣкъ съ такимъ образованіемъ, хотите повѣнчаться подъ кустомъ, точно нищій? Пойдите въ церковь и пригласите

хорошаго священника, который можетъ объяснить вамъ, что такое бракъ. А этотъ господинъ соединитъ васъ такъ, какъ соединяють двѣ доски, послѣ чего одна половинка начнетъ разсыхаться и, какъ зеленое дерево, кракъ, кракъ...

Оселокъ (*въ сторону*). Мнѣ сдается, что этотъ повѣнчалъ бы меня лучше, чѣмъ всякій другой, потому что, какъ кажется, онъ неспособенъ повѣнчать меня хорошо; а коли я буду хорошо повѣнчанъ, то это послужитъ для меня впослѣдствіи оправдательнымъ поводомъ кинуть мою жену.

Жакъ. Пойдемъ со мной - и слушайся моихъ совѣтовъ.

Оселокъ. Пойдемъ, милая Одри. Мы должны или повѣнчаться, или жить въ незаконномъ бракѣ. Прощайте, добрейшій патер Оливеръ. Нѣтъ... (*Напѣваетъ.*)

О, милый Оливеръ,

О, славный Оливеръ,

Не оставляй меня ты за собою,

Но... убирайся, братъ;

Ступай же, говорятъ...

Я не хочу быть вѣнчаннымъ тобою.

(*Уходитъ съ Жакомъ и Одри.*)

Мартекстъ. Все равно. Ни одинъ изъ этихъ причудливыхъ плутовъ никогда не поколеблетъ моего призванья. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА IV.

Предъ хижиной.

Входятъ Розалинда и Целія.

Розалинда. Замолчи, я хочу плакать.

Целія. Плачь, пожалуй, но соблаговоли сообразить, что слезы неприличны мужчинѣ.

Розалинда. Но развѣ я не имѣю основанія плакать?

Целія. Имѣешь такое основаніе, какого только можно желать. Поэтому - плачь.

Розалинда. Даже волосы его измѣнническаго цвѣта.

39

Целія. Они немного темнѣе, чѣмъ у Іуды, но поцѣлуй его - родныя дѣти поцѣлуютъ Іуду.

Розалинда. Сказать правду, цвѣтъ его волосъ очень хорошъ.

Целія. Превосходный цвѣтъ. Каштановые всегда самые красивые.

Розалинда. А поцѣлуй его такъ полны святости, какъ прикосновеніе освященнаго хлѣба.

Целія. Онъ купилъ пару губъ у Дианы; монахиня, принадлежащая къ братству зимы, не цѣлуетъ болѣе свято, чѣмъ онъ; въ этихъ губахъ заключенъ весь ледъ цѣломудрія.

Розалинда. Но отчего онъ поклялся, что прійдетъ сегодня утромъ, и не пришелъ?

Целія. Да, конечно, въ немъ нѣтъ ни капли честности.

Розалинда. Ты думаешь?

Целія. Да, я думаю, что онъ не карманный воръ и не конокрадъ, но что касается его честности въ любви, то въ этомъ отношеніи я считаю его такимъ же пустымъ, какъ опрокинутый стаканъ или выѣденный червями орѣхъ.

Розалинда. Онъ не честенъ въ любви?

Целія. Да, не честенъ, если только онъ влюбленъ; но я не думаю, чтобъ онъ былъ влюбленъ.

Розалинда. Однако ты слышала, какъ онъ громко клялся въ любви.

Целія. Что *было*, то не *есть*. Притомъ же, клятва влюбленного такъ же ненадежна, какъ слово кабатчика; и тотъ и другой ручаются въ вѣрности фальшивыхъ счетовъ. Онъ сопровождаетъ здѣсь въ лѣсу герцога, твоего отца.

Розалинда. Я встрѣтила герцога вчера и долго разговаривала съ нимъ. Онъ спрашивалъ меня, изъ какого я семейства; я отвѣчала, что изъ такого же хорошего, какъ его родъ; на это онъ засмѣялся и разстался со мною. Но съ какой стати мы разговариваемъ объ отцахъ, когда на свѣтѣ есть такой человѣкъ, какъ Орlando?

Целія. О, онъ отличный человѣкъ! Пишетъ отличные стихи, говоритъ отличныя слова, произноситъ отличныя клятвы и отлично ломаетъ ихъ прямо на сердцѣ своей возлюбленной, какъ жалкій боецъ, который на турнирѣ пришпориваетъ свою лошадь только съ одной стороны и ломаетъ свое копьѣ. Но все, на чѣмъ ѣздитъ молодость и чѣмъ управляетъ безразсудство - отлично. Кто идетъ сюда?

Входитъ Коринъ.

Коринъ.

Сударыня и сударь, вы не разъ
Справлялися о пастухѣ, который
Любовію томился и со мной
Сидѣлъ при васъ на травкѣ, прославляя
Надменную пастушку, что была
Возлюбленной его.

Целія.

Ну да, такъ что же
Случилось съ нимъ?

Коринъ.

Коли угодно вамъ
Взглянуть теперь на сцену, натурально
Разыгранную блѣдностью любви
И краскою надменности и гнѣва,

Пожалуйте за мной; недалеко
Я васъ сведу, коль это вамъ угодно.

Розалинда.

О да, пойдёмъ скорѣй туда; влюбленныхъ видѣ
Поддерживаетъ тѣхъ, кто страстью самъ горить.
Веди же насъ туда, и я вамъ обѣщаю,
Что въ пьесѣ ихъ я самъ большую роль сыграю.
(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Другая часть лѣса.

Входятъ Сильвій и Фебэ.

Сильвій.

О, милая, не отвергай меня,
Не отвергай! Скажи, что ты не любишь
Меня совсѣмъ, но съ злобой этихъ словъ
Не говори. Вѣдь и палачъ публичный,
Въ комъ сердце зачерствѣло отъ привычки
Къ картинамъ смерти, никогда топоръ
На шею наклоненную не спустить,
Не попросивъ прощенья. Такъ ужели
Ты хочешь быть суровѣй челоуѣка,
Живущаго лишь кровію людской?

Входятъ Розалинда., Целія и Коринъ.

Фебэ.

Я не хочу быть палачомъ твоимъ;
Я отъ тебя бѣгу, чтобъ не заставить
Тебя страдать. Ты говоришь, что я
Ношу въ глазахъ убійство. Это мило,
Да и весьма правдоподобно: дать

Названіе убійцѣ, тирановъ лютыхъ
Глазамъ - нѣжнѣйшей и слабѣйшей вещи,
Которая пугливо дверь свою
Для атомовъ малѣйшихъ закрываетъ!
Отъ всей души я на тебя взгляну
Съ суровостью, и если могутъ ранить
Мои глаза, то пусть они тебя

Убьютъ. Ну, что жъ? представься пораженнымъ;
Ну, падай же безъ чувствъ. Не можешь? Фи!
Стыдись, стыдись такъ лгать, давая имя
Убийцъ моимъ глазамъ. Ну, покажи,
Гдѣ рана та, которую глазами
Я нанесла тебѣ? Коли себя
Ты маленькой булавкою царапнешь -
Царапина останется видна;
Коль къ тростнику рукою прислонишься -
Знакъ на рукѣ на нѣсколько минутъ
Останется. Но ни малѣйшей раны
Мои глаза тебѣ не нанесли,
И я вполне увѣрена, что силы
Боль причинить нѣтъ ни въ какихъ глазахъ.

Сильвій.

О милая, въ тотъ день - а онъ, быть можетъ,
Ужъ недалекъ, - когда на чьихъ-нибудь
Цвѣтущихъ свѣжестью щекахъ ты встрѣтишь
Всю мощь любви - въ тотъ день узнаешь ты
Невидимыя раны, что наносить
Стрѣла любви.

Фебэ.

Ну, а до той поры
Не подходи ко мнѣ; когда же этотъ
Наступитъ день, ты осыпай меня
Насмѣшками и будь безъ состраданья,
Какъ буду я безжалостна къ тебѣ
До той поры.

Розалинда (*подходя*).

А почему же это?

Какая мать васъ родила, что вы
Поносите и мучите несчастныхъ?
Хотя бъ и не были вы красотой
Надѣлены, - а, говоря по правдѣ,
По-моему, настолько лишь собой
Вы хороши, насколько это нужно,
Чтобъ безъ свѣчи укладываться спать -
Такъ развѣ въ ней могли бъ имѣть вы поводъ
Къ надменности и жесткости? Ну, что жъ?
Что на меня вы смотрите? Повѣрьте
Въ моихъ глазахъ ничѣмъ не лучше вы,
Чѣмъ дюжинный товаръ природы. Жизнью
Моей клянусь - мнѣ кажется, она
Мои глаза взять тоже въ плѣнъ желаетъ!

Ну, нѣтъ, моя надменная мамзель,
Вамъ это не удастся, не надѣйтесь!
Не вашимъ волосамъ, какъ черный шолкъ,
И не бровямъ чернильнымъ, и не бѣлымъ,
Какъ молоко, щекамъ, и не глазамъ
Гагатовымъ - не имъ благоговѣнье
Къ вамъ поселить въ душѣ моей. - А ты,
Глупецъ-пастухъ, къ чему ты неотступно
Слѣдишь за ней, какъ вѣтеръ южныхъ странъ,
Наполненный дождями и туманомъ?
Вѣдь какъ мужчина ты въ сто тысячъ разъ
Красивѣе ея. Такіе дурни,
Какъ ты, пастухъ, и населяютъ міръ
Уродами-дѣтьми. Ей льстить, конечно,
Не зеркало ея, а ты. Она
Благодаря тебѣ себя считаетъ
Красивѣе, чѣмъ можно по лицу
Ея судить. Но, милая, старайтесь
Узнать себя; колѣни преклонить
Вамъ слѣдуетъ, поститься и отъ сердца
Благодарить Творца за то, что любитъ
Васъ честный человѣкъ; я на-ушко,
По-дружески вамъ говорю: продайтесь,
Коль случай есть; не всякій купитъ васъ.
Любите же его, не отвергайте
Его руки, молитесь, чтобы васъ
Онъ пощадилъ. Несносно безобразье,
Когда къ нему прибавится еще
Нахальство чванное. Бери жъ скорѣе
Ее, пастухъ, - ну, а затѣмъ, прощай!

Фебэ.

Прошу тебя, о юноша прекрасный,
Брани меня хоть цѣлый годъ. Твои
Упреки мнѣ милѣй его признаній.

Розалинда. Онъ влюбился въ ея безобразіе, а она вотъ влюбляется въ мой гнѣвъ. (*Сильвію*.) Если такъ - каждый разъ, какъ она будетъ отвѣчать тебѣ суровыми взглядами, я буду надѣлать ее сердитыми словами. (*Фебэ*.) Что вы такъ смотрите на меня?

Фебэ. Смотрю не съ дурнымъ чувствомъ.

Розалинда.

Пожалуйста, въ меня вы не влюбитесь:

Я лживее, чѣмъ клятва, что дана

Подъ пьяный часъ; притомъ же я нисколько

Васъ не люблю. Коли хотите знать,
 Гдѣ я живу, такъ это недалеко:
 Въ тѣни оливъ. - Идемъ, сестра. - Пастухъ,
 Будь съ нею крутъ. - Идемъ, сестра. - Пастушка,
 Будь ласковѣ съ нимъ и не гордись.
 Хотя бѣ тебя и цѣлый міръ могъ видѣть,

Ты никого бѣ не ослѣпила такъ,
 Какъ этого вздыхателя. - Идемъ же
 Къ своимъ стадамъ.

(Уходитъ съ Целіей и Кориномъ).

Фебэ.

Теперь, пастухъ умершій,
 Я поняла всю силу словъ твоихъ:
 "Тотъ не любилъ, кто не влюбился сразу".
 Сильвій.

Прекрасная!

Фебэ.

А? Что ты говоришь?

Сильвій

О, пожалѣй меня, мой ангелъ Фебэ!

Фебэ.

Да, я тебя жалѣю, милый Сильвій.

Сильвій

Гдѣ жалость есть, тамъ помощь быть должна.
 Коли къ моей любовной мукѣ жалость
 Ты чувствуешь, дай мнѣ свою любовь,
 И этимъ истребишь ты разомъ жалость
 Въ своей душѣ и скорбь въ моей.

Фебэ.

Даю

Тебѣ любовь; надѣюсь, поступаю
 По-дружески.

Сильвій

Хочу тобой владѣть.

Фебэ.

Ну, это ужъ любостяжанье. Сильвій,
 Была пора, когда ты ненавистенъ
 Былъ для меня... Хоть и теперь тебя

Я не люблю, но такъ какъ ты умѣешь
Такъ говорить прекрасно о любви,
То я твое сообщество, которымъ
До этихъ поръ ты такъ меня сердилъ,
Сносить не прочь, и даже не отвергну
Твоихъ услугъ; но только ужъ не жди
Другихъ наградъ, какъ собственную радость,
Что можешь ты служить мнѣ.

Сильвій.

Такъ чиста
И такъ свята любовь моя, такъ бѣденъ
Я благами, что будутъ для меня
Сокровищемъ и нѣсколько колосевъ,
Подобранныхъ за тѣмъ, кто жатву всю
Беретъ себѣ. Роняй свою улыбку
По временамъ - я буду ею жить.

Фебэ.

Скажи, знакомъ ты съ юношей, который
Здѣсь только-что со мною говорилъ?

Сильвій.

Нѣтъ, не совсѣмъ, но часто съ нимъ встрѣчался.
Онъ именно тотъ самый, что скупилъ
У стараго крестьянина стада и домикъ.

Фебэ.

Изъ-за того, что я о немъ справляюсь,
Не думай ты, что я его люблю;
Онъ просто злой мальчишка; но отлично
Онъ говорить. Да, впрочемъ, мнѣ до словъ
Что за нужда? Но вѣдь слова такъ милы,
Когда тому, кто слушаетъ ихъ, тотъ,
Кто говорить, пріятенъ. Онъ собою
Хорошъ... хотя не слишкомъ; но онъ гордъ -
Убѣждена я въ томъ; однако, гордость
Ему къ лицу; когда-нибудь онъ будетъ
Пріятнѣйшимъ мужчиной. У него
Прекраснѣе всего - лицо, и взглядомъ
Онъ врачевалъ быстрѣй, чѣмъ языкомъ
Онъ уязвлялъ... Онъ расту небольшого,
Но для своихъ годовъ высокъ; нога
Хоть такъ себѣ, но есть въ ней что-то очень

Красивое. Я на губахъ его

Замѣтила прелестнѣйшій румянецъ,
Немного лишь густѣе и живѣй
Чѣмъ на щекахъ - такое же межъ ними
Различіе, какъ межъ пунцовымъ цвѣтомъ
И розовымъ. Не мало женщинъ есть,
Которыя, когда бы разсмотрѣли
Его въ такой подробности, какъ я,
Готовы бы сейчасъ въ него влюбиться.
Во мнѣ жъ къ нему ни ненависти нѣтъ
И ни любви. А между тѣмъ причину
Имѣю я скорѣе ненавидѣть:
Кто право далъ ему бранить меня?
Я помню, онъ мнѣ говорилъ, что черны
Мои глаза и волосы - потомъ
Онъ надо мной смѣялся. Удивляюсь,
Что я его не срѣзала тогда;
Но все равно: отложенное дѣло
Не есть еще рѣшенное. Письмо
Предерзкое я напишу - ты жъ, Сильвій,
Снесешь его, не правда ли?

Сильвій.

О да,

Съ охотою полнѣйшею.

Фебэ.

Сейчасъ же

Я напишу. Слова письма лежатъ
Въ моемъ мозгу и въ сердцѣ. Объяснюсь
Я коротко и зло. Идемъ же, Сильвій.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Лѣсъ.

Входятъ Розалинда, Целія и Жакъ.

Жакъ. Пожалуйста, прекрасный юноша, позволь мнѣ ближе познакомиться съ тобою.

Розалинда. Говорятъ, что вы меланхолический малый.

Жакъ. Это правда; по-моему, быть такимъ лучше, чѣмъ хохотать.

Розалинда. Люди, которые придерживаются одной из этих крайностей - отвратительны и больше чѣмъ пьяница вызываютъ общія насмѣшки.

Жакъ. Да развѣ не хорошо быть угрюмымъ и не говорить ни слова?

Розалинда. Ну, такъ значитъ хорошо быть бревномъ.

Жакъ. Моя меланхолія не меланхолія студента, у котораго это настроеніе не что иное, какъ соревнованіе - и не музыканта, у котораго оно фантастичность - и не придворнаго, у котораго оно тщеславіе - и не солдата, у котораго оно честолюбіе - и не законовѣда, у котораго оно политическая хитрость - и не женщины, у которой оно притворство - и не любовника, у котораго оно - всѣ эти чувства, взятые вмѣстѣ. Моя меланхолія – совершенно особая, собственно мнѣ принадлежащая, составленная изъ многихъ веществъ и извлеченная изъ многихъ предметовъ, и на самомъ дѣлѣ есть результатъ размышленій о моихъ странствіяхъ - размышленій, въ которыя я часто погружаюсь и которыя пропитываютъ меня самою юмористическою грустью.

Розалинда. Вы путешественникъ? Ну, такъ, дѣйствительно, вы имѣете большое основаніе быть грустнымъ. Очень можетъ быть, что вы продали свои собственныя земли, чтобъ увидѣть земли другихъ людей. Въ такомъ случаѣ много увидѣть и самому не имѣть ничего - значитъ быть съ богатыми глазами и бѣдными руками.

Жакъ. Да, я хорошо заплатилъ за мою опытность.

Розалинда. И ваша опытность дѣлаетъ васъ грустнымъ! Я бы желалъ лучше имѣть невѣдѣніе, которое давало бы мнѣ веселость, чѣмъ опытность, которая наводила бы на меня грусть. И для этого еще странствовать.

Входитъ Орlando.

Орlando. Привѣтъ вамъ, дорогая Розалинда!

Жакъ. Ну, коли вы говорите бѣлыми стихами, такъ Богъ съ вами. (*Уходитъ*).

Розалинда (*вслѣдъ ему*). Прощайте

господинъ путешественникъ! Старайтесь картавить и носите странное платье, браните все хорошее въ вашемъ отечествѣ, проклинайте ваше рожденіе и чуть-чуть не упрекайте Бога за то, что онъ создалъ васъ не съ какимъ нибудь другимъ лицомъ. Иначе я съ трудомъ повѣрю, что вы плавали въ гондолахъ... Ну, Орlando, гдѣ же вы пропадали все это время? И вы еще считаете себя влюбленнымъ! Если еще разъ вы сыграете со мной подобную штуку, не показывайтесь мнѣ больше на глаза.

Орlando. Прекрасная Розалинда, я опоздалъ только часомъ противъ моего обѣщанья.

Розалинда. Опоздать часомъ въ любви! О томъ человѣкѣ, который въ дѣлѣ любви раздѣлитъ минуту на тысячу частей и опоздаетъ только на тысячную часть минуты, можно сказать, что Купидонъ ударилъ его по плечу; но сердце его, въ этомъ я ручаюсь, осталось нетронутымъ.

Орландо. Простите мнѣ, дорогая Розалинда.

Розалинда. Нѣтъ, если вы такой медлитель, то не показывайтесь мнѣ больше на глаза. Для меня точно такъ же было бы пріятно, чтобъ за мной ухаживала улитка.

Орландо. Улитка?

Розалинда. Да, улитка, потому что она хоть и идетъ медленно, но по крайней мѣрѣ приносить на головѣ свой домъ - приданое, какъ мнѣ кажется, лучше того, которое вы дадите своей женѣ. Сверхъ того, она приносить съ собой судьбу.

Орландо. Какую это?

Розалинда. Да рога, которыми ваша братія обязаны только своимъ женамъ, тогда какъ этотъ женихъ-улитка приходитъ уже вооруженнымъ своей судьбою и такимъ образомъ предотвращаетъ всякую клевету на свою жену.

44

Орландо. Добродѣтель не дѣлаетъ роговъ, а моя Розалинда добродѣтельна.

Розалинда. А я ваша Розалинда.

Целія. Ему нравится называть тебя такъ; но у него есть другая Розалинда, лучшаго сорта, чѣмъ ты.

Розалинда. Ну, начинайте, начинайте ухаживать за мною, потому что я сегодня въ праздничномъ расположеніи духа и, пожалуй, не прочь сдаться. Что бы вы сказали мнѣ теперь, еслибъ я была ваша настоящая Розалинда?

Орландо. Я бы прежде поцѣловалъ, чѣмъ заговорилъ.

Розалинда. Напрасно! Вамъ бы слѣдовало сперва заговорить, а потомъ ужъ, еслибъ вы остановились отъ недостатка предметовъ для разговора, вамъ можно бы воспользоваться этимъ случаемъ для поцѣлуя. Очень хорошіе ораторы плюютъ, когда имъ случается запнуться; а для влюбленныхъ въ случаѣ такихъ остановокъ – отъ которыхъ да сохранить насъ Богъ! - лучший исходъ - цѣловать.

Орландо. Но если въ поцѣлуѣ отказываютъ?

Розалинда. Тогда ваша возлюбленная принуждаетъ васъ умолять, а это даетъ новый матеріалъ для разговора.

Орландо. Но кто можетъ запнуться въ присутствіи своей возлюбленной?

Розалинда. Да вотъ вы, еслибъ я была вашей возлюбленной; иначе я бы сочла мою добродѣтель сильнѣе моего ума... Развѣ я не ваша Розалинда?

Орландо. Мнѣ пріятно называть васъ ею, потому что я хочу говорить о ней.

Розалинда. Ну, такъ отъ ея имени я говорю вамъ, что вы не нужны мнѣ.

Орландо. Въ такомъ случаѣ мнѣ остается умереть уже отъ собственного имени.

Розалинда. Нѣтъ, умрите лучше по довѣренности. Нашъ бѣдный свѣтъ существуетъ уже почти шесть тысячъ лѣтъ, и во все это время ни одинъ человѣкъ не умеръ самъ по себѣ въ дѣлѣ любви. Троицу раздробила мозгъ греческая палица, а между тѣмъ до того онъ дѣлалъ все возможное, чтобы умереть, - онъ, который можетъ служить образцомъ влюбленнаго. Леандръ прожилъ бы много

прекрасныхъ лѣтъ - пойдѣ Геро хотѣ въ монастырь - если бы не уморила его одна жаркая лѣтняя ночь: добрый юноша вошелъ въ Геллеспонтъ только для того, чтобъ выкупаться, но схватилъ судорогу и утонулъ; а глупые лѣтописцы его времени приписали эту смерть Геро Сестоской. Все это ложь; люди отъ времени до времени умирали, и черви ѣли ихъ, но все это дѣлалось не во имя любви.

Орландо. Я не хотѣлъ бы, чтобъ моя настоящая Розалинда была такого мнѣнія, потому что, ручаюсь въ томъ честию, ея суровый взглядъ убилъ бы меня.

Розалинда. Клянусь этою рукою, такой взглядъ не убилъ бы и мухи. Но, пожалуй, я буду теперь болѣе благосклонной Розалиндой. Просите у меня чего хотите - я ни въ чемъ не откажу вамъ.

Орландо. Такъ любите же меня, Розалинда.

Розалинда. Хорошо, буду любить въ пятницу, въ субботу и всѣ другіе дни.

Орландо. И ты согласна взять меня?

Розалинда. Да, и еще двадцать такихъ, какъ ты.

Орландо. Что ты говоришь?!

Розалинда. Да вѣдь вы хорошій человѣкъ?

Орландо. Надѣюсь.

Розалинда. Ну, а можно ли не желать имѣть много хорошаго? - Пожалуйста, сестрица, будь священникомъ и обвинчай насъ. - Дайте мнѣ вашу руку, Орландо. - Что ты говоришь, сестра?

Целія. Я не знаю, какія слова надо говорить при этомъ.

Розалинда. Ты должна начать такъ: "Согласны ли вы, Орландо..."

Целія. А, знаю! Согласны ли вы, Орландо, взять женою себѣ предстоящую здѣсь Розалинду?

Орландо. Согласенъ.

Розалинда. Хорошо, но когда?

Орландо. Сейчасъ, какъ только она повѣнчаетъ насъ.

Розалинда. Въ такомъ случаѣ вы должны сказать: "Я беру тебя, Розалинда, женою".

Орландо. Я беру тебя, Розалинда, женою.

Розалинда. Я могла бы потребовать у васъ разрѣшительнаго свидѣтельства; но я и безъ него беру тебя, Орландо, моимъ мужемъ. Вотъ невѣста и опередила священника; несомнѣнно, что мысли женщины всегда обгоняютъ ея дѣйствія.

Орландо. Точно такъ же и мысли всѣхъ; они крылаты.

Розалинда. Теперь скажите мнѣ, сколько времени вы захотите владѣть ею послѣ того, какъ получите ее?

Орландо. Вѣчно и одинъ день.

Розалинда. Скажите "одинъ день" и

отбросьте "вѣчно". Нѣтъ, нѣтъ, Орландо, мужчины - апрѣль, когда они ухаживаютъ, и декабрь - послѣ того какъ женятся; дѣвушки - май, пока онѣ дѣвушки, но погода измѣняется, когда онѣ становятся женщинами. Я буду

ревновать тебя сильнѣе, чѣмъ варварійскій голубъ ревнуетъ свою голубку, буду крикливѣе попугая подѣ дождемъ, прихотливѣе обезьяны, сладострастнѣе орангутанга. Я буду плакать изъ-за малѣйшихъ пустяковъ, какъ Диана у фонтана, и это въ то время, когда ты будешь расположенъ къ веселости; буду хохотать, какъ гіена, и это въ то время, когда тебя будетъ одолѣвать сонъ.

Орландо. Но станетъ ли дѣлать все это моя Розалинда?

Розалинда. Клянусь жизнью, она будетъ поступать такъ, какъ я.

Орландо. Но вѣдь она умна.

Розалинда. Да, иначе, у нея не хватило бы ума, чтобы дѣлать это. Чѣмъ умнѣе женщина, тѣмъ она хитрѣе. Затвори дверь женскому уму - онъ вылетитъ въ окно; заколоты окно, онъ пролѣзетъ въ замочную скважину; задѣлай ее, онъ улетитъ съ дымомъ въ трубу.

Орландо. Человѣкъ, которому досталась бы жена съ такимъ умомъ, могъ бы спросить: "умъ, куда ты лѣзешь?"

Розалинда. Нѣтъ, этотъ вопросъ вы могли бы прибавить до тѣхъ поръ, пока не увидѣли бы, что умъ вашей жены взбирается на постель вашего сосѣда.

Орландо. Но у какого ума хватило бы ума, чтобы оправдаться въ этомъ?

Розалинда. Вотъ пустяки! Она сказала бы, что полѣзла туда васъ искать. Вы никогда не оставите ее безъ отвѣта, развѣ ужъ она будетъ безъ языка. О, тѣ женщины, которыя не умѣютъ взваливать свои проступки на своихъ мужей, не должны никогда сами кормить своихъ дѣтей, потому что онѣ будутъ дѣлать ихъ дураками.

Орландо. Розалинда, я оставляю тебя на два часа.

Розалинда. Увы, дорогой мой, я не могу пробыть безъ тебя цѣлыхъ два часа!

Орландо. Я долженъ присутствовать на обѣдѣ герцога. Черезъ два часа я снова буду съ тобою.

Розалинда. Да, ступайте, ступайте своей дорогой! Я знала впередъ, какъ вы поведѣте себя. Мои друзья предсказывали мнѣ это, да и я сама была убѣждена въ томъ. Вашъ льстивый языкъ оболѣстилъ меня. Теперь одной отверженной на свѣтѣ больше. Смерть, прійди ко мнѣ! Вы говорите, въ два часа?

Орландо. Да, милая Розалинда.

Розалинда. Ручаюсь моею вѣрностью, и говорю совершенно серьезно, и клянусь моею надеждой на Бога и всѣми хорошими клятвами, которыя не опасны - если вы на іоту нарушите ваше обѣщаніе или опоздаете минутой противъ назначеннаго часа, я буду считать васъ самымъ патетическимъ вѣроломцемъ, и самымъ фальшивымъ любовникомъ, и самымъ недостойнымъ той, которую вы называете Розалиндой, какіе когда-либо находились въ огромной шайкѣ обманщиковъ. Поэтому бойтесь моего приговора и сдержите ваше обѣщаніе.

Орландо. Сдержу такъ же свято, какъ выполнилъ бы его, еслибъ ты дѣйствительно была моею Розалиндой. Итакъ, прощай.

Розалинда. Хорошо. Время - старый судья, разбирающій всѣ подобные проступки; пусть же оно и разсудитъ впослѣдствіи. Прощай. (Орландо уходитъ.)

Целія. Ты въ своей любовной болтовнѣ наклепала ужасныя вещи на нашъ полъ. За это стоило бы поднять тебѣ на голову твой камзолъ и панталоны, чтобы показать міру, какъ птица поступила со своимъ собственнымъ гнѣздомъ.

Розалинда. О кузина, кузина, кузина, милая кузиночка, еслибъ ты знала, на сколько футовъ глубины я погрузилась въ любовь! Но эту глубину нельзя измѣрять; дно моей любви неизвѣстно, какъ дно Португальскаго залива.

Целія. Или, вѣрнѣе сказать, твоя любовь бездонна; сколько ни лей въ нее – все пропадаетъ.

Розалинда. Нѣтъ, пусть этотъ злой незаконный сынъ Венеры, задуманный мыслью, зачатый сплиномъ и рожденный безуміемъ – этотъ слѣпой плутъ мальчишка, который дурачить чужіе глаза потому, что потерялъ свои собственные, пусть онъ будетъ судьей глубины моей любви. Говорю тебѣ, Алиена, я не могу жить безъ Орландо. Пойду гдѣ-нибудь въ тѣни вздохать и ожидать его прихода.

Целія. А я пойду спать. *(Уходятъ)*.

СЦЕНА II.

Лѣсъ.

Входятъ Жакъ, вельможи и охотники.

Жакъ. Кто изъ васъ убилъ оленя?

Одинъ изъ вельможъ. Я.

Жакъ. Представимъ его герцогу какъ

46

римскаго побѣдителя; было бы хорошо также возложить на его голову, въ видѣ триумфальнаго вѣнца, рога оленя. Охотники, есть у васъ какая-нибудь пѣсня на этотъ случай?

Одинъ изъ охотниковъ. Есть.

Жакъ. Спойте ее; какъ бы вы ни фальшивили, это все равно, лишь бы шуму было достаточно.

ПѢСНЯ.

Первый голосъ.

Чѣмъ должно наградить того,

Кѣмъ здѣсь олень на смерть сраженъ?

Второй голосъ.

И кожу, и рога его

Пускай возьметъ въ награду онъ.

Первый голосъ.

И проведемъ затѣмъ домой

Его мы съ песенкой такой:

Всѣ охотники.

Носи рога безъ отвращенья;
Уже до твоего рожденья
Рога избралъ твой отчій домъ
Своимъ гербомъ.

Первый голосъ.

Твой дѣдъ рога носить любилъ.

Второй голосъ.

И твой отецъ рога носилъ.

Всѣ охотники.

Могучій рогъ, могучій рогъ
Смѣшонъ и жалокъ быть не могъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Лѣсъ.

Входятъ Розалинда и Целія.

Розалинда. Что ты теперь скажешь? Два часа прошло, а объ Орlando ни слуху ни духу.

Целія. Ручаюсь тебѣ, что, полный чистой любви и мозгового расстройства, онъ взялъ свой лукъ и стрѣлы и отправился спать. Но посмотри, кто идетъ сюда?

Входитъ Сильвій.

Сильвій.

Я посланъ къ вамъ, прекрасный господинъ,
Отъ Фебѣ дорогой, чтобъ вамъ вотъ это
Отдать; что тутъ написано - совсѣмъ
Не знаю я, но сколько догадаться
Могу по той суровости и гнѣвнымъ
Движеніямъ, съ которыми она
Писала вамъ - записка эта очень
Сердитая. Простите мнѣ; вѣдь я
Не кто иной, какъ посланный невинный.

Розалинда (прочитавъ).

Отъ этого письма само терпѣнье
Взбѣсилось бы и забіяки роль
Сыграло. Да, кто этакую штуку
Перенесетъ, тотъ все перенесетъ.
Представь, она мнѣ пишетъ, что собою
Я не хорошъ, что у меня манеръ

Изящныхъ нѣтъ, что я гордецъ, что еслибъ
Мужчина былъ на свѣтѣ рѣдокъ такъ,
Какъ фениксъ самъ - и тутъ не полюбила бъ
Она меня. Да вѣдь ея любовь -
Чортъ побери - не заяцъ, за которымъ
Охочусь я. И для чего она
Такъ пишетъ мнѣ? Пастухъ, пастухъ, послушай,
Ея письмо ты сочинилъ.

Сильвій.

О нѣтъ,

Ручаюсь вамъ, что даже содержанья
Не знаю я; письмо ея рукой
Написано.

Розалинда.

Ну, ну, ты сумасшедшій!
Ты съ толку сбить любовью. Вѣдь у ней
Я руки видѣлъ; эти руки - кожа
Какая-то, а цвѣтомъ - какъ песокъ,
Я принялъ ихъ за старья перчатки,
А это были руки. У нея
Рука простой кухарки. Впрочемъ, это
Мнѣ все равно; я говорю опять,
Что этого письма не сочиняла
Она никак; его и сочинилъ
И написалъ мужчина.

Сильвій.

Нѣтъ, повѣрьте,
Что все она...

Розалинда.

Да слогъ его совсѣмъ
Отчаянный и дикій; дуэлисты
Лишь пишутъ такъ; вѣдь на меня она
Возстала такъ, какъ возстаютъ лишь турки
На христіанъ. Прелестный женскій мозгъ
Не могъ создать такихъ гигантски-грубыхъ,
Ужаснѣйшихъ и эѳіопскихъ словъ,
Которыя чернѣй своимъ значеніемъ,
Чѣмъ внѣшностью. Хотите, я прочту?

Сильвій.

Пожалуйста, прочтите; я не знаю

Его совѣмъ, хоть слишкомъ хорошо
Жестокость Фебэ знаю.

Розалинда.

Вотъ что пишетъ

Тиранка мнѣ; прислушаться прошу:

(Читаетъ.)

"О, ты, который здѣсь все сердце дѣвы сжегъ,
Скажи: ты пастухомъ переодѣтый богъ?"

Можетъ ли женщина такъ сильно ругаться?
Сильвій. Вы называете это ругаться?

Розалинда (читаетъ).

"Къ чему ты снялъ съ себя небесный образъ твой
И съ сердцемъ женщины вступилъ въ неравный бой?"

Слышали вы когда-нибудь подобныя ругательства?

"Глаза мужчинъ ко мнѣ стремились не разъ,
Но никогда меня ничей не ранилъ глазъ".

Она считаетъ меня животнымъ.

"Коли ужъ гнѣвъ твоихъ сверкающихъ очей
Возмогъ такую страсть зажечь въ душѣ моей,
То сколько чуднаго свершилось бы со мной,
Когда бы этотъ взглядъ былъ полонъ добротой!
Выслушивая брань, тебя любила я -
Такъ что бы сдѣлала со мной мольба твоя!
Тотъ, кто несетъ тебѣ теперь мою любовь,
Не знаетъ, какъ она мою волнуетъ кровь.
Пришли мнѣ съ нимъ письмо, и въ томъ письмѣ открой,
Готовъ ли ты принять душою молодой
Все, чѣмъ владѣю я и личность всю мою? -
Отъ сердца я тебѣ все это отдаю.

Иначе страсть мою отвергни навсегда -

И стану я искать одну лишь смерть тогда!"

Сильвій. Это, по-вашему, значить браниться?

Целія. Ахъ, бѣдный пастухъ!

Розалинда. Ты жалѣешь о немъ? Нѣтъ, онъ не заслуживаетъ состраданія.
(Сильвію.) И ты можешь любить такую женщину? Подумай, вѣдь она дѣлаетъ изъ
тебя инструментъ и играетъ на немъ фальшивую арію. Это невыносимо! Ну,
хорошо, вернись къ ней - потому что я вижу, что любовь сдѣлала тебя ручною
змѣею, - и скажи ей вотъ что: если она любитъ меня, то я ей приказываю любить
тебя; если она не согласится, я не захочу имѣть съ ней никакого дѣла, развѣ только
ты станешь просить за нее. Коли ты истинно влюбленъ, ступай - и ни слова
больше, потому что къ намъ идутъ гости. (Сильвій уходитъ).

Входитъ Оливеръ.

Оливеръ.

Здорово, милые ребята; можно ль
У васъ узнать, гдѣ здѣсь въ лѣсу изба,
Стоящая въ тѣни оливъ?

Целія.

На западъ
Отсюда - вонъ, внизу долины ближней.
Вы видите тамъ ивы у ручья
Журчащаго? Оставьте ихъ направо -
И будете на мѣстѣ. Но теперь
Сама себя избушка караулитъ:
Она совсѣмъ пуста.

Оливеръ.

Когда языкъ
Учителемъ для глазъ служить способенъ,
То узнаю по описанью васъ:

48

Костюмъ, года такіе точно. "Мальчикъ -
Сказали мнѣ, - блондинъ, его черты
Всѣ женскія, и старшею сестрою
Себя онъ держитъ; а дѣвушка смуглѣй,
Чѣмъ братъ ея и роста небольшого".
Такъ ужъ не вы ль хозяева избы,
Которую ищу я?

Целія.

Безъ тщеславья
На вашъ вопросъ мы отвѣчаемъ: да.

Оливеръ.

Орlando шлетъ поклонъ свой вамъ обоимъ,
А юношѣ, котораго зоветъ
Своею Розалиндой онъ, - вотъ этотъ
Платокъ въ крови. Вы Розалинда?

Розалинда.

Я.

Но что же мы изъ этого узнаемъ?

Оливеръ.

Мой стыдъ, когда я вамъ скажу, кто я,
И какъ, и гдѣ, и почему я кровью
Смочилъ платокъ.

Целія.

Скажите поскорѣй.

Оливеръ.

Въ послѣдній разъ, какъ молодой Орlando
Оставилъ васъ, онъ обѣщанье далъ

Чрезъ два часа вернуться. Пробираясь
Вдоль по лѣсу, жеваль онъ пищу грезъ
И сладостныхъ, и горькихъ. Вдругъ - представьте -
Онъ въ сторону случайно кинуль взоръ
И видитъ что жъ? Подъ дубомъ, въ коемъ вѣтви
Отъ старости уже покрылись мхомъ,
А голова печально полусѣла
Отъ дряхлости - спалъ, лежа на спинѣ,
Какой-то человѣкъ въ лохмотьяхъ жалкихъ,
Весь въ волосахъ; на шеѣ у него
Обвился змѣй зелено-золотистый
И голову съ угрозой приближалъ
Къ его губамъ раскрытымъ; но, увидѣвъ
Орландо, вдругъ спустился съ шеи внизъ
И ускользнулъ въ кустарникъ, извиваясь.
А подъ кустомъ лежала самка льва
Съ изсохшими сосцами; головою
Къ землѣ она прижалась, и слѣдилъ
Кошачій взоръ за спящимъ, выжидая,
Чтобъ онъ сперва проснулся: этотъ звѣрь,
По царственнымъ чертамъ своей натуры,
Не дѣлаетъ добычею того,
Что кажется мертво. Увидѣвъ это,
Орландо къ человѣку подошелъ,
И въ немъ узналъ - узналъ родного брата.

Целія.

О, онъ не разъ объ этомъ братѣ намъ
Разсказывалъ и выставлялъ страшнѣйшимъ
Чудовищемъ, какія только есть
Между людей.

Оливеръ.

И говорилъ онъ правду
Полнѣйшую: я знаю хорошо,
Какое тотъ чудовище.

Розалинда.

Но что же
Орландо? онъ оставилъ тамъ его
Добычею голодной, тощей львицы?

Оливеръ.

Два раза онъ собирался уходить;
Но доброта, что благороднѣй мѣсти,
Взяла въ немъ верхъ, а справедливый гнѣвъ
Осилила природа - и схватился
Онъ съ львицею, и скоро передъ нимъ

Звѣрь рухнулся. При этомъ страшномъ шумѣ
Проснулся я.

Целія.

Такъ вы - вы братъ его?

Розалинда.

Такъ васъ онъ спасъ?

Целія.

Такъ это вы такъ часто

Его убить старались?

Оливеръ.

Это я -

Но не теперь, а прежде. Не стыжуся
Сознаться вамъ, кѣмъ *былъ* я - съ той поры,
Какъ поворотъ въ душѣ моей такъ сладко
Мнѣ говорить, кѣмъ *сталъ* я.

Розалинда.

Отчего жъ

Платокъ въ крови?

Оливеръ.

Сейчасъ все объясню я.

Когда и я, и онъ въ потокахъ слезъ
Омыли все, что сообщить другъ другу
Могли, когда я рассказалъ ему,
Какъ я зашелъ въ пустыню эту - тотчасъ
Онъ къ герцогу добрѣйшему меня
Провелъ, и тотъ снабдилъ меня одеждой,
И накормилъ, и братскую любовь
Мнѣ указалъ какъ вѣрную защиту.
Затѣмъ мой братъ повелъ меня къ себѣ,

Раздѣлся тамъ, и тутъ лишь я увидѣлъ,
Что львицею клочъ мяса вырванъ былъ
Въ его рукѣ, и кровь все это время
Изъ ней текла; тутъ онъ упалъ безъ чувствъ
И, падая, воскликнулъ: "Розалинда!"
Его привелъ я въ чувство; рану я
Перевязалъ, и скоро онъ бодрѣе
И крепчѣ сталъ, и поручилъ мнѣ къ вамъ,
Незнающимъ меня, сходить скорѣе,
Все рассказать, просить, чтобъ вы ему
Простили то, что не сдержалъ онъ слова,
И передать ребенку-пастуху,

Котораго, шутя, онъ Розалиндой
Своей зоветъ, его платокъ въ крови.
Целія (*Розалиндъ, падающей въ обморокъ*).
Что, что съ тобою, Ганимедъ? любезный
Мой Ганимедъ?

Оливеръ.

Не мало есть людей,
Лишающихся чувствъ при видѣ крови.

Целія.

Нѣтъ, здѣсь не то. Кузин... (*спохватясь*).
Мой Ганимедъ...

Оливеръ.

Смотрите, онъ приходитъ въ чувство.

Розалинда.

Я бы

Желалъ теперь быть дома.

Целія.

Мы тебя

Сведемъ. Возьмите подъ руку его.

Оливеръ. Ободритесь, молодой человѣкъ... Какой же вы мужчина послѣ
этого! У васъ не мужское сердце.

Розалинда. Да, я сознаюсь въ этомъ... А что, сударь, вѣдь каждый сказалъ
бы, что это было отлично сыграно. Пожалуйста, расскажите вашему брату, какъ я
хорошо разыгралъ эту сцену. Ха-ха!

Оливеръ. Это было не притворство. Цвѣтъ вашего лица слишкомъ хорошо
доказываетъ, что вы были серьезно взволнованы.

Розалинда. Увѣряю васъ, что я притворялся.

Оливеръ. Ну, въ такомъ случаѣ ободритесь и играйте роль мужчины.

Розалинда. Это я и дѣлаю; но, по всей справедливости, мнѣ бы слѣдовало
быть женщиной.

Целія. Смотри, ты становишься блѣднѣе и блѣднѣе; пожалуйста, пойдемъ
домой. Вы проводите насъ, добрѣйшій господинъ?

Оливеръ.

Да, потому что брату долженъ я

Принести слова прощенья Розалинды.

Розалинда. Я подумаю о нихъ. Но, пожалуйста, расскажите ему, какъ я
хорошо притворился. Идемъ. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Въ томъ же лѣсу.

Входятъ Оселокъ и Одри.

Оселокъ. Ужъ мы найдемъ время, Одри; потерпи, милая Одри.

Одри. Право, что бы тамъ ни говорилъ этотъ старый господинъ, а мы очень хорошо уладили бы свое дѣло съ этимъ священникомъ.

Оселокъ. Этотъ Оливеръ Путаница скверный низкій человѣкъ, Одри. Однако, Одри, здѣсь въ лѣсу есть молодой парень, имѣющій на тебя виды.

Одри. Да, я знаю, о комъ вы говорите; только онъ не можетъ ничего отъ меня требовать. Да вотъ и онъ самъ!

Входитъ Вилльямъ.

Оселокъ. Меня хлѣбомъ не корми и воды не давай, только неучей показывай. Право, намъ, умнымъ людямъ, придется за многое отвѣчать. Мы то и дѣло, что насмѣхаемся; никакъ не можемъ удержаться отъ этого.

Вилльямъ. Добрый вечеръ, Одри.

Одри. И вамъ, Вилльямъ, пошли Богъ добрый вечеръ.

Вилльямъ (Оселку). Также и вамъ добрый вечеръ, сударь.

Оселокъ. Добрый вечеръ, любезнѣйшій другъ. Накройся, накройся... да прошу же тебя, накройся. Который тебѣ годъ, пріятель?

Вилльямъ. Двадцать пять летъ, сударь.

Оселокъ. Зрелый возрастъ. Тебя зовутъ Вилльямомъ?

Вилльямъ. Вилльямомъ, сударь.

Оселокъ. Прекрасное имя. Ты родился здѣсь въ лѣсу?

Вилльямъ. Да, сударь, благодаря Бога.

Оселокъ. Благодаря Бога! Хорошій отвѣтъ. Ты богатъ?

Вилльямъ. Да, сударь, такъ себѣ.

Оселокъ. "Такъ себѣ" - это очень хорошо сказано: превосходно сказано, а впрочемъ? нѣтъ, это только такъ себѣ. Ты уменъ?

Вилльямъ. Точно такъ, сударь, я очень уменъ.

Оселокъ. Славно ты отвѣчаешь. Теперь я вспоминаю поговорку: "дуракъ считаетъ себя умнымъ, а умный признаетъ себя дуракомъ". Когда языческій философъ ощущалъ желаніе съѣсть виноградную кисть, онъ раскрывалъ губы въ ту минуту, какъ подносилъ виноград ко рту; этимъ онъ хотѣлъ сказать, что виноградъ созданъ для того, чтобы его ѣли, а губы для того, чтобы раскрываться. Ты любишь эту дѣвицу?

Вилльямъ. Люблю, сударь.

Оселокъ. Дай мнѣ свою руку. Ты ученый?

Вилльямъ. Нѣтъ, сударь.

Оселокъ. Такъ выучись у меня вотъ чему: имѣть - значитъ имѣть. Когда говорятъ, что жидкость, переливаемая изъ кубка въ стаканъ, опорожняняя первый, наполняетъ второй, то это риторическая фигура, потому что всѣ ваши писатели согласны, что *ipse* это онъ самый; но ты не *ipse*, потому что онъ самый - я.

Вилльямъ. Какой это онъ самый?

Оселокъ. Тотъ онъ самый, который долженъ жениться на этой женщинѣ. Вотъ почему, деревенскій неучъ, покинь - то есть, говоря низкимъ слогомъ, оставь - сообщество - то есть, говоря деревенскимъ слогомъ - компанію - этой самки, то

есть, говоря обыкновеннымъ слогомъ, этой женщины. А все это вмѣстѣ значитъ: покинь сообщество этой самки или, дружокъ, ты погибнешь; или, чтобы выразиться понятнѣе для тебя, ты умрешь; именно; я убью тебя, уничтожу, обращу твою жизнь въ смерть, твою свободу - въ рабство; я употреблю противъ тебя ядъ, или палочные удары, или стальное оружіе; я соберу противъ тебя партію, я одолѣю тебя политическою хитростью, я умерщвляю тебя ста пятьюдесятью способами! Поэтому трепещи и проваливай.

Одри. Уйди, добрый Вилльямъ.

Вилльямъ. Да сохранить васъ Господь, сударь! (*Уходитъ*).

Входитъ Коринъ.

Коринъ. Мой господинъ и моя госпожа ищутъ васъ; пожалуйста поскорѣе, поскорѣе.

Оселокъ. Удирай, Одри, удирай, Одри! Я иду, иду. (*Уходитъ*).

51

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ Орlando и Оливеръ.

Орlando. Неужели послѣ такого кратковременнаго знакомства ты уже почувствовалъ къ ней расположеніе? едва увидѣвъ, полюбилъ ее? и, полюбивъ, попросилъ ея руки и, попросивъ, получилъ согласіе? И ты настаиваешь на желаніи обладать ею?

Оливеръ. Не пускайся въ обсужденіе моей поспѣшности, ея бѣдности, моего недавняго знакомства съ нею, внезапнаго предложенія съ моей стороны и скорого согласія ея; но скажи со мною, что я люблю Алиену; скажи съ нею, что она любитъ меня; согласись съ нами обоими, что мы можемъ обладать другъ другомъ. Все это послужитъ тебѣ въ пользу, потому что домъ моего отца и всѣ доходы, принадлежавшіе старику Роланду, я уступлю тебѣ, а самъ буду здѣсь жить и умру пастухомъ.

Входитъ Розалинда.

Орlando. Даю тебѣ мое согласіе. Пусть ваша свадьба будетъ завтра; я приглашу на нее герцога и всю его веселую свиту. Поди и приготовь Алиену, потому что, видишь, сюда пришла моя Розалинда.

Розалинда. Да сохранить васъ Богъ, братъ!

Оливеръ. И васъ прелестная сестра!

Розалинда. О, мой милый Орlando, какъ мнѣ прискорбно видѣть, что ты носишь сердце на перевязи!

Орlando. Не сердце, а руку.

Розалинда. Мнѣ казалось, что твое сердце ранено когтями львицы.

Орlando. Оно ранено, но глазами женщины.

Розалинда. Разказалъ вамъ братъ вашъ, съ какимъ искуснымъ притворствомъ я упалъ въ обморокъ, когда онъ показалъ мнѣ вашъ платокъ?

Орландо. Да, разказалъ не только объ этомъ, но и о большихъ чудесахъ.

Розалинда. О, я знаю, что вы хотите сказать. Да, это правда, никогда на свѣтѣ не было вещи, которая совершилась бы такъ быстро; съ нею можетъ сравниться по быстротѣ только столкновение между двумя козлами и знаменитая фраза Цезаря: "пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ". Дѣйствительно, вашъ братъ и моя сестра не успѣли встретиться, какъ уже взглянули друг на друга; не успѣли взглянуть, какъ полюбили одинъ другого; не успѣли полюбить, какъ вздохнули; не успѣли вздохнуть, какъ спросили другъ друга о причинѣ этого вздоха; не успѣли узнать эту причину, какъ стали искать лѣкарства, и такимъ образомъ, переходя со ступени на ступень, построили брачную лѣстницу, по которой они должны будутъ взбираться неудержно, или иначе имъ придется сдѣлаться невоздержными еще до брака. Они теперь охвачены бешенствомъ любви и такъ желаютъ соединиться, что ихъ и палками не разнимешь.

Орландо. Они будутъ обвинены завтра, и я приглашу герцога на свадьбу. Но, ахъ, какъ горько видѣть счастье глазами другихъ! Завтра я тѣмъ болѣе буду поверженъ въ отчаяніе, чѣмъ болѣе буду видѣть своего брата счастливымъ вслѣдствіе обладанія предметомъ своихъ желаній.

Розалинда. Отчего же? развѣ завтра я не могу замѣнить вамъ Розалинду?

52

Орландо. Я не въ силахъ жить долѣе воображеніемъ.

Розалинда. Такъ я не стану утомлять васъ долѣе пустыми разговорами. Узнайте же отъ меня - и теперь я говорю не безъ цѣли, - что вы извѣстны мнѣ какъ человѣкъ съ хорошими качествами. Я говорю это не для того, чтобы дать вамъ хорошее мнѣніе о моемъ знаніи въ томъ отношеніи, что я могъ узнать васъ; точно также стараюсь я заслужить ваше уваженіе лишь настолько, чтобы вы питали ко мнѣ довѣріе въ дѣлѣ, клонящемся къ вашей пользѣ, а не къ моей славѣ. Итакъ, прошу васъ вѣрить, что я могу дѣлать удивительныя вещи; уже на третьемъ году отъ рожденія я вошелъ въ сношеніе съ однимъ волшебникомъ, глубоко знающимъ искусство магіи, но при этомъ не дѣлающимъ ничего предосудительнаго. Если ваше сердце такъ расположено къ Розалиндѣ, какъ это выражаютъ ваши жесты и слова, то вы женитесь на ней въ то же самое время, какъ вашъ братъ повѣнчается съ Алиеной. Я знаю, въ какое стѣснительное положеніе она поставлена, и для меня не невозможно, если вы не найдете этого неудобнымъ, показать ее вамъ завтра, въ ея настоящемъ видѣ, и не подвергая никакой опасности.

Орландо. Вы говорите серьезно?

Розалинда. Да, клянусь жизнью, которую очень люблю, хотя, какъ я объяснилъ вамъ, я волшебникъ. Итакъ, одѣньтесь какъ можно лучше и пригласите вашихъ друзей, потому что, если хотите жениться завтра, то женитесь, и притомъ на Розалиндѣ, если вы этого желаете.

Входятъ Сильвій и Фебэ.

Розалинда. Вотъ идетъ влюбленная въ меня и влюбленный въ нее.
Фебэ.

Вы, юноша, весьма не деликатно
Со мною поступили, показавъ
Мое письмо.

Розалинда.

Мнѣ очень мало дѣла
До этого; стараюсь я, чтобъ вамъ
Невѣжливымъ, презрительнымъ казаться.
Здѣсь подлѣ васъ вашъ преданный пастухъ;
Вы на него смотрите, вы отдайте
Ему любовь - онъ васъ боготворить.

Фебэ (Сильвію).

Мой другъ пастухъ, скажи ему, что значить
Любить?

Сильвій.

Вздыхать и плакать безпрестанно,
Какъ я по Фебэ.

Фебэ.

Я по Ганимеду.

Орландо.

А я по Розалиндѣ.

Розалинда.

А я - я ни по комъ.

Сильвій.

И вѣрнымъ быть и приносить всѣ жертвы,
Какъ я для Фебэ.

Фебэ.

Я для Ганимеда.

Орландо.

А я для Розалинды.

Розалинда.

А я ни для кого.

Сильвій.

Носить въ душѣ восторженное чувство,
И страсти пылъ, и цѣлый міръ желаній,
Боготворить, безропотно терпѣть,
И забывать терпѣнье, и смиряться,
И чистымъ быть, и испытанья всѣ
Переносить, и падать ницъ послушно,
Какъ я предъ Фебэ.

Фебэ.

Я предъ Ганимедомъ.

Орландо.

А я предъ Розалиндой.

Розалинда.

А я ни передъ кѣмъ.

Фебэ (*Розалиндѣ*).

За что же ты любовь мою позоришь?

Сильвій (*Фебэ*).

За что же ты любовь мою позоришь?

Орландо.

За что же ты любовь мою позоришь?

Розалинда.

Къ кому вы обратились, сказавъ:

"За что же ты любовь мою позоришь?"

Орландо.

Къ той женщинѣ, которая не здѣсь

И словъ моихъ никакъ не можетъ слышать.

53

Розалинда. Пожалуйста, перестаньте; точно тутъ собрались ирландскіе волки, воющіе на луну. (*Сильвію*). Я помогу вамъ, если буду въ состояніи. (*Фебэ*). Я бы любилъ васъ, если \бъ былъ въ состояніи. Завтра приходите всѣ ко мнѣ. (*Фебэ*). Я обвѣнчаюсь съ вами, если когда-нибудь обвѣнчаюсь съ женщиной, а вѣнчаюсь я завтра. (*Орландо*). Я удовлетворю васъ, если когда-нибудь удовлетворю человѣка, и завтра вы будете женаты. (*Сильвію*). Я доставлю вамъ удовольствіе, если то, что вамъ нравится, можетъ доставить вамъ удовольствіе, и завтра вы будете женаты. (*Орландо*). Если вы любите Розалинду, приходите. (*Сильвію*). Если вы любите Фебэ, приходите. А что я прійду, это такъ вѣрно, какъ то, что я не люблю ни одной женщины. Затѣмъ, прощайте; я оставилъ вамъ мои распоряженія.

Сильвій. Если я только не умру, то прійду.

Фебэ. Я тоже.

Орландо. Я тоже. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Другая часть лѣса.

Входятъ Оселокъ и Одри.

Оселокъ. Завтра радостный день, Одри; завтра мы будемъ женаты.

Одри. Я желаю этого отъ всего сердца и полагаю, что не безчестно желать быть замужемъ. Сюда идутъ два пажа изгнаннаго герцога.

Входятъ два пажа.

1-й пажъ. Какая счастливая встрѣча, почтенный господинъ!

Оселокъ. Дѣйствительно, счастливая! Ну, садитесь, садитесь, и живѣе пѣсню.

2-й пажъ. Мы къ вашимъ услугамъ; садитесь посрединѣ.

1-й пажъ (*второму*). Какъ же мы споемъ? ровно, гладко, безъ отплевыванія и кашля, безъ извиненія, что мы охрипли - обыкновеннаго предисловія, произносимаго сквернымъ пѣвцомъ?

2-й пажъ. Да-да, безъ всего этого - и оба на одинъ голосъ, какъ два цыгана на одной лошади.

ПѢСНЯ.

Жилъ на свѣтѣ любовникъ съ подругой своей -
Гей, го-го! гей, го-го! гей, го-го!
Проходилъ черезъ ниву однажды онъ съ ней
Превосходной весенней порою,
Этой общею брачной порою,
Когда птицы поютъ: трала-ла, трала-ла,
Всѣмъ влюбленнымъ весна дорога и мила!

Колосистая рожь хороша и густа -
Гей, го-го! гей, го-го! гей, го-го!
Улеглась въ ней красивая наша чета
Превосходной весенней порою, и т. д.

И веселую пѣсню запела о томъ -
Гей, го-го! гей, го-го! гей, го-го!
Что цвѣтетъ наша жизнь ароматнымъ цвѣткомъ
Превосходной весенней порою, и т. д.
Не теряйте жъ изъ вашихъ минутъ ничего -
Гей, го-го! гей, го-го! гей, го-го!
Потому что теперь для любви торжество
Превосходной весенней порою,
Этой общею брачной порою,
Когда птицы поютъ: трала-ла, трала-ла,
Всѣмъ влюбленнымъ весна дорога и мила!

Оселокъ. Сказать вамъ правду, мои милые юноши, хотя слова вашей пѣсни не особенно умныя, но спѣта она была очень скверно.

1-й пажъ. Вы ошибаетесь; мы соблюдали темпъ какъ слѣдуетъ, не сбивались съ такта.

Оселокъ. Рассказывайте! я поступилъ совершенно безтактно тѣмъ, что прослушалъ такую глупую пѣсню. Да сохранить васъ Богъ и да исправить онъ ваши голоса! - Пойдемъ, Одри. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Другая часть лѣса.

Входятъ старый герцогъ, Аміень, Жакъ, Орландо, Оливеръ и Целія.

Герцогъ.

И вѣришь ты, Орландо, что исполнить
Твой мальчикъ все, обѣщанное имъ?

Орландо.

То вѣрю я, то очень сомнѣваюсь,
Какъ человѣкъ, боящійся надежды
И все-таки питающій ее.

54

Входятъ Розалинда, Сильвій и Фебэ.

Розалинда.

Минуточку терпѣнья! Дайте только
Нашъ договоръ точнѣй опредѣлить.
(*Герцогу.*) Сказали вы, что, если Розалинду
Я приведу, ее въ замужество вы
Орландо отдадите?

Герцогъ.

Да, хотя бы

Я долженъ былъ дать королевство ей
Въ приданое.

Розалинда (*Орландо*).

А вы - что, если только
Она прійдетъ, ее возьмете вы?

Орландо.

Да, я возьму, хотя бъ я былъ владѣтель
Всѣхъ королевствъ.

Розалинда (*Фебэ*).

Вы говорите мнѣ,

Что за меня готовы выйти, если
Я только пожелаю?

Фебэ.

Да, хотя бъ

Мнѣ черезъ часъ пришлось пойти въ могилу.

Розалинда.

Но если вы не захотите взять
Меня въ мужья, то отдадите руку
Вотъ этому, вѣрнѣйшему изъ всѣхъ
Влюбленныхъ пастуховъ?

Фебэ.

Да, это наше
Условіе.

Розалинда (*Сильвію*).
Вы объявили мнѣ,
Что женитесь на Фебѣ, если только
Она пойдетъ?

Сильвій.
Да, если бѣ даже смерть
И этотъ бракъ одно и то же были.

Розалинда.
Я это все устроить обѣщаль.
О, герцогъ мой, сдержите ваше слово -
Дать дочь ему. А вы, Орландо, - ваше -
Принять ее. Сдержите слово, Фебѣ,
Быть мнѣ женой, иль, если отъ меня
Откажетесь, то непременно руку
Отдать ему. Сдержите слово, Сильвій,
Быть мужемъ ей, коль отъ меня она
Откажется. Ну, а теперь иду я,
Чтобъ эти всѣ сомнѣнья разрѣшить.

(Уходитъ съ Целіей).

Герцогъ.
Я нахожу, что этотъ мальчикъ очень
На дочь мою похожъ.

Орландо.
Когда его
Я въ первый разъ увидѣлъ, ваша свѣтлость,
Подумалъ я, что это братъ ея.
Но онъ въ лѣсу рожденъ, мой добрый герцогъ,
И въ таинства магическихъ наукъ
Онъ посвященъ своимъ какимъ-то дядей,
Котораго считаетъ онъ большимъ
Волшебникомъ, живущимъ въ этомъ лѣсѣ.

Входятъ Оселокъ и Одри.
Жакъ. Должно быть, приближается новый потопъ, что эти пары идутъ въ
ковчегъ. Вотъ является пара очень странныхъ животныхъ, которыя на всѣхъ
языкахъ называются дураками.

Оселокъ. Поклонъ и привѣтъ всѣмъ присутствующимъ!

Жакъ. Добрый герцогъ, примите его хорошо. Это тотъ самый господинъ съ
пестрымъ мозгомъ, котораго я такъ часто встрѣчалъ въ лѣсу. Онъ клянется, что
живалъ при дворѣ.

Оселокъ. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть подвергнетъ меня испытанію. Я танцоваль, я увивался около дамъ, я политически обращался съ другомъ, ласково съ врагомъ, я разорилъ трехъ портныхъ, я имѣлъ четыре ссоры и изъ-за одной изъ нихъ чуть не подрался на дуэли.

Жакъ. Какъ же она окончилась?

Оселокъ. Мы сошлись на мѣстѣ поединка и тутъ, обсудивъ дѣло, нашли, что наша ссора остановилась передъ седьмымъ пунктомъ обиды.

Жакъ. Что это за седьмой пунктъ? Добрый герцогъ, любите этого человѣка.

Герцогъ. Онъ мнѣ очень нравится.

Оселокъ. Да сохранить васъ Богъ, герцогъ; желаю, чтобъ и вы мнѣ понравились. Я поспѣшилъ сюда, герцогъ, въ среду этихъ сочетающихся сельскихъ паръ, чтобы дать клятву и нарушить ее, такъ какъ бракъ связываетъ, а страсть расторгаетъ узы. Вотъ бѣдная дѣвственница, герцогъ, невзрачная вещица, герцогъ, но собственно

55

мнѣ принадлежащая; жалкая прихоть такая была у меня - взять то, чего не хотѣлъ никто другой. Богатая добродѣтель, герцогъ, живетъ, какъ скупой, въ бѣдной избѣ, какъ жемчугъ въ грязной устрицѣ.

Герцогъ. Честное слово, онъ очень уменъ и краснорѣчивъ.

Оселокъ. Насколько могутъ быть умны и краснорѣчивы шутки шута и другія приторныя вещицы.

Жакъ. Но возвратимся къ седьмому пункту. Какимъ образомъ вы пришли къ заключенію, что ваша ссора остановилась передъ седьмымъ пунктомъ?

Оселокъ. Она остановилась передъ семикратнымъ опроверженіемъ лжи. – Держись покрасивѣе, Одри! - Это было вотъ какъ, мессэръ. Я отзывался съ неудовольствіемъ о формѣ бороды одного придворнаго; онъ послалъ мнѣ сказать, что если я нахожу его бороду остриженной нехорошо, то онъ находитъ ее красивою: это называется *въжливый отвѣтъ*; что, если я еще разъ скажу ему, что его борода не хорошо острижена, онъ отвѣтитъ мнѣ, что стрижетъ ее такъ для собственнаго удовольствія: это называется *скромная насмѣшка*; а если еще разъ скажу, что его

56

борода не хорошо острижена, то онъ отвергнетъ мое мнѣніе: это называется *грубое возраженіе*; а если еще разъ скажу, что она не хорошо острижена, онъ отвѣтитъ, что я говорю неправду: это называется *энергичное опроверженіе*; а если еще разъ скажу, что она не хорошо острижена, онъ объявитъ, что я лгу: это называется *драчное противорѣчіе*; и такъ далѣе, до условной улики во лжи и улики прямой.

Жакъ. Сколько же разъ вы сказали, что его борода не хорошо стрижена?

Оселокъ. Я не посмѣлъ пойти дальше *условной улики*, а онъ не посмѣлъ дать мнѣ *улику прямую*. Такимъ образомъ мы помѣрились мечами и разошлись.

Жакъ. Можете ли вы перечислить по порядку степени опроверженія?

Оселокъ. О, мессэръ, мы ссоримся по печатному, по книгѣ; есть такія книги для людей съ хорошими манерами. Я вамъ назову всѣ степени. Первая – вѣжливый отвѣтъ; вторая – скромная насмѣшка; третья – грубое возраженіе; четвертая – энергическое опроверженіе; пятая – драчливое противоречіе; шестая – улика условная; седьмая – улика прямая. Всѣ эти степени можно удачно обойти, исключая улику прямую, но и изъ нея можно выйти съ помощью частицы *если*. Я видѣлъ случай, какъ семеро судей не могли уладить ссору; но когда поссорившіеся встрѣтились, одинъ изъ нихъ вздумалъ прибѣгнуть къ *если*; именно, онъ сказалъ: *если* вы произнесли *это*, то я произнесъ *то*; и затѣмъ они пожали другъ другу руку и поклялись въ братской любви. Слово *если* – единственный умиротворитель; въ *если* большая сила.

Жакъ. Ну, не рѣдкостный ли это человѣкъ, ваша свѣтлость? вотъ такой же онъ молодецъ во всемъ, а между тѣмъ онъ шутъ.

Герцогъ. Его шутовство служить ему только ширмою, изъ-за которой онъ пускаетъ свое остроуміе.

Входитъ Гименей, ведущій Розалинду въ женскомъ платьѣ; за ними слѣдуетъ

Целія. Тихая музыка.

Гименей (поетъ).

Въ небесахъ ликованье и радость идетъ,
Когда въ добромъ согласьи и въ мирѣ живетъ
Все, что въ мирѣ земномъ обитаетъ;
Добрый герцогъ, возьми свою дочь, Гименей
Въ небеса отправлялся недавно за ней –
И оттуда тебѣ доставляетъ,
Чтобъ рука этой дѣвы была отдана
Человѣку, чье сердце имѣетъ она.

Розалинда (*герцогу*). Я отдаюсь вамъ, потому что я ваша. (*Орландо*). Я отдаюсь вамъ, потому что я ваша.

Герцогъ. Если глаза меня не обманываютъ, ты моя дочь.

Орландо. Если глаза меня не обманываютъ, вы моя Розалинда.

Фебэ

Коли не призракъ вижу я –
Прощай навѣкъ, любовь моя!

Розалинда (герцогу).

Не нужно мнѣ отца, коль имъ не будешь ты.

(Къ Орландо).

Не нужно мужа мнѣ, коль имъ не будешь ты.

(Къ Фебэ).

Иль ты, или никто не будетъ мнѣ женою.

Гименей.

Молчите всѣ и прочь смущенье!
Не вамъ, а мнѣ сказать рѣшенье
Событьямъ чуднымъ этихъ дней;
Коль правды не фальшивы звуки,
То осьмерыхъ счастливецъ руки
Сегодня свяжетъ Гименей.

(Къ Орландо и Розалиндѣ.)

Неразлучны вы будете вѣчно.

(Къ Оливеру и Целіи).

Вы другъ съ другомъ сживетесь сердечно.

(Къ Фебѣ, указывая на Сильвію).

Вы должны иль его полюбить,
Или съ женщиной бракъ заключить.

(Оселку и Одри).

Вы такъ связаны тесно природой,
Какъ зима съ непогодой.

А теперь, между тѣмъ какъ спою
Я вамъ брачную пѣсню мою,
Вы пуститесь въ разспросы скорѣй,
Чтобы столько чудесныхъ вещей
Вы другъ другу могли объяснить
И разсудкомъ сомнѣнье рѣшить.

ПѢСНЯ.

О бракъ! ты, какъ вѣнецъ, Юнону украшаешь!
Блаженнѣйшій союзъ постели и стола!
Ты чудной силою всю землю населяешь -
Такъ пусть же въ честь твою гремитъ вездѣ хвала!
Неситесь клики прославленья
Въ честь брака, бога размноженья!

57

Герцогъ.

О милая племянница, тебя
Встрѣчаю я, какъ дочь свою родную!

Фебѣ (Сильвію).

Ты мой; отъ слова я отрѣчусь не хочу:
За вѣрность всю твою любовію плачу.

Входитъ Жакъ де-Буа.

Жакъ де-Буа.

Позвольте мнѣ сказать вамъ два-три слова:

Я средній сынъ Роланда-старика -
И вотъ съ какою вѣстью прихожу я
Къ прекрасному собранью. Герцогъ Фридрихъ,
Услышавши, что каждый день сюда
Стекается на поселенье много
Знатнѣйшихъ лицъ, собралъ большую рать
И самъ повелъ ее сюда, чтобъ брата
Въ плѣнъ захватить и порѣшить мечомъ.
Уже дошелъ онъ до опушки лѣса
Пустыннаго, когда сѣдой отшельникъ
Съ нимъ встрѣтился, и герцогъ, съ старикомъ
Поговоривъ немного, отказался
Отъ плана своего и жизни въ свѣтѣ,
И завѣщалъ онъ брату своему,
Изгнаннику, корону, а вельможамъ,
Съ нимъ изгнаннымъ, ихъ земли возвратилъ.
Что это всѣ дѣйствительно случилось -
Я жизнью вамъ ручаюсь.

Герцогъ.

Отъ души

Привѣтствую тебя. Приносишь братьямъ
Ты свадебный подарокъ дорогой:
Одинъ свои захваченныя земли
Получить вновь, другой пріобрѣтетъ
Обширныя и сильныя владѣнья.
Сперва мы здѣсь въ лѣсу окончимъ то,
Что начато и развивалось нами
Такъ хорошо. А послѣ эти всѣ
Веселые друзья, что дни и ночи
Лишеній злыхъ дѣлили съ нами здѣсь, -
Участниками стануть - сообразно
Достоинствамъ своимъ - всѣхъ благъ земныхъ,
Вернувшихся ко мнѣ. Теперь же это

58

Нежданное величіе пока
Забудемъ мы и отдадимся сельскимъ
Веселостямъ. Пусть музыка гремитъ;
Вы жъ, новобрачные, подавъ другъ другу руки,
Спѣшите весело нестись подъ эти звуки.

Жакъ (*Жаку де-Буа*).

Мессэръ, одинъ вопросъ: коль хорошо
Разслышалъ я, сказали вы, что герцогъ

Жизнь инок избралъ и навсегда
Отъ пышности придворной отказался?
Жакъ де Буа.

Да, это такъ.

Жакъ.

Отправляюсь я къ нему.
У этихъ обращенныхъ можно много
Хорошаго услышать и узнать.

(Герцогу).

Васъ завѣщаю я всѣмъ прежнимъ вашимъ
Отличіямъ; вы заслужили ихъ
Терпѣніемъ и доблестью душевной.
(Орландо).

Васъ - той любви, которую вполнѣ
Вы вѣрностью своею заслужили.
(Оливеру).

Васъ - вашему наслѣдью и друзьямъ,
Союзникамъ могучимъ и подругѣ.
(Сильвію).

Васъ - брачному одру на много лѣтъ;
Принадлежать онъ долженъ вамъ по праву.
(Оселку).

Ну, а тебя - семейнымъ ссорамъ: ты
Въ своемъ пути любовномъ обезпеченъ
Припасами на мѣсяцъ или два,
Не болѣе. - Итакъ, ступайте веселиться,
А я не танцами желаю насладиться.

Герцогъ.

Останьтесь, Жакъ, останьтесь съ нами здѣсь.
Жакъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не созданъ я для этихъ развлеченій;
Я ухожу пока - и вашихъ повелѣній
У васъ въ покинутой пещерѣ буду ждать.
(Уходитъ).

Герцогъ.

Впередъ, впередъ! пора намъ празднества начать,
И кончатся они - въ томъ нѣтъ для насъ сомнѣній -
Среди дѣйствительныхъ и чистыхъ наслажденій.

(Танцы).

ЭПИЛОГЪ.

Розалинда (*къ публикъ*). Мы не привыкли видѣть женщину въ эпилогъ; но это нисколько не неприличнѣй выхода мужчины въ прологъ. Если справедлива поговорка, что "хорошее вино не нуждается въ ярлыкѣ", то точно такъ же несомнѣнно, что для хорошей пьесы не нуженъ никакой эпилогъ. Однако жъ, къ хорошему вину обыкновенно привѣшиваютъ хорошіе ярлыки, а хорошія пьесы кажутся еще лучше при помощи хорошихъ эпилоговъ. Каково же мое положеніе, когда я не хорошій эпилогъ и не могу похлопотать у васъ въ пользу хорошей пьесы? Я не одѣта какъ нищій, и поэтому мнѣ не идетъ нищенствовать. Единственный способъ, остающійся мнѣ - умолять васъ, и я начну съ женщинъ. О, женщины! любовью, которую вы питаете къ мужчинамъ, заклиная васъ одобрить въ этой пьесѣ то, что имъ понравится. Васъ же, о мужчины, заклиная любовью, которую вы питаете къ женщинамъ - а по вашимъ улыбкама я замѣчаю, что ни одинъ изъ васъ не ненавидитъ ихъ - сдѣлать такъ, чтобы пьеса понравилась вамъ и женщинамъ. Будь я женщина, я расцѣловала бы всѣхъ, чьи бороды мнѣ нравятся, чей цвѣтъ лица приходится мнѣ по вкусу и чье дыханіе мнѣ не противно; и я остаюсь въ убѣжденіи, что всѣ, обладающіе красивыми бородами, или прекраснымъ лицомъ, или пріятнымъ дыханіемъ, не откажутся, въ награду за мое милое предложеніе, отвѣтить на мой поклонъ прощальнымъ привѣтомъ. (*Всѣ уходятъ*).

П. Вейнбергъ.

566

Примѣчанія къ III-му тому.

Въ составленіи примѣчаній къ настоящему тому принимали участіе: Зин. Венгерова, С. А. Венгеровъ, А. Г. Горнфельдъ и М. Н. Розановъ.

Какъ вамъ это понравится.

(As you like it).

Стр. 9. Оливеръ: *Такъ ты хочешь поднять на меня руку, негодяй!*

Орlando: *Я не негодяй*. Въ подлинникѣ villain, что значитъ и негодяй, и чelовѣкъ низкаго происхожденія (какъ «подлый» въ старомъ русскомъ языкѣ). Орlando имѣетъ въ виду второе значеніе.

Стр. 10. Карлъ: *Говорятъ, что онъ уже въ Арденнскомъ лѣсу*. Упомянутіе объ Арденнскомъ лѣсѣ — лѣсистомъ плоскогорьи на сѣверо-востокѣ Франціи и въ нынѣшней Бельгіи — Шекспиръ нашелъ у Лоджа (см. стр. 3—4). О веселомъ разбойникѣ Робинъ Гудъ — герой ряда англійскихъ балладъ, объединенныхъ въ XV в. въ одну эпопею, мы находимъ много упоминаній у современниковъ Шекспира и у самаго Шекспира.

Стр. 11 Оселокъ: *Нѣтъ, клянусь честью, Насмѣшка надъ модной во времена Шекспира придворной манерой кстати и некстати употреблять выраженіе «клянусь честью».*

Стр. 11. Целія: *Любовь моего отца достаточна для того, чтобы этого человека уважали.* Въ текстѣ говорится о Фридрихѣ, а это имя носить отецъ Целіи; однако, въ изд. Folio эти слова приписаны Розалиндѣ, и вѣроятно, что рѣчь идетъ объ ея отцѣ.

Стр. 11. *На этихъ дняхъ тебя выстыкутъ.* Шутовъ сѣкли за дерзости; ср. «Лиръ» (д. I, сцена 4).

Стр. 12. Ле-Бо: *Какъ прикажете мнѣ отвѣчать на это?* Онъ понятно не можетъ ничего отвѣтить на столь мудреный вопросъ, какъ предложенный Целіей: какого цвѣта увеселеніе.

Стр. 12. Целія: *Фраза точно изъ камня выстѣчена.* Въ подлинникѣ: *that was laid on with a trowel* — точно наложено лопаткой. Целія говоритъ о напыщенности, съ которой шутъ хочетъ превзойти слова Розалинды.

Стр. 12. Розалинда: *Слышать въ своихъ ребрахъ эту музыку переламыванія.* Въ подлинникѣ игра словъ, такъ какъ *broken music* значитъ струнная музыка и музыка переламыванія.

Стр. 14. Розалинда: *Молю небо, чтобы я ошиблась относительно васъ,* — оцѣнивая столь низко его силу.

Стр. 15. Орландо: *А то, что здѣсь нетронутымъ осталось, Безжизненный обрубокъ.*

Въ подлиннике *quintain* — мета, призовый столбъ на скачкахъ, который дѣлали изъ дерева, оставляя его на корню и спиливая вершину. Къ нему прикрѣплялась подвижная человѣческая фигура, въ которую побѣдитель долженъ былъ попасть копьемъ.

Стр. 16. Целія: *Нѣтъ, твои слова слишкомъ драгоценны для того, чтобы ихъ бросать собакамъ.* Розалинда употребляетъ пословицу «ни слова собакѣ», а Целія принимаетъ ея слова буквально.

Стр. 16. Розалинда: *Нѣтъ, кое что изъ-за дитяти моего отца.* Болѣе употребительное чтеніе (Диліусъ и др.): «изъ-за отца моего дитяти», то есть изъ-за человека, котораго люблю, который будетъ отцомъ моего ребенка.

Стр. 18. Целія: *И сажую запачкаю лицо.*

Въ подлиннике *umber* — умбра, коричневая краска. Ср. Дѣйствіе IV, сц. 1, стр. 44, гдѣ Целія говоритъ: *У него есть другая Розалинда, лучшаго сорта, чѣмъ ты.* Въ подлинникѣ *of a better leer than you*, то есть «съ лучшимъ цвѣтомъ лица, чѣмъ ты».

Стр. 19. Герцогъ: *Здѣсь кару лишь одну Адамову мы чувствуемъ.*

Нѣкоторые предлагали читать *not* вмѣсто *but*, то есть: «здѣсь мы не чувствуемъ Адамовой кары».

Стр. 19. Герцогъ: *Какъ мерзостный и ядовитый змѣй, оно хранитъ неоцѣнимый камень подъ черепомъ.* Въ подлинникѣ *toad* — черепаха. Объ этомъ баснословномъ камнѣ въ Tenton's *Secrete Wonders of Nature*(1569)

разсказывается: «Въ головахъ старыхъ и большихъ черепахъ находится камень, называемый *Porax* или *Stelon*; онъ имѣетъ силу противъ ядовъ и есть лучшее лѣкарство отъ каменной болѣзни».

Стр. 19. Аміень:

Да, я смѣнить жизнь эту на другую

Не захотелъ бы.

Нѣкоторые — едва ли основательно — переносятъ эту фразу въ заключеніе рѣчи герцога.

Стр. 20. Герцогъ:

Колючими стрѣлами настигаетъ.

Въ подлинникѣ *forked heads*, стрѣлы, наконечники которыхъ имѣютъ зазубрины, заостренные въ обратную сторону, чтобы держаться въ ранѣ.

Стр. 20. 1-й вельможа:

Оленя оставили лохматые друзья.

Въ подлинникѣ *velvet friends*, бархатные друзья — намекъ на мягкую шерсть другихъ оленей или — съ ироніей — на бархатную одежду высокоомѣрныхъ друзей, покинувшихъ обѣднѣвшаго пріятеля.

Стр. 20. 2-й вельможа:

И съ ними исчезъ и шутъ.

Въ подлинникѣ грубѣе: *the roynish clown* — паршивый шутъ.

Стр. 24. Оселокъ: *Эй, паяцъ!*

Въ подлинникѣ *clown*, что можетъ также означать «мужикъ». Но Розалинда принимаетъ другой смыслъ — «дуракъ, шутъ» — и потому говоритъ:

Тебѣ родня онъ, что-ли?

567

Стр. 25. Жакъ:

Ну, дальше, слѣдующій стансъ. Вѣдь вы ихъ называете стансами?

Жакъ издѣвается надъ манерой употреблять иностранные слова.

Стр. 25. Жакъ: *Ducdame, ducdame, ducdame!*

Вѣроятно — бессмысленный припѣвъ, какіе есть во всякой народной поэзіи. Однако, нѣкоторые объясняли эти слова, какъ латинское *duc ad me* — приведи ко мнѣ, что, дѣйствительно, подходитъ къ заклинанію; нѣкоторые видѣли здѣсь *duck* и *dame* — слова изъ одной старой пѣсни.

Стр. 26. Жакъ: *Ругательства, на всѣхъ первожденныхъ Египта.* Вошедшія въ поговорку слова Ветхаго Завѣта (2 кн. Моис. XII, 29): «Господь поразилъ всѣхъ первенцовъ въ землѣ Египетской». Въ поговоркѣ эти слова приняли значеніе «высокородныхъ».

Стр. 26. Сцена VII. *Лѣсъ*. У Делиуса: «Другая часть лѣса». Нѣкоторые издатели дѣлаютъ мѣстомъ дѣйствія сценъ IV — VII одну и ту же часть лѣса. Это соотвѣтствуетъ театральному устройству эпохи Шекспира, но на

новѣйшемъ театрѣ пятая и седьмая сцена происходятъ на одномъ мѣстѣ, шестая — на другомъ.

Стр. 26. Жакъ: *Онъ отвѣчалъ: «не называйте вы меня шуткомъ, пока богатства небо мнѣ не пошлетъ»*. Намекъ на пословицу *fortuna favet fatius* — дуракамъ счастье.

Стр. 27. Жакъ:

Попробуйте натянуть на меня

Костюмъ шута, позвольте мнѣ свободно

Все говорить...

«Здѣсь мы чувствуемъ настроеніе самого Шекспира. Голосъ этотъ принадлежитъ ему. Эти слова слишкомъ велики для Жака, служащаго здѣсь лишь рупоромъ творцу» (Брандесъ).

Стр. 28. Жакъ: *Mіръ — театръ*.

Totus mundus agit histrionem — весь міръ комедіантъ: это изреченіе Петронія красовалось на «Глобусѣ», театрѣ Шекспира. Ср. также въ «Венеціанскомъ купцѣ» (т. 1, стр. 434): Антоніо: *Я этотъ міръ считаю... подмостками*. —

Стр. 29. *Семь дѣйствій* (въ подлинникѣ: *дѣйствія — возрасты*, *his acts being seven ages*) пьесы жизни, о которой говоритъ Жакъ, соотвѣтствуютъ Гиппократову дѣленію человѣческой жизни на семь возрастовъ — по аналогіи съ семью планетами.

Стр. 29. Жакъ:

Обросшій бородой, какъ леопардъ.

Растрепанная борода воина намѣренно противоположена «остриженной красиво бородѣ» судьи. Въ шестомъ изъ этихъ дѣйствій является онъ тощимъ паяцомъ. Въ подлинникѣ *pantaloen*, итальянскій Панталоне, постоянный типъ народной комедіи, — ревнивый и безтолковый старикъ. Послѣдній стихъ этого монолога «*Sans teeth, sans eyes, sans taste sans every thing*» — подражаніе одному мѣсту въ *Генріадѣ* французскаго поэта Гарнье, которую Шекспиръ читалъ въ подлинникѣ.

Стр. 29. Адамъ: *И хорошо вы дѣлаете*.

Къ этой сценѣ относится преданіе, по которому поэтъ самъ исполнялъ въ этой пьесѣ роль Адама въ своемъ театрѣ.

Стр. 30. Орlando:

А ты, въ тройномъ вѣнцѣ, царица тихой ночи.

Тройной вѣнецъ — тройного божества: Діаны-Прозерпины-Луны.

Стр. 30. Оселокъ: *Это совершенно натуральная философія*. Въ подлинникѣ *natural philosopher*, что можетъ значить и натуръ-философъ (философъ природы) и безыскусственный, первобытный философъ.

Стр. 32. Оселокъ: *А если ты никогда не видѣлъ хорошихъ манеръ, то твои манеры должны быть дурны*. Здѣсь каламбуръ: *manners* по англійски значить не только манеры, но и нравы, даже нравственность.

Стр. 32. Коринъ: *А руки придворныхъ надушены цибетомъ* — мускусомъ, не испражненіемъ тибетской кошки, какъ говоритъ Оселокъ,

но веществомъ, добываемымъ изъ нѣкоторыхъ органовъ азіатскаго животнаго — кабарги (*moschus moschiferus*).

Стр. 32. Оселокъ: *Эти стихи точь въ точь рысь торговли масломъ, когда она спешитъ на рынокъ.* Правильнѣе — «какъ торговли масломъ, когда онѣ гуськомъ спѣшатъ на рынокъ»; Оселокъ смѣется надъ однообразной риѣмой стихотворенія. — Ниже онѣ сравниваетъ свои стихи съ «фальшивымъ галопомъ» — когда лошадь начинаетъ галопъ не съ надлежащей ноги.

Стихи, посвященные Розалиндѣ, и пародія Оселка построены на риѣмованіи цѣлаго ряда словъ съ именемъ Rosalind:

From the east to western Ind
No jewel is like Rosalind
Her worth, beeing mounted on the wind
Through all the world bears Rosalind
All the pictures fairest lined
Are but blackto Rosalind.
Let no face be kept in mind
But the fair of Rosalind и т. д.

По-русски нѣтъ, конечно, никакой возможности передать это созвучіе.

Стр. 32. Розалинда: *Я привью къ нему сначала тебя, а потомъ кизилъ.* Каламбуръ: *medlar* значитъ кизилъ, а *meddler* — человѣкъ, который мѣшается не въ свое дѣло.

Стр. 33. Целія: *Весь Аталанты блескъ ума.*

Въ подлинникѣ *Atalanta's better part* (лучшую часть Аталанты), и комментаторы спорятъ, должно ли это означать физическія прелести или духовныя достоинства Аталанты, ея дѣвственную чистоту или ея быстроту въ бѣгѣ. Аталанта — въ греч. миѳологіи — прекрасная охотница, участница въ походѣ Аргонавтовъ или другая, предлагавшая себя въ жены лишь тому, кого она не догонитъ на состязаніи.

Стр. 33. Розалинда: *О, милосердный Юпитеръ.*

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ *pulpiter* — проповѣдникъ.

Стр. 33. Розалинда:

Семь дней изъ девяти было проведено мною.

Чудо — по пословицѣ — исполняется на девятый день по предсказаніи.

Стр. 33. Розалинда: *Меня же воспитывали такъ сильно со временъ Пифагора, когда я была ирландской мышью.* Въ Ирландіи изгоняли мышей риѣмованными заговорами. Намеки на ученіе Пифагора о переселеніи душъ часты у Шекспира («Двѣнадцатая ночь», д. IV, сц. 2; «Шейлокъ», д. IV, сц. 1).

Стр. 34. Целія: *Добудь мнѣ прежде ротъ Гаргантюа.* Гаргантюа — баснословный великанъ знаменитаго французскаго сатирика Раблэ (1483—1553), съѣвшій нечаянно шесть паломниковъ, попавшихъ въ его миску съ

салатомъ. Быть можетъ, Шекспиръ зналъ о немъ не только изъ народной книжки «The history of Gargantua» (1594), но и изъ самого произведенія Раблэ.

568

Стр. 35. Жакъ: *Не были ли вы знакомы съ женами золотыхъ дѣлъ мастеровъ.* Такія изреченія вырѣзывались на кольцахъ и Жакъ съ насмѣшкой спрашиваетъ Орlando, не позаимствовалъ ли онъ ихъ съ колець.

Стр. 35. Орlando: *Нѣтъ, но я отвѣчаю вамъ, какъ тѣ фигуры на обояхъ, у которыхъ вы позаимствовали ваши вопросы.* На обояхъ часто изображались человѣческія фигуры, отъ устъ которыхъ шли (въ видѣ лентъ) изреченія въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Стр. 35. Жакъ: *Я полагаю, что онъ сдѣланъ изъ пятокъ Аталанты* — быстроногой беотійки въ греч. мифологіи. Ср. выше прим. къ стихотворенію, которое читаетъ Целія.

Стр. 37. Жакъ: *Если бы Юпитеръ очутился подъ соломенной крышей.* Намекъ на сказаніе о томъ, какъ Юпитеръ былъ гостемъ въ хижинѣ благочестивыхъ супруговъ, старичковъ Филемона и Бавкиды.

Стр. 39. Целія: *Они немного темнѣе, чѣмъ у Іуды.*

На англійской сценѣ этого времени Іуда и другіе предатели и измѣнники были всегда рыжіе.

Стр. 39. Целія: *Онъ купилъ пару губъ у Діаны.*

Въ подлинникѣ — «пару *поддержанныхъ губъ Діаны*». — Монахиня, принадлежащая къ братству зимы. Это братство — созданіе фантазіи Шекспира.

Стр. 41. Фебэ:

Теперь, настухъ умершій,

Я поняла всю силу словъ твоихъ:

«Тотъ не любилъ, кто не влюбился сразу».

Стихъ изъ популярной тогда поэмы умершаго уже Марло «Геро и Леандръ».

Стр. 41. Сильвій: *У стараго крестьянина.*

Въ подлинникѣ слово *Carlot* (мужикъ), которое нѣкоторые принимаютъ за собственное имя.

Стр. 43. Розалинда: *Иначе я съ трудомъ повѣрю, что вы плавали въ гондолахъ.* То есть, что вы были въ Венеціи.

Стр. 43. Розалинда: *Этотъ женихъ — улитка, приходитъ, уже вооруженный своей судьбою.* То есть, рогами.

Стр. 41. Целія: *Другая Розалинда, лучшаго сорта, чѣмъ ты.*

Въ подлинникѣ *of a better leer* — съ лучшимъ цвѣтомъ лица, чѣмъ ты: намеки на то, что Розалинда выкрасила лицо въ темный цвѣтъ (дѣйствіе 1, сцена 3).

Стр. 44: Розалинда: Иначе я бы сочла мою добродѣтель сильнѣе моего ума.

Далѣе пропущено:

Орландо: *Если бы я запутался въ моемъ сватовствѣ?*

Розалинда: *Да, не въ вашей одеждѣ, а въ вашемъ сватовствѣ.*

Каламбуръ, такъ какъ suit значитъ и одежда, и сватовство.

Стр. 45. Розалинда: *Я буду плакать изъ-за малѣйшихъ пустяковъ, какъ Діана у фонтана.*

Въ эпоху Шекспира были часты статуи у фонтана; здѣсь онъ имѣетъ въ виду изваяніе Діаны, изъ глазъ которой льется въ бассейнъ вода.

Стр. 45. Орландо:

«Умъ, куда ты лезешь?»

Пословица, употребительная, когда кто-нибудь сказалъ глупость.

Стр. 51. Орландо: *И ты настаиваешь на желаніи обладать ею?* Одинъ изъ комментаторовъ основательно указываетъ на то, что влагая эти вопросы въ уста Орландо, Шекспиръ какъ бы самъ отмѣчаетъ малую вѣроятность внезапной страсти Оливера къ Целіи.

Стр. 51. Оливеръ: *И васъ, прелестная сестра.*

Называя мнимаго Ганимеда — Розалинду — своей сестрой, Оливеръ какъ бы принимаетъ участіе въ ея шутливомъ договорѣ съ Орландо.

Стр. 52. Розалинда: *Да, клянусь жизнью, которую очень люблю, хотя, какъ я объяснилъ вамъ, я волшебникъ.* Называя себя волшебникомъ, Розалинда въ эту эпоху жестокаго преслѣдованія колдуновъ рискуетъ жизнью.

Стр. 52. Розалинда: *А я, я ни по комъ.* Въ подлинникъ гораздо лукавѣе: and I for no woman т. е. «А я ни по одной женщинѣ». И ниже вместо *А я ни передъ кѣмъ* она въ подлинникъ тоже говоритъ «ни передъ какой женщиной».

Стр. 53. 2-ой паяцъ: *Садитесь посрединъ.*

Намекъ на пословицу: «Hey diddle diddle, fool in the middle» (Эй, дидль, дидль, дуракъ въ середину).

Стр. 54. Оселокъ: *И тутъ, обсудивъ дѣло, мы нашли, что наша ссора остановилась предъ седьмымъ пунктомъ обиды.* Это насмѣшка надъ книгой Винченціо Савіоло о дѣлахъ чести — «Qf Honor and honorable Quarrels» (1595). Мѣсто, которое Оселокъ имѣетъ въ виду здѣсь и ниже (стр. 55—56) въ словахъ «въ если большая сила», гласитъ: «Условная ложъ это та, которая дается условно: такъ, напримѣръ, если бы человѣкъ произнесъ или написалъ такія слова: если ты сказалъ, что я поносилъ Господа, ты лжешь; или если ты впредъ такъ скажешь, ты солжешь» и т. п.

Стр. 56. Оселокъ: *Есть такія книги для людей съ хорошими манерами.* Такихъ руководствъ къ хорошему тону было въ это время много, напр. Родса «The Book of Nature, of School of Good Maners, for Men, Servants and Children» (1577).

Стр. 56. Герцогъ: *Его шутовство служитъ ему только ширмой.* Въ подлиннике *stalkinghorse*: настоящая или нарисованная на холстѣ лошадь, за которой прятался охотникъ, — подкрадываясь къ дичи.

Стр. 58. Розалинда: *Будь я женщина.*

Надо припомнить, что во времена Шекспира, женскія роли исполнялись мужчинами.